

ХАРУКИ МУРАКАМИ

Каждый день Заводная Птица
прилетала сюда и заводила
пружину нашего тихого мирка.

Хроники Заводной Птицы

Харуки Мураками

Хроники Заводной Птицы

«ЭКСМО»

1994, 1995

Мураками Х.

Хроники Заводной Птицы / Х. Мураками — «Эксмо», 1994,
1995

ISBN 978-5-699-58755-1

Роман «Хроники Заводной Птицы» Харуки Мураками – произведение поистине джойсовского масштаба. Ужас Второй мировой войны и судьба нашего современника в Японии, письма, мистические сны, воспоминания, журнальные статьи, закодированные файлы – цельное полотно, сотканное из невероятных событий, тонкой иронии и неподражаемой интонации Харуки Мураками.

ISBN 978-5-699-58755-1

© Мураками Х., 1994, 1995

© Эксмо, 1994, 1995

Содержание

Книга первая	6
1. Заводная Птица во вторник	6
2. Полнолуние и затмение солнца	19
3. Шляпа Мальты Кано	24
4. Высокие башни и глубокие колодцы	33
5. Страсть к лимонным карамелькам	40
6. Кумико Окада и Нобору Ватая	48
7. Счастливая химчистка	57
8. Длинная история Криты Кано	61
9. Острая потребность в электричестве и подземные водостоки	70
10. Легкая рука	79
11. Лейтенант Мамия	87
12. Долгий рассказ лейтенанта Мамия (часть 1)	93
13. Долгий рассказ лейтенанта Мамия (часть 2)	103
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Харуки Мураками

Хроники Заводной Птицы

© И. Логачев, С. Логачев, перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Книга первая Сорока-воровка Июнь-июль 1984 г.

1. Заводная Птица во вторник Шесть пальцев и четыре груди

Когда зазвонил телефон, я варил на кухне спагетти, насвистывая увертюру из «Сороки-воровки» Россини, которую передавали по радио. Идеальная музыка для спагетти.

Я подумал, не послать ли звонок к черту: спагетти почти сварились, и Клаудио Аббадо подводил Лондонский симфонический оркестр к музыкальному апогею. Впрочем, пришлось сдаться: кто-нибудь из приятелей мог предлагать работу. Я убавил огонь на плите, зашел в гостиную и снял трубку.

– Удели мне десять минут, – сказала трубка женским голосом.

На голоса у меня память неплохая, но этот был незнаком.

– Извините? Кого вам нужно? – вежливо осведомился я.

– Тебя, конечно. Дай мне десять минут, и мы сможем понять друг друга. – Голос звучал низко, мягко – и в то же время тускло.

– Понять друг друга?

– Я имею в виду чувства.

Я заглянул на кухню. Спагетти кипели вовсю – из кастрюли валил пар. Аббадо продолжал командовать «Сорокой-воровкой».

– Извините, но я как раз готовлю спагетти. Не могли бы вы перезвонить позже?

– Спагетти?! – изумленно проговорила женщина. – Ты в пол-одиннадцатого утра варишь спагетти?

– Ну, тебя это не касается. – Я слегка обозлился и перешел на «ты». – Когда хочу – тогда и завтракаю.

– Пожалуй, верно. Хорошо, перезвоню, – сказала она. Прозвучало невыразительно и сухо. Удивительно, как легкая смена настроения влияет на оттенки человеческого голоса.

– Минуточку, – сказал я, не дав ей положить трубку. – Если ты что-нибудь продаешь, то сюда звонить бесполезно. Я сижу без работы, и мне не до покупок.

– Не беспокойся. Я знаю.

– Знаешь? Что ты знаешь?

– Что ты без работы. Мне это известно. Беги скорее, доваривай свои драгоценные спагетти.

– Послушай! Ты вообще... – Связь оборвалась на полуслове – как-то слишком резко.

Я обалдело смотрел на зажатую в руке трубку, пока не вспомнил про спагетти. Вернувшись на кухню, выключил газ и вывалил содержимое кастрюли в дуршлаг. Из-за этого звонка спагетти немного разварились, но это не смертельно. Я стал есть – и думать.

Понять друг друга? – повторял я, поглощая спагетти. Понять чувства друг друга за десять минут? О чем она? Может, просто кто-то решил пошутить? Или какой-нибудь новый трюк торговых агентов? В любом случае это не ко мне.

Вернувшись в гостиную, я устроился на диване с библиотечной книжкой, время от времени поглядывая на телефон. Что мы должны были понять друг о друге за десять минут? Что вообще два человека могут узнать друг о друге за десять минут? Подумать только: женщина,

похоже, была чертовски уверена в этих десяти минутах – ведь это первым слетело у нее с языка. Будто девять минут – слишком мало, а одиннадцать – уже чересчур. Какая точность! Похоже на спагетти.

Читать расхотелось, и я решил погладить рубашки. Я всегда этим занимаюсь, когда в голове каша. Старая привычка. Операцию эту я строго разбиваю на двенадцать этапов – начинаю с внутренней стороны воротничка (№ 1) и заканчиваю манжетой на левом рукаве (№ 12). Порядок всегда один и тот же, и за глажкой я веду отсчет операций. Иначе толку не будет.

Выгладив три штуки, я проверил, не осталось ли складок, и развесил рубашки. Едва я выключил утюг и убрал его в шкаф вместе с гладильной доской, в голове прояснилось.

Только я зашел на кухню выпить воды, как опять зазвонил телефон. Чуть помедлив, я все-таки решил поднять трубку. Если это та же самая женщина, скажу, что глажу, и на этом конец.

Но это была Кумико. Часы показывали полдвенадцатого.

– Как дела? – спросила она.

– Прекрасно.

– Чем занимаешься?

– Вот гладить закончил.

– Что-нибудь не так? – В ее голосе слышалось чуть заметное напряжение: она знала, в каком состоянии я обычно принимаюсь гладить.

– Да нет. Просто выгладил несколько рубашек. – Я уселся на стул и переложил трубку в другую руку. – Чего звонишь?

– Ты стихи умеешь писать?

– Стихи? – удивился я и подумал: стихи? Какие еще стихи?

– У меня знакомая в одном журнале... Это журнал для девушек. Им нужен человек – отбирать и править стихи, которые присылают в редакцию читательницы. Еще он должен каждый месяц писать короткое стихотворение на титул. За такую ерунду неплохо платят. И занят, конечно, не весь день. Могут подбрасывать еще что-нибудь на редактуру, если...

– Ерунда? – перебил ее я. – Погоди-ка. Мне нужно что-нибудь юридическое. С чего ты взяла, что я умею править стихи?

– Я думала, ты что-то писал, когда учился в школе.

– Писал, конечно. В стенгазету – какой класс выиграл в футбол или как физик свалился с лестницы и попал в больницу. В общем, всякую фигню. Но не стихи. Я не умею писать стихи.

– Но я ведь не о настоящих стихах говорю. Какие-нибудь бредни для школьников. Никто не требует, чтоб они вошли в литературу. Ты их сможешь сочинять с закрытыми глазами. Понятно?

– Послушай! Я просто не умею писать стихи – ни с открытыми глазами, ни с закрытыми. Никогда этим не занимался и не собираюсь, – отрезал я.

– Ладно, – вздохнула жена. – Но ведь по юридической части работу найти трудно.

– Знаю. Потому я и раскинул щупальца во все стороны. Скоро кто-нибудь должен ответить. Если не получится, снова буду соображать.

– Ну, как знаешь. Кстати, какой сегодня день?

Я задумался.

– Вторник?

– Тогда, может, сходишь в банк – заплатишь за газ и телефон?

– Схожу. Все равно идти надо. Собирался купить что-нибудь к ужину.

– Что хочешь готовить?

– Еще не знаю. В магазине что-нибудь придумаю.

– Ты подумай хорошенько, – сказала она серьезно. – Нечего так уж торопиться с работой. Таких слов я никак не ожидал.

– Это почему? – Что сегодня за день такой? Все женщины мира взялись удивлять меня по телефону? – Страховка по безработице рано или поздно кончится. Не могу же я всю жизнь сидеть без дела.

– Правильно, но мне же повысили зарплату плюс разные подработки, сбережения... Вполне проживем, если не будем транжирить. Тебе надоело сидеть дома и заниматься хозяйством? Тебе не нравится?

– Не знаю, – честно ответил я. Я на самом деле не знал.

– Тогда сядь и как следует подумай, – сказала жена. – Кстати, кот вернулся?

Кот. Я совсем забыл про кота.

– Нет. Пока.

– Может, поищешь? Его уже неделю как нет.

Я уклончиво промычал и снова переложил трубку в другую руку.

– Почти наверняка шляется где-нибудь у пустого дома в конце дорожки. Там, где во дворе птица стоит. Я его там несколько раз видала.

– На дорожке? Когда это ты туда ходила? Раньше ты не говорила...

– Ой-ой! Надо бежать. Много работы. Не забудь про кота.

Раздались короткие гудки. Я снова посмотрел на трубку и положил ее на рычаг.

Интересно, зачем Кумико туда понесло? Наш дом от дорожки отгораживала стена из бетонных блоков. Лазить через нее не было никакого смысла.

Я сходил на кухню за водой, вышел на веранду – посмотреть, осталась ли в кошачьей миске еда. Кучка сардин лежала нетронутой с прошлого вечера. Кот не приходил. Я стоял на веранде и глядел на наш маленький сад в лучах раннего лета. Садик не из тех, что успокаивают душу. Солнце задерживалось там совсем ненадолго, поэтому земля всегда была черной и влажной. Из растений в углу водились лишь два-три кустика блеклых гортензий, а я не очень люблю эти цветы. По соседству торчало несколько деревьев, и оттуда раздавался механический крик какой-то птицы, напоминавший скрежет заводимой пружины. Бог знает, что это была за птица и как она выглядела, но Кумико прозвала ее Заводной Птицей. Каждый день Заводная Птица прилетала сюда и заводила пружину нашего тихого мирка.

Нужно было идти искать кота. Я всегда любил этих животных – и нашего кота тоже. Но коты живут своей, кошачьей жизнью и притом весьма неглупы. Если кот пропал, значит, решил куда-то наведаться. Устанет, есть захочет и вернется домой. И все же надо пойти поискать его, чтобы Кумико была довольна. Все равно заняться больше нечем.

В начале апреля я ушел из юридической фирмы, где проработал довольно долго. Без особых причин – просто взял и ушел. Нельзя сказать, что работа мне не нравилась. Так, ничего особенного, но платили хорошо, и коллектив нормальный.

По правде сказать, в конторе я исполнял роль профессионального мальчишка на побегушках. Получалось, по-моему, здорово. Надо сказать, у меня настоящий талант для выполнения практических обязанностей. Я схватываю все на лету, действую энергично, никогда не жалуюсь. Кроме того, я – реалист. Вот почему, когда я объявил, что хочу уйти, старший компаньон (это было адвокатское бюро типа «Отец и Сын», и он им управлял) даже предложил мне небольшую прибавку к жалованью.

Но я все-таки уволился – и не потому, что у меня были какие-то особые надежды или планы. Меньше всего мне хотелось, к примеру, снова запереться дома и готовиться к экзамену в коллегию адвокатов. Но оставаться в конторе и продолжать заниматься тем, чем занимался, я тоже не хотел. Если увольняться, то сейчас, решил я. Останься я на месте, это было бы на всю жизнь. В конце концов, мне уже тридцать.

За ужином я сказал Кумико, что собираюсь уйти с работы.

– Ясно, – только и ответила она и на какое-то время замолчала, хотя ясно совсем ничего не было.

Я тоже помалкивал, пока Кумико не добавила:

– Если ты решил уволиться, значит, так и надо. Это твоя жизнь, и можешь поступать так, как тебе хочется. – Сказав это, она стала выбирать палочками кости из рыбы и складывать их на край тарелки.

Жена прилично зарабатывала в журнале о здоровом питании, где была редактором. Кроме того, друзья из других журналов время от времени подбрасывали ей заказы по оформлению – тоже совсем не лишний доход. (В колледже она занималась дизайном и мечтала стать свободным художником-иллюстратором.) Вдобавок, уйди я из фирмы, у меня тоже какое-то время оставались бы деньги из страховки по безработице. То есть, даже если бы я сидел дома на хозяйстве, нам все равно хватило бы на еду, химчистку и другие траты, и наша жизнь мало бы изменилась.

Так я бросил работу.

Я загружал в холодильник купленные продукты, когда раздался звонок. На этот раз аппарат трезвонил нетерпеливо и раздраженно. Я как раз открывал пластиковую упаковку тофу¹. Положил ее на стол, зашел в гостиную и снял трубку.

– Ну как? Доел спагетти? – сказала женщина.

– Доел. Но сейчас мне надо идти искать кота.

– Десять минут подождет, я уверена. Это не спагетти варить.

Я почему-то не мог прервать разговор – что-то в голосе женщины меня притягивало.

– Ну, хорошо. Но только десять минут.

– Теперь мы сможем понять друг друга, – тихо произнесла она. Я почувствовал, как она удобнее устроилась на стуле и положила ногу на ногу.

– Интересно, – сказал я, – почему именно десять минут?

– Десять минут... это может оказаться дольше, чем ты думаешь.

– Ты уверена, что мы знакомы?

– Конечно. Мы много раз встречались.

– Когда? Где?

– Неважно. Если в это углубляться, десяти минут не хватит. Важно время, в котором мы сейчас. Настоящее. Ты не согласен?

– Может, и так. Но я хотел бы убедиться, что ты меня знаешь.

– Какие доказательства тебе нужны?

– Например, сколько мне лет?

– Тридцать, – сразу отозвалась она. – Тридцать лет и два месяца. Хватит?

Поразительно – она действительно меня знает, но я совершенно не помню ее голоса.

– Теперь твоя очередь, – произнесла она вкрадчиво. – Попробуй вообразить меня. По голосу. Представь, какая я. Сколько мне лет. Где я сейчас. Как одета. Ну, давай?

– Понятия не имею.

– Давай же. Напрягись.

Я взглянул на часы. Прошла только минута и пять секунд.

– Абсолютно не представляю, – снова сказал я.

– Давай, я тебе помогу. Я – в постели. Только что из душа, и на мне ничего нет.

Блеск! Секс по телефону.

– Или ты предпочитаешь, чтобы я что-нибудь надела? Кружева? Или чулки? На тебя это подействует?

¹ Соевый творог, широко применяемый в кухне Японии, Китая и других дальневосточных стран. Здесь и далее – прим. перев.

– Да какая мне разница? Делай что хочешь. Можешь надеть что-нибудь, а хочешь – валяй голышом. Извини, но такие телефонные игры меня не интересуют. У меня масса дел и...

– Десять минут. Ты же не умрешь, если потратишь на меня десять минут? Только ответь на мой вопрос: ты хочешь, чтобы я была голая, или мне что-нибудь надеть? У меня много разных вещей. Черное кружевное белье...

– Давай голышом. Согласен. – Прошло четыре минуты.

– Волосы у меня на лобке еще мокрые, – продолжала она. – Я еще не обсохла как следует. О-о! Как у меня там влажно! Тепло и очень влажно. Волоски такие мягкие. Черные и изумительно мягкие. Хочешь погладить?

– Послушай, ты, конечно, извини, но...

– И ниже. Еще ниже. Там тоже тепло – совсем как подогретый крем. Очень тепло. М-м-м. В какой я сейчас позе, как ты думаешь? Правое колено приподнято, левая нога в сторону. Как стрелки часов, когда показывают десять ноль пять.

По ее голосу я понимал, что она не притворяется. Она действительно раскинула ноги на 10.05; ее влагалище было мягким и сочным.

– Потрогай губки. М-е-едленно. А теперь раскрой их. Вот так. М-е-едленно, м-е-едленно-но. Пусть твои пальцы ласкают их. Вот так! О-о-очень медленно. А теперь коснись другой рукой моей левой груди. Поиграй с ней. Поласкай. Веди руку выше. Сожми легонько сосок. Еще раз. Еще. И еще. Я сейчас кончу.

Ни слова не говоря, я положил трубку. Вытянувшись на диване, уставился на часы и глубоко вздохнул. Разговор занял минут пять-шесть.

Через десять минут телефон зазвонил снова, но я не притронулся к трубке. Прозвонив пятнадцать раз, аппарат смолк, и в комнате наступила глубокая, холодная тишина.

Без чего-то два я перелез через стену в нашем дворе и оказался на дорожке. Мы так называли ее, хотя это не была дорожка в прямом смысле. Наверное, нет слова, которым можно обозначить, что это такое. К дорогам оно точно не имеет отношения: у дороги есть начало и конец, она приведет вас куда надо, если вы по ней пойдете. А у нашей дорожки не было ни начала, ни конца, ни входа, ни выхода. С обеих сторон она заканчивалась тупиками. Но даже тупиком ее нельзя было назвать: у тупика имеется хотя бы вход. Соседи для удобства называли ее просто дорожкой. Длинною метров в триста, она разделяла задние дворы стоявших вдоль нее домов. Шириной около метра, а в нескольких местах вообще завалена хламом и перегорожена заборами.

Мой дядя, почти задаром сдавший нам этот дом, рассказывал, что когда-то дорожка имела два конца и служила переулком, соединявшим улицы. Но в годы экономического бума на свободных участках выросли новые дома и стиснули этот проход так, что он превратился в неширокую дорожку. Людям не нравилось, что посторонние ходят прямо у них под окнами или на заднем дворе, поэтому один конец скоро заблокировали или, скорее, перегородили скромным заборчиком. А через какое-то время некий житель решил расширить свой сад и наглухо запечатал этот конец стеной из блоков. Как будто в ответ, на другом конце вырос барьер из колючей проволоки, через который не могли пробраться даже собаки. Соседи не жаловались – уже никто не пользовался этим проходом, и они радовались, что появилась дополнительная защита от злоумышленников. В конце концов, проходом, напоминавшим заброшенный канал, перестали пользоваться, и он превратился в ничейную полосу между двумя рядами домов. В разросшихся сорняках свою клейкую паутину развесили пауки.

И что это вдруг жена туда зачистила? Я сам навевался на эту дорожку от силы раза два, да и Кумико пауков боялась. Но какого черта? Если она сказала, что надо поискать кота на дорожке, значит, надо идти. В любом случае гораздо лучше прогуляться, чем сидеть дома и ждать, когда зазвонит телефон.

Яркое солнце первых дней лета испещрило дорожку темными пятнами теней от распростертых над головой ветвей, замерших в полном безветрии. Казалось, теням суждено навеки впечататься в дорожку. Сюда не проникал ни один звук. Чудилось, что я слышу, как под лучами солнца дышат травинки. По небу дрейфовала кучка мелких облаков. Их четкие и аккуратные контуры напоминали облака со средневековых гравюр. Мир вокруг воспринимался с такой пугающей ясностью, что мое собственное тело казалось зыбким, безграничным, текучим. И очень горячим.

На мне была футболка, тонкие брюки и теннисные тапочки, но я чувствовал, как на солнце под мышками и на груди выступил пот. Как раз в то утро я достал футболку и брюки из коробки с летними вещами, поэтому в нос еще бил резкий запах нафталина.

Соседские дома четко делились на две категории: более старые и построенные не так давно. Новые, как правило, были меньше, их участки – скромнее. Концы длинных палок, на которых сушилось белье, торчали поперек дорожки, и временами мне приходилось прокладывать себе дорогу через завесы полотенец, рубашек и простыней. Откуда-то отчетливо слышались звуки телевизора, где-то спускали в туалете воду, пахло карри.

Старые дома, напротив, почти не подавали признаков жизни. От дорожки их отделяли живые изгороди из ухоженных кустарников, словно ставни, сквозь которые виднелись причесанные сады. В углу одного сада стояла бурая и высохшая новогодняя елка. Другой участок превратили в свалку всех мыслимых игрушек: похоже, их оставили несколько поколений детей. Там валялись трехколесные велосипеды и накидные кольца, пластмассовые мечи и резиновые мячики, куклы-черепашки и маленькие бейсбольные биты. В третьем саду висело баскетбольное кольцо, в четвертом на газоне стояли замечательные дачные стулья и керамический столик. Стулья, первоначально белого цвета, были покрыты таким слоем грязи, будто ими не пользовались несколько месяцев, а может быть, и лет. К столу прилипли лиловые лепестки магнолии.

Сквозь одну стеклянную дверь в алюминиевой раме хорошо просматривалась обстановка комнаты. Кожаный диван и кресла, большой телевизор, буфет (на котором расположились аквариум с тропическими рыбками и два каких-то кубка) и торшер. Комната выглядела декорацией к телеспектаклю. Еще в одном саду стояла огромная собачья конура с дверцей настежь – собаки в ней не было. Металлическая сетка на дверце вздулась, будто обитатель конуры несколько месяцев наваливался на нее изнутри всем телом.

Пустой дом, о котором говорила Кумико, стоял как раз за участком с конурой. Что там никто не живет – причем уже довольно давно, – было видно сразу. Сравнительно новое двухэтажное здание, однако закрытые деревянные ставни сильно обветшали, а металлические наличники окон второго этажа покрылись ржавчиной. В аккуратном садике действительно стояла каменная статуя птицы. Она возвышалась на величественном постаменте, окруженная буйными сорняками. Длинные ветки золотарника почти касались ее ног. Птица – я понятия не имел, к какому виду пернатых она относилась, – расправила крылья, будто хотела поскорее вырваться из этого малоприятного местечка. Кроме статуи, никаких украшений в саду не было. У стены дома один на другом громоздилось несколько выдавших виды пластмассовых стульев. Рядом неестественно яркими красными цветами распустился куст азалии. Все остальное пространство в этой картине занимали сорняки.

Я оперся о сетку забора, доходившего мне до груди, и некоторое время рассматривал сад. Райское, наверное, место для кошек, но их тут что-то не видно. Сцену оживляло только монотонное воркование одинокого голубя, сидевшего на телевизионной антенне. Тень от каменной птицы, разломившись пополам, лежала на зелени вокруг статуи.

Я достал из кармана лимонную карамельку и, развернув, бросил ее в рот. Уволившись, я бросил курить и вот теперь вместо сигарет не расставался с пачкой лимонных карамелек. Жена предупреждала, что я могу испортить себе зубы, но обойтись без карамелек я не мог. Пока я разглядывал сад, голубь на антенне ворковал без остановки – он походил на клерка, штампу-

ющего номера на стопке счетов. Не знаю, сколько я простоял там, но помню, что выплюнул карамельку на землю, почувствовав, как она, наполовину растворившись, наполнила рот липкой сладостью. Затем опять перевел взгляд на тень каменной птицы – и только теперь сообразил, что кто-то меня зовет.

Я обернулся и в саду напротив увидел девочку. Маленького роста, волосы собраны в конский хвост. На ней были темные очки в янтарного цвета оправе и светло-голубая майка без рукавов. Хотя сезон дождей еще не кончился, на тонких руках девочки лежал приятный мягкий загар. Одну руку она засунула в карман шорт, а другой опиралась на бамбуковую калитку, которая была ей по пояс. Между нами было не больше метра.

– Жарко, – сказала девочка.

– Да, жарковато, – отозвался я.

Краткий обмен мнениями состоялся, а она все стояла и смотрела на меня. Затем достала из кармана пачку «Хоупа», вынула сигарету и зажала ее во рту. Верхняя губка у нее была чуть приподнята. Девочка привычно чиркнула спичкой, закурила и наклонила голову. Из-под волос показалось гладкое ухо великолепной формы – словно только что вылепленное. По его тонким краям серебрился нежный пушок.

Она бросила спичку на землю и, вытянув губы, выдохнула дым. Затем повернулась так, словно вспомнила о моем присутствии. За темными зеркальными стеклами ее глаз не было видно.

– Вы где-то здесь живете? – спросила она.

– Угу. – Я собирался поворачивать домой, но, пробираясь сюда, совершил столько маневров, что перестал ориентироваться. Придется выбираться наугад. – Ищу нашего кота, – сказал я, будто оправдываясь, и вытер о брюки влажную от пота ладонь. – Уже неделю как пропал. Его где-то здесь видели.

– Какой он из себя?

– Здоровый такой. С коричневыми полосками. Кончик хвоста немного загнут.

– Как зовут?

– Нобору. Нобору Ватая.

– Ничего себе имечко!

– Вообще-то так зовут моего свояка. Кот на него чем-то похож. Вот мы и назвали его так, смеху ради.

– Чем же кот на него похож?

– Да не знаю. Так, в общем. Походкой. И глаза такие же вредливые.

Девочка впервые улыбнулась и от этого стала еще больше походить на ребенка, чем показалось мне сначала. Ей лет пятнадцать-шестнадцать, не больше. Верхняя губа как-то необычно приподнялась в легкой усмешке. Показалось, будто я слышу голос: «Потрогай меня», – голос женщины в телефоне. Тыльной стороной ладони я вытер со лба пот.

– Кот с коричневыми полосками и загнутым кончиком хвоста, – повторила девочка, как бы стараясь запомнить. – Ага! У него есть какой-нибудь ошейник?

– Черный ошейник от блох.

Она подумала секунд десять – пятнадцать. Ее рука все еще опиралась на калитку. Потом бросила окурочек и придавила его сандалией.

– Кажется, я видела похожего. Не знаю, как насчет загнутого хвоста, но это был здоровый котик тигрового окраса и, по-моему, с ошейником.

– Когда ты его видела?

– Когда? Хм-м. Дня три-четыре назад. Наш сад – как настоящий проходной двор для всех соседских котов и кошек. Они здесь шастают от Такитани к Мияваки.

И она показала рукой на пустой дом, где каменная птица по-прежнему простирала крылья, высокий куст золотарника притягивал к себе летнее солнце, а голубь не переставал ворковать со своей антенны.

– У меня идея, – сказала девчонка. – Почему бы вам не подождать у нас в саду? Все кошки рано или поздно пролезают здесь по пути к Мияваки. А то кто-нибудь надумает в полицию настучать, если увидит, как вы тут бродите. Такое уже случалось.

Я не знал, что и ответить.

– Да вы не беспокойтесь. Я тут одна. Посидим на солнышке, подождем, пока не покажется ваш кот. Я вам помогу. У меня зрение – единица.

Я взглянул на часы. 14.36. Всех дел на сегодня до темноты у меня было выстирать белье да приготовить ужин.

Я вошел в калитку и двинулся следом за девчонкой через лужайку. Она слегка приволакивала правую ногу. Пройдя несколько шагов, остановилась и повернулась ко мне.

– Я свалилась с мотоцикла. С заднего сиденья, – сказала она как бы между прочим. – Не так давно.

На краю лужайки рос большой дуб. Под ним – два брезентовых шезлонга, на одном разложено голубое пляжное полотенце. На другом лежали нераспечатанная пачка «Хоупа», пепельница с зажигалкой, какой-то журнал и большая магнитола, которая тихонько мурлыкала хард-рок. Девчонка выключила музыку и освободила мне место, переложив все на траву. С шезлонга виднелся пустой дом по другую сторону дорожки – каменная птица, золотарник, металлическая сетка забора. Наверное, девчонка наблюдала за мной все время, что я там простоял.

Участок оказался немаленьким. Здесь имелась просторная пологая лужайка с раскиданными по ней деревьями. Слева от шезлонгов находился большой пруд за низким бетонным бордюром: он подставил солнцу пересохшее дно. Судя по зеленоватому налету, в пруд уже давно не наливали воду. За деревьями стоял старый дом в европейском стиле, довольно миниатюрный. С точки зрения архитектуры – ничего особенного. Внушительно выглядел только ухоженный сад.

– Большой участок, – сказал я, оглядываясь. – Должно быть, следить за ним – мучение.

– Наверное.

– Когда-то мне приходилось подрабатывать стрижкой газонов.

– Правда? – Было ясно, что до газонов ей нет никакого дела.

– Ты все время здесь одна? – спросил я.

– Да. Днем всегда одна. Только утром и вечером заходит женщина, которая делает уборку.

Все остальное время больше никого. Выпьете чего-нибудь холодного? У нас есть пиво.

– Да нет, спасибо.

– Не стесняйтесь.

Я покачал головой.

– А в школу что – не ходишь?

– А вы что – на работу не ходите?

– Я не работаю.

– Что, безработный?

– Типа того. Уволился несколько недель назад.

– А кем работали?

– В адвокатской конторе, по разным делам. Ездил по учреждениям за документами, наводил порядок в бумагах, проверял судебные прецеденты, занимался судопроизводством... в таком роде.

– И уволились?

– Ага.

– А жена ваша работает?

– Работает.

Голубь напротив закончил ворковать и, похоже, куда-то провалился. Я вдруг заметил, что вокруг повисла мертвая тишина.

– Вон там как раз и есть кошачий проход, – сказала девчонка, ткнув пальцем в дальний край лужайки. – Видите мусоросжигатель во дворе у Такитани? Там они вылезают, переходят по газону, ныряют под калитку и перебегают в сад на той стороне. Маршрут все время один и тот же.

Она сдвинула очки на лоб, прищурившись посмотрела вокруг, водрузила их на место и выпустила изо рта облачко дыма. За это время я успел заметить у ее левого глаза ссадину сантиметра в два – рана глубокая, из тех, что оставляют шрам на всю жизнь. Черные очки, видно, должны были ее прикрывать. Лицо девчонки особой красотой не отличалось, но что-то в нем привлекало: может быть, живые глаза или необычной формы губы.

– Вы слышали про Мияваки? – спросила она.

– Нет, а что?

– Они жили в том доме. Очень приличные люди. Две дочери, обе ходили в крутую частную школу. У Мияваки было несколько семейных ресторанов.

– А что ж уехали?

Девчонка поджала губы, словно хотела сказать: а я почему знаю?

– Может, в долгах запутался. В одну ночь исчезли – будто сбежали. Наверно, год тому назад. Теперь все зарастает сорняками, кошки вот развелись. Мать все время жалуется.

– Неужели так много кошек?

Не выпуская изо рта сигарету, девчонка посмотрела на небо.

– Причем всех видов. Некоторые линяют, попадаются одноглазые... вместо глаза какой-то комок мяса. Бр-р-р!

Я кивнул.

– У меня есть родственница – у нее на каждой руке по шесть пальцев. Чуть постарше меня. Рядом с мизинцем – еще один палец, маленький, как у младенца. Она так научилась его подгибать, что большинство людей ничего не замечают. А вообще она очень хорошенькая.

Я снова кивнул.

– Это что-то наследственное, да? Как это называется... передается с генами.

Я сказал, что не очень разбираюсь в генетике.

Девчонка помолчала. Я сосал карамельку и тарасился на кошачью тропу. Никто не появлялся.

– Вы в самом деле не хотите пить? – спросила она. – Пойду принесу колы.

– Мне ничего не надо, – ответил я.

Она встала с шезлонга и исчезла в тени деревьев, чуть волоча поврежденную ногу. Я поднял с травы ее журнал и полистал его. Совсем не ожидал, что он окажется журналом для мужчин, таким... ежемесячным. На развороте красовалась женщина в тонких трусиках, через которые просвечивали все ее прелести: восседала верхом на стуле в нелепой позе, широко расставив ноги. Я положил журнал на место, сложил руки на груди и снова сосредоточился на кошачьей тропе.

Прошло немало времени, прежде чем девушка вернулась со стаканом колы в руках. Послеполуденная жара донимала. Долго просидев на солнце, я чувствовал, как заплывают мозги. Меньше всего мне хотелось думать.

– Скажите, – сказала она, возвращаясь к прежней теме, – если бы вам нравилась девушка, а у нее оказалось шесть пальцев, что бы вы сделали?

– Продал бы ее в цирк, – ответил я.

– Что, серьезно?

– Нет, конечно, – сказал я. – Шучу. Думаю, меня бы это не очень волновало.

– Даже если бы это могло передаваться вашим детям?

Я немного подумал.

– Нет, для меня это, правда, не важно. Что плохого в лишнем пальце?

– А если бы у нее было четыре груди?

Я снова задумался.

– Не знаю.

Четыре груди? Этот разговор может продолжаться до бесконечности. Я решил сменить тему.

– Сколько тебе лет?

– Шестнадцать, – ответила она. – Только что исполнилось. Перешла в повышенную школу².

– Давно на занятия не ходишь?

– Нога еще болит, если много ходить. Потом эта ссадина у глаза. В школе все уже достали. Если узнают, что я грохнулась с мотоцикла, начнут болтать: то да се. Поэтому считается, что я «отсутствую по болезни». Можно год пропустить, ничего страшного. В следующий класс я не тороплюсь.

– Понятно.

– Ну, так что? Вы вот говорили, что женились бы на девушке с шестью пальцами, но четыре груди вам не подходит...

– Я не говорил, что не подходит. Я сказал: не знаю.

– Чего не знаете?

– Не знаю... мне трудно такое представить.

– А с шестью пальцами можете представить?

– Конечно. Думаю, да.

– Какая разница? Шесть пальцев или четыре груди?

Я подумал еще немного, но вразумительного ответа не нашел.

– Я задаю слишком много вопросов?

– А что, тебе такое говорят?

– Случается.

Я снова стал смотреть на кошачью тропу. Какого черта я здесь делаю? За все время не показалось ни одной кошки. Не отнимая от груди рук, я на полминуты закрыл глаза. Я истекал потом. Все тело обливали солнечные лучи, наполненные необыкновенной тяжестью. Кусочки льда в стакане девчонки при каждом ее движении позвякивали, как колокольчик на шее коровы.

– Можете поспать, если хотите, – прошептала она. – Как только кот появится, я вас разбужу.

Не открывая глаз, я кивнул.

Воздух был неподвижен, вокруг стояла полная тишина. Голубь уже улетел куда-то за тридевять земель. Я раздумывал о женщине, что позвонила мне. Неужели мы знакомы? Ее голос и манера говорить даже отдаленно никого не напоминают. Но меня она точно знает. Мне казалось, что я вижу перед собой сцену, написанную де Кирико: длинная тень женской фигуры тянется ко мне через пустую улицу, а сама женщина задвинута далеко за пределы моего сознания. У моего уха, не смолкая, тренькал колокольчик.

– Вы спите? – спросила девчонка; ее голос звучал еле-еле: я даже не был уверен, действительно ли слышу его.

² Завершающий этап школьного обучения в Японии, так называемой системы «шесть-три-три» (шесть лет начальной школы, три года средней школы первой ступени и три года повышенной средней школы, в которой школьники готовятся к поступлению в университет).

– Нет, не сплю, – ответил я.

– Можно мне поближе? Мне... легче говорить тихо.

– Не возражаю, – сказал я, по-прежнему не открывая глаз.

Она двигала свой шезлонг, пока тот сухо и деревянно не стукнулся о мой.

Странно, но голос девушки звучал по-разному – в зависимости от того, открыты у меня глаза или закрыты.

– Можно говорить? Совсем тихонько, и вам не надо ничего отвечать. Можете даже спать.

– Ладно.

– Здорово, когда люди умирают.

Губы девчонки были теперь совсем рядом с моим ухом, и ее слова проникали в меня вместе с теплым влажным дыханием.

– Почему? – спросил я.

Она прикоснулась пальцем к моим губам, будто хотела запечатать их.

– Никаких вопросов, – сказала она. – И не открывайте глаза. Хорошо?

Мой кивок был таким же слабым, как ее голос. Она убрала палец и дотронулась до моего запястья.

– Был бы у меня скальпель. Я резанула бы здесь, чтобы заглянуть внутрь. Там... не мертвая плоть. Там что-то похожее на саму смерть. Что-то темное и мягкое, как мячик для софтбола, – из омертвевших нервов. Хочется достать его из мертвого тела, разрезать и посмотреть, что внутри. Я все время думаю, на что это похоже. Может, оно все твердое, как засохшая зубная паста в тюбике. Как вы думаете? Только не отвечайте. Снаружи мягкое, дряблое, но чем глубже, тем тверже становится. Я вскрою кожу и вытащу эту дряблую штуковину, скальпелем и какой-нибудь лопаточкой полезу внутрь – чем дальше, тем больше твердеет эта слизь, – пока не доберусь до крошечной сердцевины. Она такая крошечная, как малюсенький шарик от подшипника, и очень твердая. Вам так не кажется?

Она кашлянула.

– В последнее время я только об этом и думаю. Потому, наверное, что у меня каждый день столько свободного времени. Когда нечего делать, мысли убегают далеко-далеко – так далеко, что не уследишь.

Девушка убрала палец с моего запястья и допила колу. Льдышки звякнули на дне стакана.

– За кота не переживайте – я скажу, если Нобору Ватая покажется. Не открывайте глаза. Сейчас он, конечно, бродит где-то тут. Может появиться в любую минуту. Нобору Ватая приближается. Я знаю: он идет – пробирается в траве, пролезает под калиткой, останавливается понюхать цветочки. Он все ближе и ближе, шаг за шагом. Представьте себе его.

Я попробовал вообразить кота, но у меня получалось лишь очень расплывчатое темное изображение, как на контурной фотографии. Проникая сквозь веки, солнечный свет расшатывал и рассеивал тьму внутри меня, и нарисовать в уме четкий образ кота было невозможно. Вместо этого выходил неудачный портрет, искаженная неестественная картина: некоторые черты имели сходство с оригиналом, но самого главного не хватало. Я даже не мог припомнить, как он ходит.

Девчонка вновь коснулась моего запястья, рисуя на нем кончиком пальца непонятный знак. Будто отозвавшись на него, в мое сознание стала пробираться какая-то другая темнота – она отличалась от той, что я ощущал прежде. Вероятно, я засыпал. Не хотел, но все происходило вопреки моей воле. Тело казалось мертвым – чужим трупом, утопающим в брезентовом покрытии шезлонга.

В этой темноте я увидел только четыре лапы Нобору Ватая, четыре бесшумные коричневые лапы на мягких, словно резиновых, подушечках, и они беззвучно прокладывали где-то дорогу.

Но где?

«Всего десять минут», – говорила та женщина по телефону. Нет, она была права. Иногда десять минут – это не десять минут. Они могут растягиваться и сжиматься. Это я знал точно.

Когда я проснулся, вокруг никого не было. Девчонка испарилась, ее шезлонг по-прежнему стоял впритык к моему. Полотенце, сигареты и журнал лежали на месте, но стакан и магнитолы исчезли.

Солнце понемногу клонилось к западу, тень одной ветви дуба забралась мне на колени. Часы показывали четверть пятого. Я выпрямился и огляделся. Просторная лужайка, высохший пруд, забор, каменная птица, кусты золотарника, телевизионная антенна. И никаких следов кота. Или девчонки.

Не вставая с шезлонга, я взглянул на кошачью тропу и стал ждать, когда она вернется. Прошло десять минут, но ни кот, ни она не появились. Ничто вокруг не шевелилось. Такое чувство, будто я страшно состарился, пока спал.

Поднявшись, я посмотрел на дом: он тоже не подавал признаков жизни. Ослепительный блеск заходящего солнца отражался в стеклах. Мне надоело ждать, я пересек лужайку и, выйдя на дорожку, направился домой. Кота я не нашел, но старался изо всех сил.

Вернувшись домой, я постирал белье и приготовил все для простого ужина. В половине шестого задребезжал телефон, выдал двенадцать звонков, но я не подошел. Даже после того, как он смолк, звон висел в сгущавшемся мраке, будто застывшая в воздухе пыль. Твердые зубчики шестеренок постукивали в прозрачном корпусе настольных часов, зависших в пространстве.

А что, если написать стихотворение про Заводную Птицу? – осенило меня, но первые строки никак не приходили в голову. Да и понравятся ли такие стихи школьникам? Вот в чем вопрос.

Кумико вернулась домой в полвосьмого. Последний месяц она приходила все позже и позже – нередко возвращалась после восьми, а бывало – и после десяти. Теперь, когда я сидел дома и взял на себя кухонные хлопоты, ей уже не надо было торопиться. Она рассказывала, что у них в редакции не хватает людей, вдобавок недавно заболела одна из сотрудниц.

– Извини, – сказала Кумико, – столько работы, а от девочки, которую взяли на полставки, никакого толку.

Я направился на кухню и принялся готовить: жаренная в масле рыба, салат и суп мисо³. Жена, расслабившись, сидела за кухонным столом.

– Где ты был в полшестого? – спросила она. – Я звонила сказать, что немного задержусь.

– Масло кончилось. Ходил в магазин, – соврал я.

– А в банке был?

– Конечно.

– А кот?

– Не нашел. Ходил по дорожке к заброшенному дому, как ты сказала, но его там нет. Наверняка забрел куда-то подальше.

Кумико не ответила.

Когда после ужина я вышел из ванной, Кумико потерянно сидела в гостиной, не зажигая света. В серой блузке, в темноте, на корточках она напостила поставленный не на свое место чемодан.

Вытирая волосы полотенцем, я сел на диван напротив жены.

³ Постоянно присутствует в рационе японцев. Готовится на основе густой массы из перебродивших соевых бобов.

– Кот умер, я уверена, – проговорила она еле слышно.

– Да ну, глупости, – ответил я. – Я думаю, он где-то здорово развлекается. Есть захочет и вернется. Помнишь, один раз уже так было? Когда мы жили в Коэндзи⁴...

– Сейчас – другое дело, – промолвила она. – Сейчас все не так. Я знаю. Кот умер. И гниет где-нибудь в траве. Ты искал в траве у пустого дома?

– Нет. Дом, может быть, и пустой, но он ведь кому-то принадлежит. Я не могу просто так там лазить.

– Где же ты тогда искал? Могу поспорить, ты даже не пытался. Потому и не нашел.

Я вздохнул и снова стал вытирать волосы полотенцем. Хотел что-то сказать, но осекся: Кумико плакала. Ее можно понять, она любила кота. Он появился у нас вскоре после свадьбы. Я бросил полотенце в плетеную корзину в ванной и пошел в кухню за холодным пивом. Дурацкий выдался день. Дурацкий день дурацкого месяца дурацкого года.

Где же ты, Нобору Ватая? Неужели Заводная Птица забыла завести твою пружину?

Слова возникли в голове снова, как строчки стихов:

Где же ты,
Нобору Ватая?
Неужели Заводная Птица
Забыла завести твою пружину?

Когда от пива осталась половина, зазвонил телефон.

– Ты возьмешь? – крикнул я в темноту гостиной.

– Нет, – откликнулась Кумико. – Бери ты.

– Не хочется.

Телефон трезвонил, взбалтывая пыль, плывшую в темноте. Никто не говорил ни слова. Я пил пиво, а Кумико не переставала беззвучно плакать. Я насчитал двадцать звонков и сдался. Считать дальше не было никакого смысла.

⁴ Район в Токио.

2. Полнолуние и затмение солнца О лошадях, умирающих в конюшнях

Способен ли один человек до конца понять другого?

Мы можем потратить массу времени и усилий, пытаясь узнать другого человека, а как близко удастся нам в результате подобраться к его сущности? Мы убеждаем себя, что разбираемся в людях, но известно ли нам о них что-нибудь поистине важное?

Я принялся серьезно размышлять о таких вещах спустя неделю после того, как ушел из юридической фирмы. Никогда до этого – ни разу в жизни – я не ставил перед собой подобных вопросов. Интересно, почему? Вполне возможно, меня переполняло одно то, что я живу. Я просто-напросто был слишком занят, чтобы думать о самом себе.

Толчком для раздумий послужило одно малозначительное событие, но часто случается, что именно с пустяка начинаются самые важные в мире вещи. Однажды утром, после того как Кумико проглотила завтрак и отправилась на работу, я загрузил белье в стиральную машину, убрал постель, помыл посуду и пропылесосил пол. Потом уселся с котом на веранде и принялся изучать объявления о приеме на работу и распродажах. В полдень закусил и отправился в супермаркет, где купил продуктов на ужин и на распродаже запасся моющими средствами, бумажными салфетками и туалетной бумагой. Вернувшись домой, приготовился к ужину и улегся на диван с книжкой – дожидаться возвращения Кумико.

Безработным я стал недавно, и такая жизнь пока была в новинку. Больше не надо добираться до работы в переполненных электричках, встречаться с людьми, которых не хочется видеть. А лучше всего – я получил возможность в любое время читать все, что захочу. Я понятия не имел, сколько продлится моя привольная жизнь, но, по крайней мере, спустя неделю она мне продолжала нравиться, и я изо всех сил старался не думать о будущем. В моей жизни наступили большие каникулы. Когда-нибудь они кончатся, но до тех пор я был намерен ими наслаждаться.

Впрочем, в тот вечер мне не удалось получить от чтения полного удовольствия: Кумико задерживалась с работы. Обычно она возвращалась не позже половины седьмого и всегда предупреждала, если опаздывала даже на десять минут. Такая у нее натура – может быть, даже чересчур пунктуальная. Но тот день стал исключением. Минуту семь часов, а Кумико все не приходила и не звонила. Я заранее все подготовил, чтобы начать стряпать, как только она вернется. Пир устраивать не собирался: просто хотел обжарить вместе тонкие ломтики говядины, лук, зеленый перец и пророщенные бобы, добавить немного соли, перца, соевый соус и сбрызнуть это пивом. Этот рецепт я захватил из своей холостяцкой жизни. Рис был готов, мисо подогрет, овощи, как я это обычно делал, порезаны и разложены на большом блюде. Не хватало только Кумико. Я проголодался и подумывал, не приготовить ли и съесть свою порцию одному, но не мог решиться. Мне казалось, это будет несправедливо.

Я сидел за столом на кухне, потягивая пиво и грызя чуть отсыревшие содовые крекеры, завалившиеся в кухонном шкафу. Маленькая стрелка часов приблизилась к половине восьмого – и медленно переползла за нее.

Кумико пришла после девяти. Выглядела измученной. Глаза покраснели и воспалились – плохой признак. Когда у жены красные глаза, всегда происходит что-то неприятное.

«Ладно, – сказал я себе, – сохраняя спокойствие и не говори лишнего. Все должно быть тихо и естественно. Не надо возбуждаться».

– Извини, пожалуйста, – сказала Кумико. – С этой работой никак не получается. Я все хотела тебе позвонить, но так и не собралась.

– Да ерунда. Все нормально, не обращай внимания, – произнес я как можно более обыденно. Я и правда не собирался делать из этого случая трагедию. Со мной самим так много

раз бывало. Ходить на работу – занятие не из легких, не то что сорвать в саду самую красивую розу и доставить ее за два квартала от своего дома к постели схватившей насморк бабушки. Иногда приходится заниматься скучными вещами, иметь дело с неприятными людьми и просто нет возможности позвонить домой. Нужно всего полминуты, чтобы сказать: «Сегодня буду поздно». Кругом полно телефонов, но все равно не получается.

Я принялся готовить: включил газ, налил масла в сковороду. Кумико достала из холодильника пиво, взяла из буфета стакан. Оглядев провизию, села за стол, ни слова не говоря, и налила себе пива. Судя по выражению лица, напиток не доставлял ей удовольствия.

– Ел бы без меня, – вымолвила она.

– Не бери в голову. Я не так уж и проголодался.

Пока я жарил мясо и овощи, Кумико пошла в ванную. Я слышал, как она умывалась и чистила зубы. Чуть погодя она вышла, держа что-то в руках. Это была туалетная бумага и салфетки, которые я купил в супермаркете.

– Зачем ты это купил? – спросила она усталым голосом.

Не выпуская из рук сковороды, я посмотрел на жену. Перевел взгляд на коробку с салфетками и рулон туалетной бумаги. Я никак не мог понять, что она имеет в виду.

– Это просто салфетки и туалетная бумага. Нам все это нужно. Конечно, кое-какой запас еще есть, но они не сгниют, если полежат немного.

– Я ничего не имею против салфеток и туалетной бумаги. Но зачем тебе понадобилось покупать голубые салфетки и бумагу в цветочек?

– Не понял? – ответил я, стараясь сдержаться. – Я на самом деле купил голубые салфетки и бумагу в цветочек. На распродаже, по дешевке. Нос же у тебя не посинеет от голубых салфеток. Стоит ли об этом говорить?

– Стоит. Я терпеть не могу голубые салфетки и туалетную бумагу с рисунком. Ты разве не знал?

– Не знал, – сказал я. – А почему ты их терпеть не можешь?

– Откуда мне знать? Не могу – и все. Вот ты терпеть не можешь чехлы на телефон, термосы в цветочек, расклешенные джинсы с заклепками, а я люблю делать маникюр. Объяснить это невозможно. Просто дело вкуса.

На самом деле я мог бы объяснить причины всего, что она перечислила, но делать этого, конечно, не стал.

– Хорошо, – сказал я, – пусть это дело вкуса. Я все понял. Но неужели за шесть лет, что мы женаты, ты ни разу не покупала голубые салфетки и туалетную бумагу с рисунком?

– Никогда. Ни разу, – отрезала Кумико.

– В самом деле?

– Да, в самом деле. Если я покупаю салфетки, то только белые, желтые или розовые. И конечно, никогда не беру туалетную бумагу с каким-нибудь рисунком. Поражаюсь, как ты прожил со мной все это время и не знал этого.

Меня тоже поразило, что за шесть лет, оказывается, ни разу не пользовался голубыми салфетками или туалетной бумагой с рисунком.

– И уж если на то пошло, скажу еще, – продолжала Кумико. – Я ненавижу говядину, жаренную с зеленым перцем. Это ты знал?

– Нет, не знал.

– Терпеть не могу. И не надо спрашивать, почему. Просто не выношу запах, когда их вместе жарят на одной сковороде.

– Ты хочешь сказать, что за шесть лет ни разу не готовила говядину вместе с зеленым перцем?

Она покачала головой.

– Я могу есть зеленый перец в салате. А говядину жарю с луком. Но никогда не делаю мясо и перец вместе.

Я вздохнул.

– Тебе никогда не казалось это странным? – спросила она.

– Станным? Я просто никогда этого не замечал, – ответил я, задумавшись на мгновение: неужели за все время, что мы живем вместе, мне действительно ни разу не довелось поесть жареной говядины с зеленым перцем. Разумеется, припомнить этого не удалось.

– Ты живешь со мной, – продолжала Кумико, – но при этом почти не обращаешь на меня внимания. Ты думаешь только о себе.

– А вот теперь сделай паузу, – сказал я, выключив газ и поставив сковородку на плиту. – Давай не будем отходить от темы. Допустим, я без должного внимания отнесся к таким вещам, как салфетки и туалетная бумага или говядина и зеленый перец. Признаю. Но это не значит, что я не уделяю внимания тебе. Мне наплевать, какими салфетками я пользуюсь. Ладно, если бы на стол положили черные, я, может, и удивился бы. Но белые, голубые... для меня это не имеет никакого значения. То же самое – говядина и зеленый перец. Вместе, по отдельности – какое мне дело? Даже если бы сам процесс жарки говядины с зеленым перцем вообще исчез с лица земли, меня бы это нисколько не задело. Это не имеет никакого отношения к тебе, к твоей сущности. Разве я не прав?

Вместо ответа Кумико двумя большими глотками покончила с пивом и уставилась на пустую бутылку.

Я отправил содержимое сковороды в мусорное ведро. К черту говядину, зеленый перец, а заодно и лук с пророщенными бобами. Странно: только что была еда, а теперь – просто мусор. Я открыл пиво и стал пить прямо из бутылки.

– Зачем ты это? – спросила Кумико.

– Тебе ведь противно было.

– Сам бы съел.

– Мне вдруг расхотелось говядины с зеленым перцем.

Жена пожала плечами.

– Как хочешь.

Она положила руки на стол, опустила на них лицо и долго сидела в такой позе. Видно было, что она не плачет и не спит. Я взглянул на пустую сковороду на плите, взглянул на Кумико и залпом допил пиво. Сумасшедший дом! Стоило поднимать шум из-за салфеток, туалетной бумаги и зеленого перца?

Я подошел к жене и положил руку ей на плечо.

– Ну хорошо. Я все понял. Никогда больше не буду покупать голубые салфетки или туалетную бумагу в цветочек. Обещаю. Завтра я отнесу все обратно в супермаркет и обменяю. Если не поменяют, сожгу их во дворе. А пепел выброшу в море. И больше никакой говядины и зеленого перца. Никогда. Запах скоро улетучится, и нам больше никогда не надо будет об этом думать. О'кей?

Кумико по-прежнему молчала. Хорошо бы выйти прогуляться на часок, а потом вернуться и увидеть, что она повеселела, но я знал, что такого не случится. Ситуацию надо уладить самому.

– Послушай, ты устала, – сказал я. – Отдохни немного, и пойдем куда-нибудь съедем пиццу. Когда в последний раз мы ели пиццу? С анчоусами и луком. Закажем одну на двоих. Мы ведь можем себе позволить изредка сходить куда-нибудь перекусить.

Это тоже не помогло. Кумико по-прежнему сидела, вжавшись лицом в руки.

Я не знал, что еще сказать, сел напротив и стал смотреть на нее через стол. Из-под ее коротких черных волос выглядывало ухо. На нем была сережка, которую я никогда раньше не видел, – маленькая золотая рыбка. Где и когда она могла купить такую штуку? Хотелось

курить. С тех пор как я бросил, не прошло и месяца. Я представил, как достаю из кармана пачку и зажигалку, беру сигарету с фильтром и закурываю. Я набрал полные легкие воздуха и вдруг почувствовал сильный запах жареной говядины и овощей. Откровенно говоря, есть хотелось страшно.

Взгляд вдруг остановился на календаре со значками лунных фаз. Приближалось полнолуние. Ну конечно – у Кумико наступали критические дни.

Только став женатым человеком, я по-настоящему осознал, что являюсь жителем Земли, третьей планеты Солнечной системы. Я жил на Земле, Земля обращалась вокруг Солнца, а вокруг Земли вращалась Луна. Нравится мне это или нет, но так будет продолжаться вечность (или то, что можно назвать вечностью в сравнении с моей жизнью). Я стал смотреть на вещи подобным образом под влиянием почти абсолютной точности 29-дневных менструальных циклов своей жены, которые полностью совпадали с фазами Луны. Критические дни Кумико всегда переживала тяжело. За несколько дней до начала становилась неуравновешенной, даже подавленной. Поэтому, хоть это и касалось меня лишь косвенно, ее циклы стали и моими. Каждый месяц приходилось быть внимательным, чтобы не создавать ненужных проблем. До женитьбы я почти не замечал фаз Луны. Может, она и попадалась мне на глаза, когда я смотрел на небо, но ее форме в тот или иной отрезок времени я не придавал никакого значения. А после свадьбы я стал следить за тем, что творится с Луной.

До Кумико у меня было несколько девушек, и, конечно, у каждой был свой период. У одних он проходил трудно, у других – легко, у некоторых заканчивался за три дня, у некоторых продолжался неделю. Бывало, все проходило регулярно, а то случались задержки дней на десять, что пугало меня до смерти; у одних женщин от этого портилось настроение, на других почти не влияло. Хотя до женитьбы на Кумико я никогда не жил с женщиной, и природные циклы значили для меня лишь смену сезонов. Зимой я надевал пальто, летом наступало время сандалий. И только. Женившись, я обзавелся не только сожительницей, но и новыми представлениями о цикличности. Только раз в ее циклах произошел сбой на несколько месяцев. Это случилось, когда она была беременна.

– Извини, – сказала Кумико, поднимая на меня взгляд. – Я не думала на тебя набрасываться. Просто устала, да и настроение плохое.

– Все в порядке. Не думай об этом. Когда устанешь, надо выпустить пар на кого-нибудь. Потом легче.

Кумико сделала глубокий и медленный вдох, задержала дыхание и выдохнула.

– А ты? – спросила она.

– Что я?

– Ты, если устаешь, никогда ни на кого не выпускаешь пар. А я вот выпускаю. Почему так получается?

Я покачал головой.

– Никогда не замечал. Странно.

– Наверное, у тебя внутри – глубокий колодец. Ты крикнешь в него: «У короля – ослиные уши!» – и все в порядке.

– Может, и так, – не сразу откликнулся я, задумавшись.

Кумико вновь обратилась к пустой бутылке. Рассмотрела этикетку, заглянула в горлышко, повертела в пальцах.

– У меня скоро месячные, – сказала она. – Поэтому, наверное, такое плохое настроение.

– Знаю. Ты не переживай. Не у тебя одной проблемы. В полнолуние умирает масса лошадей.

Она отняла руку от бутылки, открыла рот и посмотрела на меня.

– Послушай, откуда вдруг ты это взял? Ни с того ни с сего – о лошадях.

– На днях прочитал в газете. Всё собирался рассказать тебе, да забыл. Интервью с каким-то ветеринаром. Оказывается, фазы Луны ужасно влияют на лошадей – и физически, и эмоционально. Когда приближается полнолуние, их мозговые колебания идут вразнос, и у них возникают разные физические проблемы. А в самую ночь полнолуния многие заболевают и даже умирают. Никто толком не знает, в чем причина, но это подтверждено статистикой. Ветеринары в полнолуние никогда не высыпаются – очень много работы.

– Интересно, – сказала жена.

– Впрочем, затмение солнца еще хуже. Для лошадей это настоящая трагедия. Ты не представляешь, как много их погибает во время полного затмения. Я просто хочу сказать, что как раз сейчас где-то умирают лошади. Вымещать свое раздражение на ком-то – пустяк по сравнению с этим. Так что не надо расстраиваться. Подумай о несчастных лошадях. Представь, как они лежат в полнолуние на сене в какой-нибудь конюшне, в агонии хватая воздух вспененными ртами.

Казалось, Кумико на минуту задумалась об умирающих лошадях.

– Ну, я должна признать, – произнесла она с ноткой покорности, – ты способен убедить кого угодно.

– Тогда переодевайся – и пойдем есть пищу.

Лежа в ту ночь рядом с Кумико в темной спальне, я глядел в потолок и спрашивал себя, что мне на самом деле известно об этой женщине. На часах – два часа ночи. Она крепко спит. Я думал о голубых салфетках, цветастой туалетной бумаге, говядине и зеленом перце. Все это время я прожил с Кумико, не подозревая, какое отвращение она испытывает к этим вещам. Сами по себе они не имеют никакого значения. Так, глупость. Пошутили и забыли. Какие проблемы? Через пару дней мы бы об этом и не вспомнили.

Но тут штука в другом. Что-то здесь не так – эта мысль бредила меня, мешая, как застрявшая в горле мелкая рыбья кость. Все это может иметь куда более важное значение, чем казалось, думал я. Вполне возможно, даже роковое. Или даже начало чего-то более серьезного и трагического. Может, я стою перед входом в некий мир, принадлежащий одной лишь Кумико, огромный мир, которого я еще не знаю. Мир этот представлялся мне огромной темной комнатой. Я стою в ней, держа в руках зажигалку, и ее крошечное пламя освещает лишь самую малую часть помещения.

Смогу ли я когда-нибудь увидеть остальное? Или мне суждено состариться и умереть, так и не узнав по-настоящему эту женщину? Если это все, что у меня в запасе, – в чем заключается смысл моей супружеской жизни? В чем вообще смысл жизни, если я провожу ее в постели с чужой женщиной?

Вот о чем я думал в ту ночь и о чем продолжал размышлять потом время от времени. Лишь много позже мне пришло в голову, что я отыскал подход к существу проблемы.

3. Шляпа Мальты Кано

Цвет шербета, Аллен Гинзберг и крестоносцы

Я готовил ленч, когда вновь зазвонил телефон.

Отрезав два куска хлеба, я намазал их маслом и горчицей, поместил между ними ломтики помидора и сыра, положил на кухонную доску и только собирался разделить ножом на две части, как начался трезвон.

После трех звонков я разрезал сандвич пополам. Переложил его на тарелку, вытер и сунул в ящик нож, налил себе чашку кофе.

Телефон продолжал надрываться. Наверное, еще звонков пятнадцать. Пришлось сдаться и поднять трубку. Я предпочел бы не отвечать, но это могла быть Кумико.

– Алло? – произнес женский голос, которого я раньше не слышал. Не жена и не та странная женщина, что звонила на днях, когда я готовил спагетти, – какая-то совершенно незнакомая особа.

– Скажите, пожалуйста, не могу ли я поговорить с господином Тору Окада? – сказал голос таким тоном, будто его обладательница читала по бумажке заранее заготовленный текст.

– Можете, – ответил я.

– Вы супруг госпожи Кумико Окада?

– Да. Кумико Окада – моя жена.

– А Нобору Ватая – старший брат госпожи Окада?

– Вы правы, – отвечал я, демонстрируя великолепное умение владеть собой. – Нобору Ватая – действительно старший брат моей жены.

– Мое имя – Кано.

Я ждал, что последует дальше. Неожиданное упоминание имени старшего брата Кумико настораживало. Я почесал шею тупым концом карандаша, лежавшего возле телефонного аппарата. Прошло пять секунд, а то и больше – женщина молчала. Из трубки вообще не раздавалось никаких звуков, будто женщина закрыла ее рукой и разговаривала с кем-то рядом.

– Алло? – озабоченно сказал я.

– Извините, пожалуйста, – вдруг выпалил голос. – Я должна просить вашего разрешения перезвонить вам позже.

– Но подождите минуту, – сказал я. – Это...

Связь оборвалась. Я уставился на трубку, снова приложил ее к уху. Сомнений не было: разговор окончен.

С чувством смутной неудовлетворенности я вернулся за кухонный стол, выпил кофе и съел сандвич. Перед тем как раздался звонок, я о чем-то думал, но сейчас никак не мог вспомнить, о чем именно. Держа нож в правой руке, я собирался разрезать сандвич и в тот момент совершенно точно думал о чем-то. О чем-то важном, что долго, безуспешно пытался вспомнить. Это пришло мне в голову в ту самую минуту, когда я хотел разделить сандвич пополам, но теперь снова испарилось. Жуя сандвич, я изо всех сил старался снова вызвать это чувство, но ничего не получалось. Оно уже вернулось в темные задворки моего сознания, где жило до того момента.

Закончив еду, я убирал посуду – и тут опять раздался звонок. На этот раз я взял трубку сразу.

– Алло, – вновь послышался женский голос, но на сей раз это оказалась Кумико. – Как дела? – спросила она. – Ты уже поел?

– Так точно. А ты?

– Нет. С самого утра очень много работы. Может быть, куплю бутерброд попозже. А ты что ел?

Я описал ей свой сандвич.

– Понятно, – откликнулась она без всякой зависти. – Кстати, утром я забыла сказать тебе одну вещь. Тебе сегодня должна позвонить женщина по имени Кано.

– Уже звонила, – сказал я. – Только что. Она лишь назвала наши имена – мое, твое и твоего брата – и отключилась. И ни слова о том, что ей нужно. Что это значит?

– Она повесила трубку?

– Сказала, что перезвонит.

– Послушай! Когда позвонит, я хочу, чтобы ты сделал все, как она скажет. Это в самом деле очень важно. Думаю, тебе придется с ней встретиться.

– Встретиться? Сегодня?

– А что такого? У тебя были какие-то планы? Собирался увидеться с кем-нибудь?

– Нет. – У меня не было никаких планов. Ни вчера, ни сегодня, ни завтра. – Но кто она такая, эта Кано? И что ей от меня надо, объясни, пожалуйста. Хотелось бы что-то знать. Если это о работе, то с твоим братом я никаких дел иметь не хочу. Ты же знаешь.

– К работе это не имеет отношения, – раздраженно сказала она. – Это о нашем коте.

– О коте?

– Ой, извини. Надо бежать. Меня ждут. Мне правда не надо было тебе звонить в это время. Я же сказала: даже поесть не успеваю. Я снова позвоню, как только освобожусь.

– погоди, я знаю, как ты занята, но нельзя же на меня, в самом деле, ни с того ни с сего навешивать не пойми что. Я хочу знать, в чем дело. При чем здесь кот? Что, эта Кано...

– Просто сделай, что она скажет. Пожалуйста. Ты понял? Это серьезное дело. Побудь дома и подожди ее звонка. Ну, я побежала.

Разговор был закончен.

Когда в половине третьего раздался звонок, я дремал на диване. Сначала мне показалось, что это будильник. Я протянул руку, чтобы нажать на кнопку, но будильника не обнаружил. Я спал не на кровати, а на диване, и было не утро, а день. Я поднялся и подошел к телефону.

– Аллю.

– Аллю, – прозвучал женский голос. То была звонившая утром. – Это господин Тору Окада?

– Да. Это я. Тору Окада.

– Меня зовут Кано.

– Это вы звонили недавно?

– Да. Боюсь, я была ужасно невежлива. Однако скажите мне, господин Окада, вы сегодня не заняты?

– Да вроде нет.

– Я понимаю, что это все так неожиданно, но не могли бы мы встретиться?

– Сегодня? Прямо сейчас?

– Да.

Я взглянул на часы. Вообще-то необходимости не было – полминуты назад я уже проделывал такую операцию. Просто захотелось еще раз убедиться. По-прежнему было полтретьего.

– Это надолго? – спросил я.

– Думаю, у вас это не займет много времени. Впрочем, я могу и ошибаться. Сейчас я не могу сказать точно. Извините, пожалуйста.

Сколько бы времени это ни заняло, выбора у меня не было. Я вспомнил, что говорила по телефону Кумико: поступай, как скажет эта женщина, дело серьезное. Так что ничего не оставалось – только выполнять сказанное. Если Кумико сказала, что дело серьезное, – значит, так оно и есть.

– Понятно. В таком случае где нам лучше встретиться? – спросил я.

- Вы знаете отель «Пасифик» рядом со станцией Синагава?
- Знаю.
- На первом этаже есть кафе. Я буду ждать там в четыре, если это вас устроит.
- Хорошо.
- Мне тридцать один год. Я буду в красной клеенчатой шляпе.

Поразительно! – подумал я. В ее манере говорить было что-то странное, что-то сразу повергло меня в смятение. Но я был не в состоянии объяснить самому себе, что необычного прозвучало в ее словах. Да и нет никаких оснований запрещать женщине тридцати одного года носить красную шляпу из клеенки.

- Все понятно. Я вас узнаю.
- Окада-сан, не будете ли вы так добры назвать мне отличительные признаки своей внешности?

Я попытался представить себе «отличительные признаки» своей внешности. Какие, собственно, «признаки» у меня есть?

– Мне тридцать лет. Рост – 172 сантиметра, вес – 63 килограмма, короткая прическа. Очков не ношу. – Перечисляя, я подумал, что это вряд ли можно назвать отличительными признаками. В кафе отеля «Пасифик» на Синагаве может оказаться полсотни людей с такой внешностью. Я как-то заходил туда – заведение очень большое. Нужно то, что привлекает внимание по-настоящему. Но в голову ничего не приходило. Конечно, нельзя сказать, что у меня нет никаких отличительных особенностей. Сейчас я сижу без работы, помню имена всех братьев Карамазовых. Однако на наружности это не отражается.

- Как вы будете одеты? – спросила женщина.
- Вы знаете... – Об этом я как-то не подумал. – Не знаю. Я еще не решил. Это так неожиданно.

– Тогда наденьте, пожалуйста, галстук в горошек, – решительно заявила она. – У вас есть галстук в горошек?

– Думаю, есть, – ответил я. У меня был галстук с мелкими кремовыми пятнышками на темно-синем фоне. Два-три года назад жена подарила мне его на день рождения.

– Будьте добры, наденьте его. До встречи в четыре, – произнесла женщина и повесила трубку.

Я открыл гардероб и стал искать галстук в горошек. На вешалке его не оказалось. Тогда я проверил все ящики и коробки с одеждой в стенном шкафу. Галстука в горошек нигде не было. Если он дома, обязательно попадется на глаза. Кумико очень тщательно следила за порядком в нашем гардеробе, и галстук мог быть только там, где положено.

Держась рукой за дверцу, я старался вспомнить, когда надевал этот галстук в последний раз. Но ничего не получилось. Галстук был стильный, однако для офиса юридической фирмы был чересчур шикарен. Если бы я появился в таком галстуке в конторе, кто-нибудь обязательно подошел бы в обеденный перерыв и начал жужжать о том, какой он замечательный, какой у него хороший цвет и все в таком роде. И это было бы своего рода предупреждением. В фирме, где я служил, не было принято хвалить за галстук. Поэтому на работу я его не надевал и носил только по личным и сравнительно официальным поводам: на концерт или ужин в хорошем ресторане – словом, в те дни, когда жена говорила: «Сегодня тебе надо быть в форме». (Впрочем, подобных случаев было не так много.) Тогда я и повязывал галстук в горошек – он очень подходил к моему темно-синему костюму, да и Кумико нравился. Но я совсем не помнил, когда надевал его в последний раз.

Еще раз проверив содержимое гардероба, я сдался. Галстук в горошек по неведомой причине куда-то исчез. Пришлось надевать синий костюм с голубой сорочкой и полосатым галстуком. Ну ничего. Если она меня не узнает, мне самому нужно будет отыскать дамочку в красной шляпе.

После ухода с работы мне ни разу не приходилось влезать в костюм. Надев его, я почувствовал, будто тело охватила какая-то инородная субстанция – тяжелая, жесткая, казалось, она не совпадает с очертаниями тела. Я немного прошелся по комнате, одернул перед зеркалом рукава и полы пиджака, чтобы лучше сидело. Вытянул руки, сделал глубокий вздох, нагнулся вперед, проверяя, не изменилась ли за эти два месяца моя фигура. Снова уселся на диван, но по-прежнему чувствовал себя не в своей тарелке.

До весны я каждый день ездил на работу в костюме и не ощущал никакого дискомфорта. В моей фирме к одежде сотрудников предъявлялись довольно жесткие требования, и даже такие незначительные клерки, как я, были обязаны носить костюмы. Поэтому хождение на работу в униформе я воспринимал как должное.

Однако сейчас я сидел в костюме на диване с чувством, будто совершил какой-то неправильный, аморальный поступок – то ли с неблагоприятной целью подделал свою анкету, то ли тайком переоделся женщиной. Мне даже стало стыдно, а дышать становилось все тяжелее и тяжелее.

Я вышел в прихожую, извлек из шкафа коричневые туфли и влез в них, помогая себе рожком. На туфлях лежал тонкий слой белой пыли.

Разыскивать дамочку не понадобилось – она сама меня нашла. Войдя в кафе, я огляделся, надеясь обнаружить красную шляпу. Однако женщин в таком головном уборе внутри не оказалось. На моих часах до четырех оставалось еще десять минут. Я сел за столик и, отпив принесенной официанткой воды, заказал кофе. И тут у меня за спиной женский голос произнес: «Господин Тору Окада?» Я с удивлением обернулся. После того как я оглядел кафе и сел на свое место, не прошло и трех минут.

На женщине был белый жакет и желтая шелковая блуза, на голове – красная клеенчатая шляпа. Подчиняясь рефлексу, я встал со стула и оказался с этой женщиной лицом к лицу. Ее, безусловно, можно было назвать красавицей. Во всяком случае, она была гораздо красивее, чем я представлял, когда слышал по телефону ее голос. Стройная фигура, умеренный макияж. Она умела одеваться – жакет и блуза были сшиты прекрасно; на воротнике жакета сверкала золотая брошь в виде птичьего пера. Ее можно было принять за референта какой-нибудь крупной компании. Лишь красная шляпа явно была не к месту. Непонятно, почему, уделяя такое внимание одежде, она надела эту нелепую красную клеенчатую шляпу. Может быть, при встречах она всегда носит ее как опознавательный знак? Если так, то идея неплохая. На общем фоне действительно выделяется.

Госпожа Кано села за столик напротив меня, и я снова занял свое место.

– Как вы меня узнали? – полюбопытствовал я. – Галстука в горошек я не нашел, поэтому надел в полоску. Собирался вас искать. Как же вы поняли, что это я?

– Это само собой разумеется, – ответила женщина, положив на стол белую лакированную сумочку, которую держала в руках. Затем сняла красную клеенчатую шляпу и накрыла ею сумочку. У меня было чувство, что она собирается показать мне фокус: поднимет шляпу – а сумочки под ней не окажется.

– Но ведь галстук на мне другой, – возразил я.

– Галстук? – Женщина недоуменно посмотрела на мой галстук, будто хотела спросить: «О чем говорит этот человек?» Потом пожала плечами: – Это не имеет значения. Пожалуйста, не обращайтесь внимания.

Ее глаза вызвали странное чувство. В них удивительным образом не хватало глубины. Глаза были красивые, но, казалось, ни на что не смотрели. Какие-то плоские, словно стеклянные. Хотя, конечно, в них было не стекло. Глаза, как и положено, двигались, моргали.

Как она смогла узнать незнакомого человека в переполненном кафе, совершенно непонятно. Почти все места в зале заняты, среди посетителей – много мужчин моего возраста.

Я хотел поинтересоваться, как она умудрилась моментально отыскать меня среди них, но, похоже, лучше было не болтать лишнего.

Женщина поманила пробежавшего с деловым видом официанта и попросила «перье». Официант сообщил, что «перье» нет, и предложил тоник. Чуть подумав, женщина согласилась.

Дождаясь, пока принесут тоник, она не проронила ни слова. Я тоже молчал.

В конце концов женщина приподняла красную шляпу, открыла застёжку сумочки и достала футляр для визитных карточек из блестящей черной кожи, размером чуть меньше магнитофонной кассеты. На нем тоже оказалась застёжка. Я впервые видел футляр для визиток с застёжкой. Женщина бережно извлекла оттуда карточку и вручила ее мне. Я собирался проделать то же самое и уже опустил было руку в карман пиджака, но тут вспомнил, что визиток у меня нет.

Ее карточка была сделана из тонкого пластика, и мне показалось, что от нее пахнет благовониями. Я поднес визитку ближе к носу – запах стал отчетливее. Точно – ладан. На карточке имелась всего одна строчка, мелко набранная черным жирным шрифтом.

Мальта Кано

Мальта?

Я взглянул на оборотную сторону.

Но там больше ничего не было.

Пока я раздумывал о смысле, заключенном в этой карточке, появился официант. Он поставил перед моей собеседницей стакан со льдом и наполовину налил в него тоника. В стакане плавала вырезанная клинышком долька лимона. Тут же явилась официантка с серебряным кофейником на подносе. Поставила передо мной чашку и налила кофе. Затем, как-то украдкой, совсем как человек, навязывающий посетителям храма несчастливые «омикудзи»⁵, подвинула мне счет и удалилась.

– Там ничего не написано, – сообщила мне Мальта Кано. Я все еще рассеянно разглядывал оборотную сторону ее визитки. – Только имя. В телефоне и адресе нет необходимости. Мне никто не звонит. Я всегда звоню сама.

– Разумеется, – откликнулся я. Это невразумительное замечание на какое-то время повисло над столом, подобно плывущему в небе острову из «Путешествий Гулливера».

Держа стакан обеими руками, она сделала глоток через соломинку. Чуть нахмурилась и отодвинула стакан в сторону, будто потеряла к нему всякий интерес.

– Мальта – не настоящее имя, – сказала Мальта Кано. – Кано – настоящее, а Мальта – рабочий псевдоним. От острова Мальта. Вам приходилось бывать на Мальте, господин Окада?

– Нет. – Я никогда не был на Мальте и в ближайшее время туда не собирался. Мне даже в голову не приходило ничего подобного. Я знал об этом месте одно – совершенно ужасную джазовую композицию Херба Альперта, которая называлась «Пески Мальты».

– А я была на Мальте. Прожила там три года. На Мальте вода очень плохая. Малоприспособная для питья. Впечатление такое, будто пьешь опресненную морскую воду. И хлеб пересоленный. Не потому, что в него кладут соль, просто в воде, которую используют при выпечке, ее слишком много. Хотя хлеб получается неплохой. Мне нравится мальтийский хлеб.

Я кивал и пил кофе маленькими глотками.

⁵ Записочки с предсказаниями судьбы, распространяемые в японских синтоистских и буддистских храмах. По традиции многие японцы обращаются к богам через «омикудзи» по таким важным поводам, как женитьба, рождение детей, отъезд в путешествие и так далее.

– Так вот, вода на Мальте – просто ужасная, но там есть особенный родник, его вода благотворно влияет на структуру организма. Это особая, можно даже сказать – мистическая вода, которая доступна на острове только в одном месте. Источник находится в горах, и подъем к нему из деревни у подножия занимает несколько часов, – продолжала Мальта Кано. – От родника воду уносить нельзя – она сразу теряет свою силу. Чтобы выпить этой воды, надо идти к самому источнику. Упоминания о ней сохранились в хрониках времен крестовых походов. Тогда ее называли живой водой. Пить ее приезжал Аллен Гинзберг. И Кит Ричардс тоже. Я три года жила там, в маленькой деревушке у подножия горы. Выращивала овощи, училась ткать. И каждый день ходила к источнику пить эту воду. С 1976 по 1979 год. Мне довелось даже целую неделю пить только воду и ничего не есть. Неделю ничего нельзя брать в рот, кроме этой воды. Такое испытание необходимо пройти. Наверное, это можно назвать аскезой. Так очищается тело. Это было просто замечательно. Поэтому, вернувшись в Японию, для своей профессиональной деятельности я выбрала имя Мальта.

– А могу я поинтересоваться: какая у вас профессия?

Она покачала головой.

– Строго говоря, это не профессия. Я не беру денег за то, что делаю. Моя функция – консультации. Я беседую с людьми о структуре организма. Кроме того, занимаюсь исследованиями воды, оказывающей положительное воздействие на структуру организма. С деньгами у меня проблем нет. Я располагаю необходимыми средствами. Мой отец – врач, он выделил мне и младшей сестре акции и недвижимость в виде пожизненной ренты. Этими делами ведает мой налоговый бухгалтер. Годовой доход у меня вполне приличный. Кроме того, я написала несколько книг, от которых тоже получила некоторую сумму. Что же касается моей деятельности, связанной со структурой организма, то я занимаюсь ею совершенно бесплатно. Поэтому на карточке нет ни моего телефона, ни адреса. Я звоню людям сама.

Я кивнул. Впрочем, движение головы было рефлекторным – я абсолютно не представлял, о чем идет речь. По отдельности слова этой женщины были понятны, однако их общий смысл оставался недоступным.

Структура организма?

Аллен Гинзберг?

Я все больше ощущал себя не в своей тарелке. Я не отношусь к типу людей, обладающих интуитивным даром, но почувствовал, что в воздухе запахло новыми проблемами.

– Извините, пожалуйста, – прервал я ее, – но не могли бы вы объяснить все по порядку? Некоторое время назад я говорил со своей женой. Она сказала только, что мне нужно встретиться с вами по поводу кота. Поэтому, честно говоря, я не совсем понимаю, о чем идет речь. Разве это имеет отношение к нашему коту?

– Имеет. Но прежде, господин Окада, я хотела бы кое-что сообщить вам.

Мальта Кано снова щелкнула замком сумочки и достала белый конверт. В нем оказалась фотография, которую она протянула мне со словами: «Моя сестра». То был цветной снимок двух женщин. Одна – Мальта Кано, опять в шляпе, на сей раз – вязаной, желтого цвета. И шляпа снова ужасающе не гармонировала с остальной одеждой. Ее младшая сестра – а из нашего разговора можно было сделать вывод, что это она, – была в пастельном костюме, похожем на те, что вошли в моду в начале 60-х годов, и подходящей по цвету шляпке. Помнится, раньше такую гамму называли «тоном шербета». Одно можно было сказать наверняка: сестрам нравилось носить шляпы. Прическа у младшей в точности напоминала ту, что носила Жаклин Кеннеди, когда была женой президента. Лака для волос на нее извели немало. При некотором избытке косметики ее лицо можно было назвать красивым. Ей было лет двадцать – двадцать пять. Я вернул фотографию Мальте Кано, она поместила ее обратно в конверт, положила в сумочку и защелкнула замок.

– Сестра моложе меня на пять лет, – произнесла она. – Ее обесчестил Нобору Ватая. Овладел насильно.

Ого! Мне захотелось встать и, ни слова не говоря, уйти. Но поступить так было нельзя. Я вытащил из кармана носовой платок, вытер рот и положил обратно. Откашлялся.

– Мне об этом ничего не известно. Я очень сожалею, если ваша сестра была изнасилована, – начал я. – Однако хочу сказать, что с братом моей жены мы совершенно чужие люди. Поэтому, если в связи с этим...

– Вас я ни в чем не упрекаю, господин Окада, – твердо заявила Мальта Кано. – Если кого-то и надо обвинять в случившемся, то в первую очередь – меня. За то, что была недостаточно внимательна. За то, что, по правде говоря, не защитила ее, хотя и обязана была защитить. Такие вещи случаются, господин Окада. Вы же знаете, мы живем в жестоком и хаотичном мире. И внутри этого мира есть места, где жестокости и хаоса еще больше. Вы понимаете меня? Что случилось, то случилось. Моя сестра поправится от полученной травмы, очистится от этой грязи. Она должна это сделать. Слава богу, это не смертельно. Могло быть и хуже. То же самое я сказала сестре. Больше всего в этом меня тревожит структура ее организма.

– Структура организма, – повторил я за ней. Похоже, «структура организма» была ее постоянной темой.

– Я не могу сейчас объяснить вам все подробности. Это был бы очень долгий и сложный разговор. Извините меня, господин Окада, но я думаю, что на нынешней стадии вам будет трудно вникнуть в его истинный смысл. Он касается мира, к которому мы подходим как профессионалы. Я пригласила вас сюда не для того, чтобы предъявлять какие-то претензии. И конечно, вы не несете никакой ответственности за то, что произошло. Об этом нет и речи. Я только хотела сообщить вам, что господин Ватая осквернил – пусть лишь только на время – структуру организма моей сестры. И еще – скоро у вас, возможно, в какой-то форме установится контакт с моей сестрой. Как я уже говорила, она помогает мне в работе. Наверное, вам лучше быть в курсе того, что произошло между нею и господином Ватая. И мне хочется, чтобы вы знали: такие вещи случаются.

Наступила короткая пауза. Мальта Кано погрузилась в молчание, а выражение ее лица будто говорило: «Задумайтесь, пожалуйста, над тем, что я сказала». Я задумался. О том, что Нобору Ватая изнасиловал сестру Мальты Кано. О связи между этим случаем и структурой организма. И о связи всего этого с исчезновением нашего кота.

– То есть вы хотите сказать, – начал я робко, – что ни вы, ни ваша сестра не собираетесь предавать это дело огласке или обращаться в полицию?

– Разумеется, нет, – бесстрастно ответила Мальта Кано. – Точнее говоря, мы никого не будем призывать к ответу. Мы лишь хотим как следует разобраться в причинах того, что произошло. Пока ответ на этот вопрос не будет найден, может случиться нечто еще более страшное.

Услышав эти слова, я немного успокоился. Я ничуть бы не расстроился, если бы Нобору Ватая арестовали за изнасилование, осудили и посадили в тюрьму. Он вполне это заслужил. Однако брат моей жены был довольно заметной фигурой, и такая новость обязательно стала бы бомбой для газетчиков. И конечно, жестоким ударом для Кумико. Что касается меня, то по соображениям моральной чистоплотности мне не хотелось бы такого развития событий.

– Сегодня мы встречаемся с вами исключительно ради кота, – продолжала Мальта Кано. – Господин Ватая попросил моего совета в этом деле. Ваша супруга, госпожа Окада, обратилась к своему старшему брату, господину Ватая, по поводу пропавшего кота, а он, в свою очередь, попросил консультации у меня.

Вот оно что! Ситуация прояснялась. Эта женщина была ясновидящей или вроде того, и с нею стали консультироваться о том, куда подевался кот. Семейство Ватая уже давно увлекалось предсказаниями будущего, местами с «чистым биополем» и тому подобными штуками.

Конечно, личное дело каждого – верить во что хочется. *Но зачем нужно было насилловать сестру своего партнера по этим делам?* К чему создавать дополнительные трудности?

– Значит, вы на этом специализируетесь? Ищете пропавшее? – спросил я.

Мальта Кано пристально взглянула на меня своими лишенными глубины глазами. Кажется, на меня посмотрели окна пустого дома. Судя по их выражению, женщина никак не могла уловить смысла моего вопроса.

Оставив его без ответа, Мальта Кано проговорила:

– Вы живете в очень странном месте.

– Неужели? В каком смысле – странном?

Вместо ответа она отодвинула стакан с тоником, к которому почти не притронулась, еще сантиметров на десять.

– Кошки ведь очень чувствительные создания.

На какое-то время вновь повисло молчание.

– Итак, место, где мы живем, – странное, а кошки – животные с хорошим чутьем, – сказал я. – Это понятно. Однако мы живем там уже довольно давно – вдвоем, и еще кот. Из-за чего вдруг он пропал именно сейчас? Почему не ушел раньше?

– Точно я не могу ничего сказать. Может быть, течение изменилось. Что-то нарушило течение.

– Течение...

– Не знаю, жив ваш кот или нет. Но наверняка в окрестностях вашего дома его нет. Можете не искать – это бесполезно.

Я поднял чашку и сделал глоток уже остывшего кофе. За окнами накрапывал мелкий дождик. Небо затянули темные низкие тучи. Люди, прикрываясь зонтиками, с унылым видом перемещались вверх-вниз по пешеходному мостику.

– Дайте, пожалуйста, вашу руку, – попросила Мальта Кано.

Я положил на стол правую руку ладонью кверху, полагая, что она хочет погадать по линиям судьбы. Но Мальту Кано, похоже, совсем не интересовали мои линии. Вытянув руку, она накрыла мою ладонь своей. Закрыла глаза и застыла в этой позе, похожая на женщину, которая тихонько упрекает в неверности любовника. Появилась официантка и снова налила мне в чашку кофе, делая вид, что не замечает, как мы сидим, соединив руки на столе. Посетители за соседними столиками украдкой посматривали в нашу сторону. Я все время думал о том, не оказалось ли в кафе кого-нибудь из знакомых.

– Мне бы хотелось, чтобы вы мысленно представили какую-нибудь вещь, которую видели перед тем, как прийти сюда, – сказала Мальта Кано.

– Одну?

– Да, только одну.

Я стал вспоминать короткое цветастое платье, что видел в коробке с нарядами Кумико. С чего это вдруг именно оно пришло мне в голову?

Мы посидели, касаясь друг друга руками, минут пять, и они показались мне вечностью. И не только потому, что я ловил на себе пристальные взгляды окружающих: в прикосновении руки Мальты Кано было нечто такое, что не давало успокоиться. Рука была очень маленькой, ни горячее, ни холодной. То было ни теплое прикосновение любовницы, ни профессиональное касание врача. Оно действовало на меня так же, как ее взгляд. И то и другое как бы превращало меня в опустевший дом – без мебели, без гардин, без ковров. В некую пустую емкость. В конце концов Мальта Кано убрала свою руку и глубоко вздохнула. Затем несколько раз кивнула.

– Господин Окада, – проговорила она. – Я думаю, скоро в вашей жизни произойдет много разных событий. Исчезновение кота – это только начало.

– Разных событий? – переспросил я. – Хороших или плохих?

Задумавшись, она чуть склонила голову набок.

– Будет хорошее, будет и плохое. Плохое, кажущееся вначале хорошим, и хорошее, которое на первый взгляд выглядит плохим.

– Все это, как бы вам сказать, звучит для меня несколько абстрактно. Не могли бы сообщить что-нибудь поконкретнее?

– Да, наверное, то, что я говорю, действительно воспринимается как общие рассуждения. Но, господин Окада, когда речь заходит о сути вещей, часто бывает, что выразить это можно только общими словами. Поймите это, пожалуйста.

Мы не гадалки и не прорицательницы. И можем говорить только очень неопределенно. Часто это само собой разумеющиеся, а иногда даже – банальные вещи. Однако скажу откровенно: по-другому продвигаться вперед нельзя. Конечно, конкретика привлекает внимание. Но в большинстве случаев это не более чем второстепенные явления. Так сказать, ненужные боковые дорожки. Чем глубже стараешься заглянуть, тем более общий характер приобретают явления.

Я молча кивнул, хотя совершенно не понимал, о чем толкует эта женщина.

– Вы позволите позвонить вам еще раз? – спросила она.

– Конечно. – По правде говоря, мне больше не хотелось, чтобы мне звонили, но ничего другого, кроме «конечно», я ответить не мог.

Мальта Кано резким движением сняла со стола свою шляпу из красной клеенки и, взяв укрытую под ней сумочку, поднялась с места. Не зная, как на это реагировать, я остался сидеть.

– Могу сообщить вам только одну пустяковую деталь, – объявила Мальта Кано, надев шляпу и посмотрев на меня сверху вниз. – Ваш галстук в горошек отыщется. Только не в вашем доме.

4. Высокие башни и глубокие колодцы (или Вдали от Номонхана)

Кумико пришла с работы в хорошем настроении. Можно сказать, даже в очень хорошем. Когда я вернулся домой после встречи с Мальтой Кано, было уже почти шесть часов, и у меня не оставалось времени, чтобы к приходу жены приготовить достойный ужин. Пришлось ограничиться тем, что было в морозилке. Мы поужинали, запивая еду пивом. Кумико говорила о работе. Она всегда о ней говорила, когда была в хорошем настроении. С кем встречалась в этот день в офисе, что делала, кто из ее коллег способный, а кто – нет. И прочее в этом роде.

Я слушал и поддакивал. До меня доходило не больше половины того, что она говорила. И дело не в том, что мне не нравилось слушать Кумико. Просто независимо от содержания ее рассказов, я любил наблюдать, как она с увлечением рассуждает о своих делах за обеденным столом. Это, говорил я себе, и есть «дом». Здесь каждый выполняет свои обязанности. Жена говорит о своей работе, а я, приготовив ужин, слушаю ее. Эта картина сильно отличалась от того образа, который рисовался в моем воображении до женитьбы. Но как бы то ни было, это был дом, который я сам выбрал. Конечно, в детстве у меня тоже был дом. Но я его не выбирал. Я в нем родился, моего мнения никто не спрашивал, он достался мне как свершившийся факт. А теперь я жил в мире, приобретенном по собственной воле. Это мой дом. Разумеется, идеальным его не назовешь, но мой принцип таков: принимай на себя все, какие бы проблемы ни возникали. В конце концов, это мой выбор, и если проблемы появляются, их корни почти наверняка надо искать во мне самом.

– Ну а что с котом? – спросила Кумико.

Я вкратце рассказал ей о встрече с Мальтой Кано в отеле на Синагаве. О галстук в горошек: что его почему-то не оказалось в шкафу. О том, что, несмотря на пропажу галстука, Мальта Кано сразу узнала меня в переполненном кафе. Описал ее вид и манеру разговаривать. Кумико с удовольствием послушала про красную клеенчатую шляпу, но была сильно разочарована, узнав, что четкого ответа на вопрос о пропавшем без вести коте мне получить не удалось.

– Выходит, она тоже не знает, что с ним? – требовательно спросила жена. – Сказала только, что в нашей округе его больше нет?

– В общем, да, – ответил я, решив умолчать о словах Мальты Кано насчет места, где мы живем: как она сказала, что-то помешало течению, и это имеет какое-то отношение к пропаже кота. Кумико, боюсь, приняла бы такое близко к сердцу, а у нас достаточно причин для беспокойства. Узнав, что это место плохое, жена стала бы настаивать на немедленном переезде. Только этого еще не хватало. Не с нашими деньгами об этом думать.

– Так она и сказала: «Кота поблизости больше нет».

– Это значит, что он не вернется домой?

– Не знаю. Она так туманно выражалась... одни намеки. Сказала, что сообщит, если выяснит еще что-нибудь.

– Ты ей веришь?

– Как тебе сказать?.. Я в таких делах полный профан.

Подлив себе в стакан пива, я стал наблюдать, как оседает пена. Кумико поставила локоть на стол и подперла рукой подбородок.

– Эта женщина ничего не берет за свои услуги.

– Это плюс, – сказал я. – Тогда в чем вопрос? Денег она не возьмет, душу у нас не заберет, принцесса останется в замке. Мы ничего не теряем.

– Да пойми ты. Кот мне дорог. Я бы сказала: он *нам* дорог. Ведь мы с тобой нашли его через неделю после свадьбы. Помнишь, как мы его подобрали?

– Помню, конечно.

– Он был еще котенком. Насквозь промок под дождем. В тот день был проливной дождь. Я пошла встречать тебя на станцию. С зонтиком. Мы нашли малыша у винной лавки в ящике из-под пива, когда шли домой. Это первый кот в моей жизни. Для меня он как символ. Я не могу его потерять.

– Я все понимаю, – откликнулся я.

– Где же он? Ты ведь столько его искал, и все без толку! Уже десять дней как он пропал, поэтому я и позвонила брату. Спросила, не знает ли он гадалки или экстрасенса, которые могли бы его отыскать. Я знаю, ты терпеть не можешь о чем-нибудь просить моего брата, но он пошел по стопам отца и много знает о таких вещах.

– Ах да, ваша семейная традиция, – сказал я холодно, точно в проливе подул вечерний ветер. – Но какая связь у Нобору Ватая с этой женщиной?

Жена пожала плечами.

– Похоже, они где-то случайно познакомились. В последнее время брат со многими общается.

– Не сомневаюсь.

– Он говорит, что эта женщина обладает поразительными способностями, но она с большими странностями. – Кумико механически ковыряла вилок запеканку из макарон. – Как, ты сказал, ее зовут?

– Мальта Кано. Мальта с острова Мальта. Она там духовно самосовершенствовалась.

– Да, да. Госпожа Мальта Кано. Как она тебе показалась?

– Трудно сказать. – Я посмотрел на свои руки на столе. – Во всяком случае, с ней не соскучишься. Уже неплохо. В мире полно непонятого, и кто-то должен заполнять этот вакуум. Пусть уж лучше этим занимаются те, с кем не скучно. Так ведь? Например, такие, как Хондасан.

Кумико весело рассмеялась.

– Да уж. Правда, замечательный старик? Мне он так нравился.

– Мне тоже, – сказал я.

Примерно через год после свадьбы мы с Кумико стали раз в месяц посещать старика по фамилии Хонда. Семейство Ватая очень ценило его как обладателя «духовного наития», но при этом он был совершенно глух и даже при помощи слухового аппарата почти ничего не слышал. Нам приходилось кричать так громко, что, казалось, вот-вот лопнет бумага, которой оклеены сёдзи⁶. Интересно, как при этом он мог разобрать, что ему говорили духи? А может, наоборот: слова духов лучше доходят до глухих? Хонда оглох, получив контузию на войне. В 1939 году он служил унтер-офицером в Квантунской армии, и во время боев с советско-монгольскими войсками у Номонхана⁷ на границе Маньчжурии и Монголии от разрыва снаряда или гранаты у него лопнули барабанные перепонки.

Мы ходили к нему вовсе не потому, что верили в его спиритические способности. Я лично не питал к этому интереса, а у Кумико стремление к сверхъестественному было куда меньшим, чем у ее родителей и брата. Будучи немного суеверной, она приходила в расстройство от плохих предсказаний, но сама в такие дела не влезала.

На наших встречах с Хондой настаивал отец Кумико. Вернее, таким было условие, которое он поставил, прежде чем дать согласие на наш брак. Условие довольно странное, но мы

⁶ Раздвижные перегородки в японском доме.

⁷ Поселок (полное название – Номон-Хан-Бурд-Обо), близ которого в 30-40-е гг. XX в. проходила граница между Монголией и марионеточным государством Маньчжоу-го, за спиной которого стояла Япония. Летом 1939 г. в этом районе произошел крупный вооруженный конфликт между группировкой советско-монгольских войск и частями расквартированной в Маньчжоу-го японской Квантунской армии. В японской и западной историографии он получил название «инцидент у Номонхана», а в российской – «война на Халхин-Голе».

с ним согласились, чтобы избежать ненужных проблем. Откровенно говоря, мы с Кумико не думали, что будет легко добиться согласия ее родителей. Отец Кумико был госчиновником. Младший сын в небогатой семье фермера из Ниигаты, он со стипендией был зачислен в Токийский университет, с отличием окончил его и устроился на престижную работу в министерство транспорта. На мой взгляд, само по себе это замечательно. Но, как часто бывает с людьми, прошедшими такой путь, он оказался человеком высокомерным и самодовольным. Привыкнув приказывать, он ни капли не сомневался в ценностях того мира, к которому принадлежал. Иерархия значила для него все. Он легко склонялся перед любым начальством и без малейших колебаний давил тех, кто был ниже его по чину. Ни я, ни Кумико не верили, что такой человек примет женихом своей дочери двадцатичетырехлетнего студента без гроша в кармане, без положения и приличного происхождения, который не может похвастаться особыми достижениями в учебе и почти не имеет перспектив. Если родители откажут, мы все равно собирались пожениться и жить сами по себе, не общаясь с ними. Мы были молоды, любили друг друга и считали, что и без денег, и без родителей будем счастливы.

Тем не менее я направился в дом Кумико просить ее руки. Встретили меня более чем прохладно. Такое чувство, будто одновременно распахнулись двери всех холодильников в мире. Тогда я работал в юридической фирме. Меня спросили, собираюсь ли я сдавать экзамен в коллегию адвокатов. Я сказал, что собираюсь. Я и в самом деле тогда еще думал поднапрячься и попробовать силы на экзамене, хотя у меня и оставались большие сомнения. Однако по моим баллам в университете легко было догадаться, сколь мало шансов я имел. Короче говоря, вышло, что их дочери я не пара.

Но в конце концов родители Кумико пусть неохотно, но благословили нас. Это действительно было похоже на чудо, и обязаны мы были именно Хонде-сан. Услышав, что я за человек, он решительно заявил, что если они хотят выдать свою дочь замуж, лучшего жениха, чем я, не найти. И уж коли Кумико остановила на мне свой выбор, они ни в коем случае не должны противиться этому, иначе всех ждут ужасные последствия. Родители Кумико тогда всецело доверяли Хонде и не посмели ему перечить: ничего не оставалось, как признать меня мужем их дочери.

Однако я так и остался для них чужаком, незванным гостем. Первое время после свадьбы мы с Кумико два раза в месяц в обязательном порядке приходили к ним на семейные обеды. Без преувеличения тошнотворные мероприятия – нечто среднее между бессмысленным смирением плоти и жестокой пыткой. Весь обед меня не покидало чувство, что стол, за которым мы сидим, по длине не уступит платформе на вокзале Синдзюку. Они ели и разговаривали о чем-то на одном конце стола, я же пребывал от них в бесконечном далеке. Спустя год после свадьбы у нас с отцом Кумико случился такой ожесточенный спор, что мы перестали встречаться вообще. Наконец я смог вздохнуть с огромным облегчением. Ничто так не изматывает человека, как бессмысленные и бесполезные усилия.

Некоторое время после свадьбы я изо всех сил старался поддерживать нормальные отношения с семьей жены. Ежемесячные встречи с Хондой-сан, несомненно, были наименее болезненным звеном в череде этих усилий.

Все связанные с Хондой расходы оплачивал отец Кумико. Нам надо было раз в месяц только посещать дом Хондысан в Мэгуро⁸, захватив большую бутылку сакэ, слушать его рассказы и возвращаться к себе. Все очень просто.

Хонда-сан нам сразу понравился. Если не трогать его невыносимую привычку из-за глухоты включать телевизор на полную громкость, он был очень славный старик. Хонда любил выпить, и наше появление с бутылкой сакэ встречал лучезарной улыбкой.

⁸ Район в Токио.

Мы всегда приходили к нему до обеда. И летом, и зимой он встречал нас, сидя в гостиной, опустив ноги в углубление для котацу⁹. Зимой для тепла он накрывал ноги и очаг с горячими углями одеялом, летом же в одеяле и углях нужды не было. Он считался очень известным прорицателем, но жил весьма скромно, можно даже сказать – отшельником. Дом был маленький, с крошечной прихожей, где одному человеку едва хватало места, чтобы снять или надеть ботинки. Циновки на полу протерлись, трещины на оконных стеклах заклеены липкой лентой. Напротив дома располагалась авторемонтная мастерская, откуда все время раздавались какие-то душераздирающие крики. Хонда-сан носил нечто среднее между ночным халатом и рабочей курткой. На вид одеяние было довольно нестиранным. Он жил один, каждый день к нему приходила женщина убирать и готовить. Но по неизвестным мне причинам стирать свое кимоно Хонда-сан ей не разрешал. Его впалые щеки неизменно покрывала короткая седая щетина.

Из обстановки дома Хонды-сан примечательным был только невероятных размеров цветной телевизор, постоянно включенный на канал «Эн-эйч-кей»¹⁰. То ли Хонда-сан питал особую любовь к программам «Эн-эйч-кей», то ли не желал утруждать себя переключением каналов, то ли это был особенный телевизор, который принимал только «Эн-эйч-кей», – ответа на этот вопрос я так и не получил.

Когда мы приходили, Хонда-сан всегда сидел лицом к телевизору, который занимал место в токонома¹¹, перебирая на крышке котацу палочки для гадания, а «Эн-эйч-кей» без отдыха и на предельной громкости транслировала кулинарные шоу, наставления по бонсай¹², новости, политические дебаты...

– Эти законы, сынок, – занятие не для тебя, – сказал как-то Хонда-сан, обращаясь ко мне. Впрочем, по его виду можно было подумать, что он говорит с кем-то, кто стоит у меня за спиной метрах в двадцати.

– Что вы говорите?

– Да-да. В конечном счете закон управляет всем в этом мире. Здесь тень есть тень, свет есть свет. Инь – это инь, а ян – это ян. Я – это я, он – это он.

Я – это я,
Он – это он.
Канун осени.

Но ты не принадлежишь к этому миру, сынок. То, к чему принадлежишь ты, лежит над или под этим миром.

– А что лучше? – Мне было просто любопытно. – Верх или низ?

– Дело не в том, что лучше, – отвечал Хонда-сан. Откашлявшись, он сплюнул на салфетку комочек мокроты и тщательно изучил его, прежде чем скомкать салфетку и бросить в мусорную корзину. – Это не вопрос: лучше или хуже. Не идти против течения – вот что главное. Надо идти вверх – подымайся, надо идти вниз – опускайся. Когда нужно будет подниматься, найди самую высокую башню и заберись на верхушку. А когда нужно будет двигаться вниз, отыщи самый глубокий колодец и опустишь на дно. Нет течения – ничего не делай. Станешь мешать течению – все высохнет. А коли все высохнет – в этом мире наступит хаос.

Я – это он,

⁹ Жаровня, вделанная в пол, устанавливаемая в традиционном японском доме.

¹⁰ Японская государственная телерадиокорпорация, ведущая вещание, в частности, на первом телеканале.

¹¹ Стенная декоративная ниша в японском доме, где обычно устанавливают икебану или вешают свитки с каллиграфическими надписями.

¹² Имеющее многовековую историю искусство выращивания карликовых деревьев.

А он – это я.
Весенние сумерки.

Откажешься от себя, тогда ты – это ты.

– А сейчас как раз такое время, когда нет течения? – спросила Кумико.

– Что?

– А СЕЙЧАС КАК РАЗ ТАКОЕ ВРЕМЯ, КОГДА НЕТ ТЕЧЕНИЯ? – прокричала она.

– Да, – отвечал Хонда-сан, кивая самому себе. – Поэтому сидите спокойно. Ничего не делайте. Только будьте осторожны с водой. Впереди тебя, возможно, ждут тяжелые времена, и это связано с водой. Воды не окажется там, где она должна быть, зато она будет там, где не надо. Но что бы ни случилось, будь с водой очень осторожен.

Кумико, сидя рядом со мной, кивала с самым серьезным видом, но я видел, что она еле сдерживается от смеха.

– Какую воду вы имеете в виду? – поинтересовался я.

– Этого я не знаю. Просто вода, – ответил Хонда-сан. – Сказать по правде, мне тоже пришлось пострадать из-за воды, – продолжил он. – У Номонхана совсем не было воды. На переходной – неразбериха, снабжение отрезано. Ни воды. Ни продовольствия. Ни бинтов. Ни боеприпасов. В общем – кошмар. Шишек, сидевших в тылу, интересовало только одно: поскорее захватить территорию. О снабжении никто и не думал. Три дня я почти не пил. Расстилал полотенце, утром оно немного напитывалось росой, и из него можно было выжать несколько капель влаги. Вот и все. Другой воды не было. Было так плохо, что хотелось умереть. В мире нет ничего страшнее жажды. От нее хотелось броситься под пули. Раненные в живот кричали и просили пить. Некоторые даже сходили с ума. Живой ад, да и только. Прямо перед нами текла река, в которой воды было сколько угодно. Но подойти к ней не можешь. Между нами и рекой – громадные советские танки с огнеметами в линию. Позиции утыканы пулеметами, как подушечки для иголок. На высотах окопались снайперы, и по ночам они палили осветительными ракетами. А у нас только пехотные винтовки-тридцатьвосемьмерки¹³ и по двадцать пять патронов на брата. И несмотря на это, многие мои товарищи пытались пробраться к реке, воды набрать. Терпения больше не было. Ни один не вернулся. Все погибли. Поэтому я и говорю: сидишь на месте – вот и хорошо.

Хонда-сан вытащил салфетку и громко высморкался. Изучив полученный результат, смял ее и выбросил.

– Конечно, ждать, пока течение возобновится, – дело тяжелое. Но раз надо ждать – значит, надо. А пока делай вид, что умер.

– То есть вы хотите сказать, что мне лучше какое-то время побыть мертвым? – спросил я.

– Что?

– ТО ЕСТЬ ВЫ ХОТИТЕ СКАЗАТЬ, ЧТО МНЕ ЛУЧШЕ КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ ПОБЫТЬ МЕРТВЫМ?

– Вот-вот, – был ответ.

Смерть – единственный путь
Для тебя плыть свободно.
Номонхан.

После этого Хонда-сан еще целый час рассказывал нам про Номонхан, а мы только сидели и слушали. Год ходили к нему каждый месяц, чтобы «получать от него указания», но никаких указаний он нам не давал. Гаданием при нас он занимался редко. Почти все его рассказы были

¹³ Винтовки модели № 38, находившиеся на вооружении регулярной японской армии.

о номонханском инциденте. О том, как лейтенанту, который был с ним рядом, снесло снарядами полчерепа; как он бросился на советский танк и поджег его бутылкой с зажигательной смесью; как они окружили и расстреляли советского летчика, совершившего вынужденную посадку в пустыне. Эти истории были интересными и захватывающими, но каким бы увлекательным рассказ ни был, он неизбежно теряет свою прелесть, если его повторять по семь-восемь раз. Вдобавок голос, каким Хондасан излагал свои истории, по громкости явно не соответствовал понятию «рассказ». Ощущение было такое, будто в ветреный день он с одного края пропасти изо всех сил старается докричаться до людей, стоящих на другой стороне. Казалось, что сидишь в первом ряду захудалого кинотеатра на каком-нибудь старом фильме Куросавы. Выйдя из дома старика, мы чувствовали себя оглушенными.

И тем не менее мы – или, по крайней мере, я – слушали Хонду-сан с удовольствием. Мы и представить себе такого не могли. Большинство его историй пахло кровью, но в устах доживавшего свой век старика в нестираной одежде подробности боев утрачивали реальность и звучали волшебными сказками. Почти полвека назад отряд Хонды жестоко сражался на бесплодном участке дикой земли на границе Маньчжурии и Монголии. Я почти ничего не знал о войне у Номонхана, пока не услышал рассказы старика. И все же это была невообразимо героическая битва. Практически безоружными они вступили в противоборство с отборными механизированными войсками Советской армии и были раздавлены. Многие части оказались разгромлены и уничтожены. Командиров, которые без приказа отвели своих солдат с передовой, чтобы спасти их от неминуемой смерти, генералы заставили покончить с собой, и гибель их была напрасной. Многие солдаты, оказавшиеся на советской территории, после войны, когда начали обменивать пленных, отказались возвращаться на родину, боясь, что их обвинят в дезертирстве. Они оставили свои кости в монгольской земле. А Хонду из-за потери слуха комиссовали, и он сделался хиромантом.

– В конце концов, все к лучшему, – говорил старик. – Если бы я не потерял слух, меня скорее всего послали бы на смерть куда-нибудь на южные острова. Так случилось с большинством оставшихся в живых у Номонхана. Номонхан для императорской армии – позор, поэтому всех, кто пережил его, посылали в самые жестокие бои. Им просто говорили: поезжайте туда и умрите! Штабные крысы, устроившие у Номонхана бойню, потом дослужились до больших чинов. Некоторые типы после войны даже стали политиками. А парни, которые по их приказу шли в бой, почти все погибли.

– А почему армия так стыдилась Номонхана? – поинтересовался я. – Войска сражались с таким мужеством, многие погибли. Зачем тогда к оставшимся в живых надо было так бездушно относиться?

Но Хонда-сан, казалось, не расслышал моего вопроса. Еще раз со стуком перемешал гадалочные палочки.

– Будь осторожнее с водой, – только и сказал он.

На этом наш разговор тогда завершился.

После ссоры с отцом Кумико мы перестали ходить к Хондесан. Посещать его, как раньше, зная, что услуги старика оплачиваются из кармана тестя, я не мог. Платить самим (а сколько это стоило, я так и не выяснил) не позволял наш семейный бюджет. Тогда, после свадьбы, в материальном отношении мы еле-еле держались на плаву. Так мы и потеряли связь с Хондой-сан – как обычно забывает стариков занятая собою молодежь.

Даже лежа в постели, я продолжал думать о Хонде-сан. Пробовал сопоставить то, что он говорил о воде, с рассказом Мальты Кано. Хонда предупреждал меня об осторожности. Мальта Кано повышала свой духовный уровень на Мальте, чтобы исследовать воду. Совпадение, может, и случайное, но обоих вода как-то очень волновала. Этот факт начинал меня тре-

вожить. Я представил картину боев у Номонхана: советские танки и пулеметные гнезда, текущую за ними реку. И непереносимую жажду. В темноте мне отчетливо слышался шум реки.

– Тору! – тихо позвала меня Кумико. – Ты не спишь?

– Не сплю.

– Я про галстук. Только что вспомнила. Тот самый, в горошек. Я сдала его в декабре в чистку. Он весь как-то замялся, надо было отгладить. А забрать забыла.

– В декабре? Это ж полгода назад!

– Ты же знаешь, со мной такого не бывает. Я ничего не забываю. Что вдруг произошло? Такой замечательный галстук. – Кумико положила руку мне на плечо. – Это чистка, что у станции. Как ты думаешь, он еще у них?

– Завтра схожу. Думаю, что там.

– Почему? Уже полгода прошло. Обычно в химчистках не востребованные вещи списывают через три месяца. После этого за них никто больше не отвечает. Почему ты думаешь, что галстук сохранился?

– Мальта Кано сказала, что он отыщется. Причем где-то вне нашего дома.

В темноте я почувствовал на себе взгляд Кумико.

– То есть ты ей веришь?

– Начинаю верить.

– Так скоро ты и с моим братом начнешь разговаривать, – довольно произнесла жена.

– Все может быть, – отозвался я.

Кумико заснула, а я продолжал думать о Номонхане. Все солдаты спали. Небо над головой было усеяно звездами, громко стрекотали армии сверчков. Шумела река. Слушая ее течение, я заснул.

5. Страсть к лимонным карамелькам

Птица, которая не могла летать, и высохший колодец

Покончив с завтраком, я сел на велосипед и направился к станции, в химчистку. Хозяин – тощий человек лет пятидесяти, с глубокими морщинами на лбу – слушал оркестр Перси Фэйта, что звучал из стоявшего на полке музыкального центра. Это был большой «Джей-ви-си» с дополнительными выносными динамиками. Рядом висела целая гора кассет. Оркестр во всем блеске звучания струнных выводил «Тему Тары». Хозяин, насвистывая под музыку, в глубине заведения энергично разглаживал сорочку паровым утюгом. Я подошел к прилавку и, извинившись, объяснил, что в конце прошлого года мы сдали в чистку галстук и забыли получить его. Мое появление в полдесятого утра в этом спокойном мирке было равносильно прибытию гонца с дурными вестями в греческой трагедии.

– Квитанции, конечно, у вас нет? – произнес хозяин каким-то бестелесным голосом, обращаясь не ко мне, а к календарю, висевшему рядом с прилавком. На июньском листе календаря красовался альпийский пейзаж – зеленая долина с привольно пасущимся стадом коров и контрастные белые облака, плывущие на фоне Монблана, Маттерхорна или какой-то другой вершины. Затем хозяин перевел взгляд на меня. При этом на его лице будто было написано: «Лучше бы ты не вспоминал о своем чертовом галстуке!» Взгляд был очень прямой и красноречивый.

– Говорите, в конце года? Ну и ну! Ведь полгода уже прошло. Ладно, пойду поищу, но за результат не отвечаю.

Он выключил утюг, водрузил его на подставку и, насвистывая мелодию из фильма «Лето в местечке», зашуршал чем-то в подсобке.

«Лето в местечке» я смотрел в школе вместе с подружкой. Там играли Трой Донахью и Сандра Ди. Был сеанс повторных фильмов – вместе с «Летом в местечке» показывали «Погоню за мальчишками» с Конни Фрэнсис. Фильм был так себе, но, услышав тринадцать лет спустя в химчистке эту музыку, я понял, что вспоминаю то время с удовольствием.

– Так вы говорите: синий в горошек? – спросил хозяин химчистки. – Фамилия – Окада?

– Да-да, – ответил я.

– Вам повезло.

Вернувшись домой, я сразу позвонил на работу Кумико.

– Галстук нашелся.

– С ума сойти! Вот молодец! – послышалось в ответ.

Прозвучало ненатурально – как у матери, расхваливающей сына за хорошие отметки, – и оставило какой-то неприятный осадок. Надо было позвонить во время обеда.

– Я очень рада. Ты извини, но у меня сейчас на линии один человек. Позвони попозже, в обед.

– Хорошо, – сказал я.

Положив трубку, я взял газету и вышел на веранду. Как обычно, улегся на живот, развернул страницу с объявлениями о работе и не торопясь прочел от корки до корки столбцы, сопровождавшиеся непонятными кодами и значками. Каких только профессий в мире нет! Все в аккуратных рамочках расставлены по своим местам – как могилы на схеме нового кладбища. Но, как мне показалось, отыскать там подходящую работу практически невозможно. В рамочки заключены сведения и факты, правда, отрывочные. Насколько то, что там написано, не противоречит вашим представлениям? Ряды фамилий, знаков и цифр мелко рассыпались по страницам и напоминали развалившийся скелет неизвестного животного, уже не подлежащий восстановлению.

Всякий раз, когда я долго рассматривал страницы с объявлениями, на меня нападало какое-то оцепенение. Что, собственно говоря, мне нужно, куда теперь идти или куда не идти? Ответы на эти вопросы давались все труднее и труднее.

По обыкновению, с верхушки какого-то дерева раздался крик Заводной Птицы. Кр-р-р-ри-и-и... Я отложил газету, поднялся и, облокотившись на перила веранды, посмотрел в сад. Спустя какое-то время птица вновь подала свой скрипучий голос с верхушки соседской сосны. Я всматривался в ветви дерева, стараясь обнаружить птицу, но разглядеть ее так и не смог. На ее присутствие намекали только крики. Это повторялось из раза в раз. Пружина жизни на новый день была заведена.

Еще не было десяти часов, когда начался дождь. Такой мелкий, что понять, есть дождь или нет, можно было, только как следует присмотревшись. Мир существует в двух состояниях: когда идет дождь и когда нет. Где-то между ними пролегает граница. Я еще немного посидел на веранде, настойчиво пытаюсь разглядеть эту линию, – она должна проходить где-то здесь.

Непонятно, чем занять время, оставшееся до ленча: то ли пойти поплавать в наш муниципальный бассейн, то ли отправиться на дорожку искать кота. Глядя на морозящий в саду дождь, я раздумывал, какой из вариантов выбрать.

Бассейн или кот?

В итоге победил кот. Мальта Кано заявила, что в наших местах его больше нет. Но в то утро у меня возникло непреодолимое желание отправиться на поиски снова. Охота за котом уже стала частью моей повседневной жизни. Кроме того, если Кумико узнает, что я опять его разыскивал, она будет довольна. Я надел тонкий плащ, решив обойтись без зонтика. Влез в теннисные тапочки, положил в карман плаща ключи от дома и горсть лимонных карамелек и вышел на улицу. Пройдя через сад, я уже положил руку на стену, собираясь перелезть, как услышал телефонный звонок. Застыв в этой позе, прислушался, но не смог разобрать, где звонят – у нас или у соседей. По моим наблюдениям, стоит выйти из дома, как все телефоны начинают звучать одинаково. Я махнул рукой, перебрался через преграду из блоков и очутился на дорожке.

Через тонкие подошвы теннисных тапочек я чувствовал, какая мягкая под ногами трава. Стояла необычная тишина. Я замер, сдерживая дыхание и прислушиваясь, – но никаких звуков не доносилось. Телефонные звонки прекратились. Ни птичьего крика, ни шума улицы. Небо сплошь затянуто серым цветом. В такие дни облака, казалось, поглощают звуки на поверхности земли. И не только звуки, но и многое другое. Например, чувства и ощущения.

Засунув руки в карманы плаща, я по узкой дорожке добрался до заброшенного дома. Он по-прежнему стоял на месте, вокруг было тихо. Двухэтажный дом с наглухо заколоченными ставнями мрачно возвышался под нависшими серыми тучами. Он напоминал грузовое судно, наскочившее в бурю на скалы и брошенное экипажем. Если б не подросшая со времени моего последнего визита трава, можно было бы предположить, что время остановилось здесь по какой-то неведомой причине. Трава ярко зеленела после лившего несколько дней дождя, источая первобытные запахи, роднящие все, что пускает в землю корни. В самой середине этого травяного моря в той же позе, что и в прошлый раз, стояла каменная птица, раскинув готовые к полету крылья. Но в воздух ей, конечно, не подняться. Это было ясно и мне, и ей. Птица обречена стоять тут и ждать, пока ее не увезут куда-нибудь или не разобьют на куски. Другой возможности покинуть сад у нее нет. Здесь лишь порхала над травой маленькая белая бабочка, появившаяся на свет с опозданием, когда сезон бабочек уже прошел. Своими неуверенными движениями она напоминала человека, забывшего, что ищет. После пяти минут бесплодных поисков бабочка куда-то сгинула.

Посасывая лимонную карамельку, я оперся о проволочную сетку и поглядел в сад. Никаких признаков кота. Вообще никаких признаков чьего бы то ни было присутствия. Место напоминало застоявшийся водоем, течение в котором остановила какая-то могучая сила.

Вдруг показалось, что за спиной у меня кто-то есть. Я обернулся, но никого не обнаружил. На другой стороне дорожки виднелась лишь ограда и маленькая калитка, у которой в прошлый раз стояла девушка. Но теперь калитка оказалась закрытой, и участок за забором был пуст. Сыро и тихо, пахнет травой и дождем. А еще – моим плащом. Под языком перекатылась наполовину растаявшая лимонная карамелька. Я глубоко вздохнул, и все запахи соединились в один. Еще раз огляделся – вокруг по-прежнему никого. Хорошенько прислушавшись, я разобрал доносившийся издали глухой рокот вертолета. Кто-то летал над облаками. Звук удалялся, и скоро над округой снова повисла тишина.

В проволочную сетку, окружавшую участок опустевшего дома, была вделана калитка, тоже из сетки. Я толкнул ее, и она легко отворилась, словно приглашая войти. «Ничего страшного, все очень просто, заходи – и все», – зазывала калитка. Однако вторжение на чужой участок, даже если на нем стоит лишь пустой дом, – нарушение закона. Чтобы понять это, нет нужды обращаться к познаниям в юриспруденции, которые я накопил за восемь лет. Если кто-нибудь из соседей заметит меня в заброшенном доме и, заподозрив в нехороших намерениях, сообщит в полицию, то тут же примчатся и учинят мне допрос. Я скажу, что разыскиваю кота; он пропал, и за ним приходится рыскать по всей округе. Полицейские станут выяснять мой адрес, чем я занимаюсь. Придется признаться, что я безработный. Это наверняка вызовет у них подозрения. В последнее время полицейские стали страшно нервными из-за террористов-левых. Они втемяшили себе в голову, что по всему Токио разбросаны подпольные склады, где левачи прячут винтовки и самодельные бомбы. Может статься, начнут звонить на работу жене, чтобы проверить мои слова. Если дойдет до этого, Кумико, боюсь, страшно расстроится.

И все-таки я вошел в калитку. Вошел и быстро затворил ее за собой. Была не была! Будь что будет. Если что-то хочет произойти, пусть произойдет. Мне все равно.

Я пересек участок, внимательно оглядываясь по сторонам. Мои теннисные туфли неслышно ступали по траве. В саду росло несколько невысоких фруктовых деревьев, названий которых я не знал, и был разбит довольно большой газон. Но сейчас здесь все так заросло травой, что ничего нельзя было разобрать. Уродливый плющ мертвой хваткой заключил в свои объятия пару чахлах фруктовых деревьев, казалось, скончавшихся от удушья. Кусты османтуса вдоль забора сплошь покрывала какая-то отвратительная белесая плесень. У самого моего уха назойливо зудела крошечная мушка.

Пройдя мимо каменного изваяния, я подошел к белым пластиковым стульям, составленным под карнизом. Самый верхний в этой пирамиде был покрыт толстым слоем пыли, но стоявший под ним оказался не таким запачканным. Я вытер его рукой и сел. Место, где я обосновался, укрывали от дорожки буйно разросшиеся сорняки, и увидеть меня оттуда было нельзя. От дождя защищал козырек крыши. Я сидел, смотрел на участок, впитывавший в себя мелкий дождь, тихонько насвистывал и не сразу сообразил, что вывожу увертюру из «Сороки-воровки» – ту самую, что слушал, когда странная женщина своим телефонным звонком помешала мне варить спагетти.

Я сидел в саду, где кругом не было ни души, глядел на траву и каменную птицу, свистел, безбожно фальшивя, и мне казалось, будто снова наступило детство. Никто не знал о моем укрытии и не мог меня здесь увидеть. Убедившись в этом, я совершенно успокоился.

Поставив ноги на перекладину стула и подтянув к груди колени, я облокотился на них и подпер щеки ладонями. Закрыв на минуту глаза. Вокруг по-прежнему стояла тишина. Темнота под закрытыми веками напоминала затянутое тучами небо, только серый цвет был немного темнее. Время от времени словно кто-то невидимый накладывал на этот фон новый оттенок, чуть отличавшийся от предыдущего. Серый с примесью золота, с добавками зеленого, красного. Я даже обалдел от такого обилия оттенков серого цвета. Странное создание человек: стоит минут десять посидеть с закрытыми глазами, и открывается поразительное многоцветие.

Бездумно перебирая в голове образцы серого цвета, я опять начал насвистывать.

– Эй! – раздался вдруг чей-то голос.

Я испуганно открыл глаза. Наклонившись и вытянувшись вперед, посмотрел вверх сорняков на калитку. Она была открыта. Распахнута настежь. Ясно, что следом за мной в нее кто-то вошел. Сердце сильно забилося.

– Эй! – послышалось снова, и из-за статуи появилась девчонка, загорававшая в прошлый раз в саду напротив. На ней была та же бледно-голубая майка «адидас» и шорты. Она по-прежнему слегка прихрамывала. Не было только солнечных очков.

– Что вы здесь делаете? – спросила она.

– Веду поиски кота, – ответил я.

– Правда? Что-то непохоже. Вы просто сидите и свистите с закрытыми глазами. Так коты не ищут.

Я почувствовал, что краснею.

– Мне лично все равно, – продолжала девчонка. – Но вдруг вас увидит кто-нибудь незнакомый. Подумает, что вы извращенец. А вы правда не извращенец?

– Думаю, что нет.

Девчонка подошла ко мне и после тщательного осмотра выбрала из составленных под карнизом стульев тот, что почище. Учинив ему еще одну строгую проверку, она поставила его на землю и села.

– Что это вы свистели? Совсем никакой мелодии. Вы случайно не педик?

– Да вроде нет. А почему ты так подумала?

– Я слышала, что педики свистеть не умеют. Это правда?

– Понятия не имею.

– Мне вообще-то без разницы – педик, извращенец или еще кто, – заявила девчонка. – Вас, кстати, как зовут? Трудно разговаривать, когда имени не знаешь.

– Тору Окада.

Девушка несколько раз повторила мое имя.

– Так себе имечко, да?

– Как сказать, – ответил я. – Мне всегда казалось, до войны был такой министр иностранных дел – Окада¹⁴.

– Я в этом ничего не понимаю. История мне не дается. Ну ладно. А может, у вас какое-нибудь прозвище есть? Что-нибудь попроще, чем Тору Окада.

Я тщетно пытался вспомнить, было ли у меня когда-нибудь прозвище. Ничего похожего. Интересно, почему?

– Нет у меня прозвища.

– Ну, например, Медведь? Или Лягушка?

– Нет.

– Ну давайте же, – настаивала она. – Придумайте что-нибудь.

– Заводная Птица, – произнес я.

– Заводная Птица? – переспросила девчонка и уставилась на меня, раскрыв рот. – Это еще что такое?

– Заводная Птица, – сказал я. – По утрам, сидя на дереве, она подкручивает пружину нашей жизни.

Девчонка опять пристально посмотрела на меня.

– Я только что это придумал, – вздохнул я. – Эта птица каждый день прилетает к нам и кричит с соседнего дерева: Кр-р-р-ри-и-и... Но ее пока никто не видел.

¹⁴ Герой Мураками путается в государственных деятелях – видимо, он имеет в виду Окаду Кэйсукэ (1868–1952), возглавлявшего японское правительство в середине 30-х гг.

– Хм! Ладно. Раз так – буду звать тебя Заводной Птицей. Тоже язык сломаешь, но все же гораздо лучше, чем Тору Окада.

– Спасибо.

Девчонка изменила позу: уселась на стул с ногами и уткнулась подбородком в колени.

– А тебя как зовут? – поинтересовался я.

– Мэй Касахара. Мэй... это от месяца май.

– Ты родилась в мае?

– Чего спрашивать? Вот было бы смеху, если б я родилась в июне, а меня вдруг назвали Мэй.

– И то правда. Как я понимаю, в школу ты так и не ходишь?

– Я долго за тобой наблюдала, Заводная Птица, – проигнорировала мой вопрос Мэй. – Из комнаты в бинокль видела, как ты вошел через калитку. У меня всегда под рукой маленький бинокль, чтобы наблюдать за дорожкой. Ты, наверное, не знаешь: здесь разные люди ходят. И не только люди. Животные тоже. А что ты здесь делал все это время, пока сидел один?

– Да ничего особенного, – сказал я. – Думал о прошедших днях, свистел.

– Ты какой-то чудной, – заявила Мэй Касахара, грызя ногти.

– Вовсе нет. Все люди так поступают.

– Может быть. Но кроме тебя, никто не ходит специально для этого к соседям, в пустой дом. Если делать нечего, то думать о прошедших днях и свистеть можно и в своем саду.

В ее рассуждениях была железная логика.

– Ну как? Нобору Ватая еще не вернулся домой? – спросила Мэй.

Я покачал головой:

– А тебе после нашей встречи он на глаза не попадался?

– Коричневый, полосатый, кончик хвоста чуть изогнут? С тех пор я тоже его ищу, но что-то не видно.

Мэй вытянула из кармана шорт пачку «Хоупа», прикурила от спички. Сделав несколько затяжек, посмотрела мне в лицо:

– Слушай, у тебя волосы не выпадают?

Я непроизвольно провел рукой по волосам.

– Да не здесь, – сказала девушка. – У лба. Тебе не кажется, что они растут чересчур высоко?

– Как-то не замечал.

– Зато я заметила. Вот здесь ты и начнешь лысеть. Волосы будут отступать все выше и выше. Вот так. – Мэй крепко схватила себя за волосы, оттянула назад и показала мне открывшийся белый лоб. – Обрати на это внимание.

Я дотронулся до волос на лбу. Вроде их действительно поубавилось. А может, только воображение. Мне стало немного не по себе.

– Ты говоришь: обрати внимание. А что, по-твоему, надо делать?

– Здесь ничего не поделаешь, – сказала Мэй. – Против облысения нет средств. Человек, которому судьба облысеть, все равно облысеет, когда придет его время. И ничем это не остановишь. Вот говорят: чтобы не было лысины, волосам нужен хороший уход. Но это все неправда. Самое настоящее вранье. Сходи на вокзал Синдзюку¹⁵ и посмотри на бродяг, которые там спят. Ни одного лысого не найдешь. Думаешь, они каждый день моют голову шампунем «Клиник» или «Видал Сэссон»? Или втирают какой-нибудь лосьон? Косметические фирмы что хочешь скажут, чтобы выкачать деньги из таких, как ты.

Ее слова произвели на меня впечатление.

¹⁵ Один из крупнейших транспортных узлов Токио.

– Твоя правда, – сказал я. – И откуда ты столько знаешь о лысинах?

– Я уже довольно долго подрабатываю тут по соседству в одной фирме, где делают парики. В школу я не хожу, свободного времени – навалом. Заниматься приходится анкетами, опросами и прочей ерундой. Поэтому я все про лысых знаю. У меня полно об этом всякой информации.

– Хм!

– Но знаешь, – продолжала девчонка, бросив на землю окурок и наступив на него, – в этой фирме строго запрещено говорить «лысый» или «плешивый». Вместо этого нужно сказать «у человека фолликулярные проблемы». «Лысый» – это дискриминационный термин. Каково, а? Я как-то ляпнула «человек без растительности на голове», так они там чуть с ума не посходили. «Шутки здесь неуместны, девушка». Они все такие серье-е-езные. Во как. Люди вообще ужасно серьезные.

Я достал из кармана карамельку, бросил ее в рот и предложил такую же Мэй. Она покачала головой и вынула из пачки новую сигарету.

– Послушай, Заводная Птица! Ты ведь безработный? Ничего еще не нашел?

– Нет пока.

– Хочешь заняться серьезным делом?

– Конечно, – ответил я и тут же засомневался, хочу или нет. – Впрочем, не знаю. Наверное, надо подумать. Я сам толком не знаю. Понимаешь, это трудно объяснить.

Покусывая ногти, Мэй Касахара пристально посмотрела на меня и сказала:

– Знаешь, Заводная Птица, давай как-нибудь вместе сходим в эту фирму. Платят так себе, зато работа простая и график свободный. Ну как? Да ты не думай! Просто попробуй. Может, после этого легче будет разобраться в своих делах. Попробуй, хоть для смены обстановки.

«А что? Наверное, было бы неплохо», – подумал я.

– Вообще-то неплохая мысль.

– Здорово! В следующий раз я за тобой зайду. Где твой дом?

– Объяснить непросто. Надо идти по дорожке, повернуть несколько раз, пока слева не окажется дом, где припаркована красная «хонда-сивик». У нее на бампере наклейка с надписью: «За мир для всего человечества». Наш дом – рядом, но нет выхода на дорожку, поэтому надо перелезть через блочную стенку высотой пониже меня.

– Нормально. Такая высота для меня не проблема.

– Нога больше не болит?

Девушка вздохнула и выпустила струю табачного дыма.

– Ничего. Все в порядке. Я нарочно хромаю, чтобы в школу не ходить. Притворяюсь перед предками. Так и привыкла. Теперь хромаю, даже если никто не видит, когда я одна в комнате. Я вообще педантка. Как говорится, если хочешь обмануть кого-нибудь – сначала обманись сам. Ну да ладно. А ты смелый, Заводная Птица?

– По-моему, не очень, – ответил я.

– А как насчет любопытства?

– Любопытство – другое дело. Есть немного.

– А ты не думаешь, что смелость и любопытство имеют много общего? – спросила Мэй. – Где смелость, там и любопытство, где любопытство, там смелость. Скажешь, не так?

– Хм! Действительно, сходство имеется. Бывает, пожалуй, что смелость и любопытство сливаются вместе, как ты сказала.

– Например, когда тайком забираешься в чужой дом?

– Вот-вот, – сказал я, перекатывая под языком карамельку. – Похоже, что в такие минуты любопытство и смелость идут вместе. Иногда любопытство вытаскивает за собой смелость и подгоняет ее. Но обычно любопытство скоротечно и быстро проходит – в отличие от смелости.

сти. Любопытство – что-то вроде приятеля, которому не можешь полностью довериться. Лишь зажигает тебя и в какой-то момент бросает.

И после этого приходится действовать в одиночку, собрав все свое мужество.

Мэй чуть задумалась.

– Да... Можно, наверное, и так сказать. – Она поднялась со стула, отряхнула шорты и посмотрела на меня сверху вниз.

– Послушай, Заводная Птица, ты не хочешь посмотреть колодец?

– Колодец? – поинтересовался я. Какой еще колодец?

– Тут есть высохший колодец. Он мне нравится. В какой-то степени. Хочешь взглянуть?

Мы прошли через сад и, обойдя дом сбоку, оказались у колодца. Метра полтора в диаметре, он закрывался круглой крышкой из толстых досок. Сверху крышка была придавлена парой бетонных блоков. Возле колодца, стенки которого возвышались над землей примерно на метр, как часовой на посту, стояло старое дерево. Как оно называлось, я не знал. Колодец, как и все, что принадлежало этому дому, казалось, уже давно был заброшен. Здесь ощущалось нечто такое, что я бы назвал «полной потерей чувствительности». Складывалось впечатление, что стоит человеку отвести взгляд от этой картины, как изображенные на ней неодушевленные предметы станут еще неодушевленнее.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что колодец гораздо старше остальных построек. Похоже, его выкопали задолго до того, как возвели дом. Даже деревянная крышка выглядела очень старой. Стенки колодца были зацементированы, но, очевидно, цементный раствор для прочности положили на прежнюю конструкцию. Даже дерево рядом с колодцем всем своим обликом подчеркивало, что появилось на этом месте гораздо раньше соседей.

Я опустил на землю бетонный блок, снял одну из половинок дощатой крышки и, опершись руками о край, перегнулся и заглянул внутрь. Дна, однако, видно не было. Колодец, похоже, был глубокий – его нижняя часть утопала в темноте. Я принялся – изнутри шел слабый запах плесени.

– Воды нет, – сказала Мэй. – Колодец высох.

«Птица, которая не умеет летать, колодец без воды, – думал я. – Дорожка, которая кончается тупиком. И еще...»

Девчонка подняла валявшийся под ногами обломок кирпича, бросила его в колодец. Чуть погодя оттуда донесся слабый сухой звук. И больше ничего. Звук был такой хрупкий, что его, казалось, можно искрошить в руках. Выпрямившись, я взглянул на Мэй и спросил:

– Почему здесь нет воды? Сама высохла? Или кто-то специально засыпал?

Девчонка пожала плечами:

– Если его засыпали, то должны были завалить до самого верха. Какой смысл оставлять дырку в земле? Это опасно – кто-нибудь может туда свалиться. Так ведь?

– Пожалуй, что так, – признал я. – Скорее всего колодец просто почему-то высох.

Мне вдруг вспомнились давнишние слова Хонды: «Когда нужно будет подыматься, найди самую высокую башню и заберись на верхушку. А когда нужно будет двигаться вниз, отыщи самый глубокий колодец и опустишь на дно». Выходит, колодец я уже нашел.

Я снова наклонился и просто так, ни о чем не думая, посмотрел в темноту. Надо же! В таком месте, в такой день существует такая глубокая тьма. Я откашлялся и сглотнул. Мне почудилось, что прозвучавший во тьме колодца кашель исходит от кого-то другого. Во рту еще оставался привкус лимонных карамелек.

Я накрыл колодец крышкой и положил на место блок. Взглянул на часы. Почти полдвенадцатого. В обеденный перерыв надо позвонить Кумико.

– Мне нужно идти.

Мэй скорчила недовольную гримасу:

– Иди, иди, Заводная Птица. Лети домой.

Мы пересекли участок; каменная птица все так же смотрела в небо своими высохшими глазами. Небо же по-прежнему было затянуто пеленой серых туч без единого просвета, но дождь уже кончился. Мэй выдернула из земли пучок травы и подбросила вверх. Ветра не было, и травинки, рассыпавшись в воздухе, упали к ее ногам.

– До заката еще полно времени, – сказала девчонка, не глядя на меня.

– В самом деле, – откликнулся я.

6. Кумико Окада и Нобору Ватая

Я рос единственным ребенком в семье, и мне трудно представить, какие чувства испытывают друг к другу братья и сестры и как общаются между собой, став взрослыми и начав самостоятельную жизнь. У Кумико, к примеру, когда речь заходила о Нобору Ватая, на лице всегда появлялось какое-то странное выражение – будто она по ошибке взяла в рот что-то не то. Но что скрывалось за этим выражением, мне было неизвестно. К ее старшему брату я не испытывал ни малейшего расположения. Кумико об этом знала и понимала, что у меня есть основания так к нему относиться. Да она и сама не была в восторге от старшего брата. Если бы Кумико и Нобору не были братом и сестрой, представить их за дружеской беседой было бы очень нелегко. Но они находились в кровном родстве, что, конечно же, все осложняло.

Теперь Кумико почти не встречалась с Нобору Ватая, а я совсем перестал ходить в дом ее родителей. Как я уже говорил, у меня произошло бурное выяснение отношений с ее отцом, закончившееся полным разрывом. Можно пересчитать по пальцам людей, с которыми у меня были ссоры, но уж если до этого доходит, я завожусь на всю катушку и на полпути остановиться не могу. Однако стоило мне выложить тестю начистоту все, что накопилось, как весь мой гнев странным образом куда-то испарился. Не осталось ни ненависти, ни злобы – только облегчение от той тяжести, что приходилось долгое время носить в себе. Я даже подумал, что на долю этого человека выпала по-своему нелегкая жизнь, какой бы неприглядной и глупой она мне ни казалась. Я объявил Кумико, что встречаться с ее родителями больше никогда не буду. Она же может делать это когда захочет. Меня это никак не заденет. Но жена тоже не горела особым желанием с ними видаться.

Нобору Ватая жил тогда вместе с родителями, но в конфликт между мною и отцом вмешиваться не стал, предпочтя остаться в стороне. Это не особенно меня удивило – я его совершенно не интересовал, и он любым путем старался избегать контактов со мной, если только не было вынужденной необходимости. Поэтому после разрыва с родителями жены у меня не осталось оснований и для встреч с ее братом. Впрочем, и у Кумико не было особых причин с ним видаться. И он, и она были людьми занятыми. Кроме того, они никогда не были по-настоящему близки.

Тем не менее время от времени Кумико звонила брату в университетскую лабораторию, а он ей – на работу (но никогда – к нам домой). Жена рассказывала об этих звонках, но о чем именно они говорили, мне было неизвестно. Сам я не интересовался, а жена без необходимости не делилась со мной подробностями. Содержание их разговоров было мне безразлично. Не сказал бы, что это мне было неприятно. Просто я не мог понять, о чем могут говорить такие разные люди, как Кумико и Нобору Ватая. Или темы для разговора возникают благодаря особому фильтру кровного родства?

У моей жены с Нобору Ватая разница в возрасте была девять лет. Не добавляло им близости и то, что в детстве Кумико несколько лет жила у бабушки. Кроме Кумико и Нобору, в семье Ватая был еще один ребенок – девочка, на пять лет старше Кумико. В три года Кумико увезли из Токио в Ниигату¹⁶, в отчий дом отца, где ее воспитанием занялась бабушка. Родители потом объясняли Кумико, что в детстве она часто болела, поэтому они решили, что ей лучше расти в деревне, на свежем воздухе, но Кумико никогда по-настоящему не верила в это. Она не была хилым ребенком, ничем серьезным не болела и не помнила, чтобы кто-нибудь из взрослых в Ниигате обращал особое внимание на ее здоровье.

– Скорее всего это была просто отговорка, – как-то сказала мне Кумико.

¹⁶ Одна из 47 префектур Японии; расположена в центральной части о. Хонсю на побережье Японского моря.

Много позже от одного родственника она услышала, что ее бабушка и мать долгое время враждовали, и решение привезти девочку в Ниигату было результатом временного перемирия. Отдав на время дочь, родители Кумико надеялись ублажить бабушку, которая, в свою очередь, воспитывая внучку, как бы подтверждала связь с сыном, отцом Кумико. Девочка была у нее вроде заложницы.

– У родителей уже было двое детей, и они не боялись лишиться меня, – рассказывала мне жена. – Конечно, они не собирались меня бросать, но подумали, наверное, что я еще маленькая и ничего страшного не случится, если отослать меня из дома. Просто всерьез они об этом не задумывались. В общем, ты не поверишь, но такое решение оказалось удобным для всех. Не знаю почему, но никто из них не понимал, как тяжело оно могло повлиять на маленького ребенка.

Кумико жила в Ниигате у бабушки до шести лет. Конечно, назвать эти годы несчастливыми или исковерканными нельзя. Бабушка не чаяла души во внучке, да и той самой было гораздо интереснее играть со сверстниками, двоюродными братьями и сестрами, чем с родными много старше ее. Кумико привезли обратно в Токио, когда пришло время идти в школу. Долгая разлука с дочерью стала беспокоить родителей, и, боясь, как бы не было поздно, они настояли на том, чтобы она вернулась домой. Но в каком-то смысле уже было поздно. За несколько недель до отъезда Кумико в Токио на бабушку напало страшное волнение. Она перестала есть, почти не спала. То вдруг начинала плакать, то выходила из себя, то погружалась в молчание. Она крепко обнимала Кумико, а в следующую минуту начинала бить ее по рукам линейкой с такой силой, что оставались рубцы. Ругая самыми последними словами мать Кумико, бабушка говорила внучке, что не отпустит ее и умрет, если она уедет, и тут же заявляла, что не хочет ее больше видеть и что она может убраться куда пожелает. Бабушка даже пыталась вскрыть себе вены ножницами. Кумико никак не могла понять, что творится.

И тогда она отгородилась на время от внешнего мира. Перестала думать, перестала желать. Реальность, в которой она оказалась, была за гранью ее тогдашнего понимания. Кумико закрыла глаза, заткнула уши, прекратила мыслить. Несколько месяцев практически выпали из ее памяти. Она не запомнила ничего из того, что происходило тогда, а пришла в себя уже дома. Там, где ей предстояло жить. С родителями, братом и сестрой. Но это был не ее дом. Просто новая обстановка, *новая среда обитания*.

Кумико не знала, из-за чего ее разлучили с бабушкой и как привезли на новое место, но инстинктивно понимала, что возврата к той жизни, которая была у нее в Ниигате, уже не будет. Мир, где она оказалась, не укладывался в понимание шестилетней девочки. Ее прежний мир не имел ничего общего с этим и, несмотря на кажущееся сходство, жил по совсем другим законам. Кумико не понимала, на чем стоит этот мир, и даже не могла участвовать в разговорах, которые велись в ее новой семье.

В новой для себя обстановке Кумико росла молчаливой и трудной девочкой. Она не знала, кому верить, на кого положиться. Даже на коленях у родителей она не чувствовала себя спокойной. Девочка не помнила запаха их тел, и эта неизвестность вызывала у нее большую тревогу. Временами она даже ненавидела этот незнакомый запах. Единственным человеком в семье, перед кем Кумико понемногу стала открывать свое сердце, была старшая сестра. Родителям не удавалось найти подхода к дочери, брат еще с тех времен почти не замечал существования Кумико. Одна лишь сестра понимала, какой хаос и одиночество царят в душе Кумико, и терпеливо заботилась о ней: спала с ней в одной комнате, старалась понемногу разговаривать, читала книги, вместе ходила с ней в школу, помогала с уроками. Когда Кумико часами плакала в уголке у себя в комнате, сестра сидела рядом, крепко обняв ее. Она изо всех сил старалась найти дорогу к сердцу Кумико. И если бы через год после возвращения Кумико домой сестра не умерла от пищевого отравления, многое могло бы сложиться иначе.

– Была бы сестра жива, все бы у нас в доме было лучше, – говорила Кумико. – Она училась только в шестом классе, но уже тогда на ней как бы держалось все наше семейство. Если бы она не умерла, все мы, наверное, были бы людьми достойнее, чем сейчас. Я, во всяком случае, не была бы таким безнадежным экземпляром. Понимаешь? С тех пор я не могу избавиться от вины. Почему не умерла вместо сестры? Почему осталась жить я, от которой никому нет ни пользы, ни радости? Родители и брат знали, что я чувствую, но не сказали мне ни одного теплого слова. Больше того – они всякий раз заводили разговор о сестре: какая красивая, умная и отзывчивая она была, как все ее любили, как хорошо она играла на пианино. Меня тоже заставляли учиться на пианино! После смерти сестры, видишь ли, осталось пианино. Но мне это было совсем неинтересно! Я понимала, что не смогу играть так, как она, и мне не хотелось раз за разом убеждаться в том, насколько я ниже ее во всем. Я не могла никого заменить и не желала становиться кем-то другим. Но никто меня не слушал. Никто даже не собирался меня слушать! Поэтому я до сих пор не могу смотреть на пианино. А вид людей, играющих на этом инструменте, вызывает у меня отвращение.

Слушая историю Кумико, я кипел от возмущения. Что творила эта семейка! Я помню, это было еще до свадьбы. Со времени нашего знакомства прошло всего два с небольшим месяца. Стояло тихое воскресное утро, мы лежали в постели.

Словно разматывая запутавшуюся веревку, Кумико терпеливо вспоминала о своем детстве. В первый раз она рассказывала о себе так долго. До того утра о ее семье и жизни мне почти ничего не было известно. Я знал только, что она неразговорчива, любит рисовать, что у нее красивые прямые волосы и две родинки на правой лопатке. И что я у нее – первый мужчина. Рассказывая, Кумико не могла удержаться от слез. И я понимал, почему она плачет. Я обнял ее и погладил по волосам.

– Будь сестра жива, она бы тебе понравилась. Она всем нравилась с первого взгляда.

– Может быть. Однако мне понравилась ты. Слышишь? Все очень просто. Ты и я. И твоя сестра тут ни при чем, – ответил я.

Кумико замолчала и задумалась. В полвосьмого утра в воскресенье все звуки были невесомыми и приглушенными. Я слышал, как по крыше стучат лапками голуби, как вдалеке кто-то зовет собаку. Кумико, выбрав на потолке точку, долго не сводила с нее взгляда.

– Ты любишь кошек? – прервала она молчание.

– Люблю. Очень. В детстве у нас все время жили кошки. Я всегда с ними играл и даже спал.

– Как здорово! Я тоже с детства мечтала завести кошку или кота. Но мне не разрешали. Мать их не выносит. Я вообще ни разу в жизни не получала того, что очень хотелось. Ни разу. Не веришь? Тебе не понять, что это значит. У тебя не будет того, что тебе хочется... Ты свыкаешься с этой мыслью и постепенно перестаешь даже понимать, что же тебе нужно.

Я взял ее руку в свою.

– Может быть, раньше так и было. Но ты больше не ребенок и имеешь право жить так, как тебе хочется. Хочешь завести кошку – выбери такую жизнь, где у тебя будет кошка. Это проще простого. Ты имеешь на это право. Так ведь?

Кумико пристально посмотрела на меня.

– Так, – сказала она. Спустя несколько месяцев мы решили пожениться.

Детские годы Кумико, прошедшие в этом доме, выдались изломанными и тяжелыми, но по-своему искореженным оказалось и детство Нобору Ватая. Единственного сына родители буквально боготворили; они не просто любили мальчика, но и многого требовали от него. Отец твердо верил, что обеспечить себе достойную жизнь в японском обществе можно, лишь имея самые высокие оценки и отталкивая по пути вверх всех и каждого, кто встает на дороге. Он был абсолютно убежден в правоте такой философии.

Эти же слова я услышал от него вскоре после нашей с Кумико свадьбы. Никто не создает людей равными друг другу, заявил он. О принципе равенства говорят учителя в школе, но это полный вздор. Япония – демократическое государство по своему устройству, но в то же время это классовое общество, где действует «закон джунглей» – кто смел, тот и съел. Если не пробьешься в элиту, жить в этой стране нет никакого смысла. Жить лишь для того, чтобы попасть между жерновами и быть перемолотым в прах? Человек должен бороться за каждую ступеньку лестницы и подниматься по ней все выше и выше. Это абсолютно здоровые амбиции. Стоит людям их лишиться – и страна погибнет. Я никак не реагировал на мнение тестя. Впрочем, он не нуждался в моих оценках. Он излагал свою концепцию в полной уверенности, что она переживет века.

Мать Кумико была дочерью высокопоставленного чиновника. Она выросла в Токио, в районе Яманотэ¹⁷, никогда ни в чем не нуждалась и не обладала ни собственными взглядами, ни характером, который позволял бы ей в чем-то перечить мужу. Насколько я смог понять, теща не имела никакого мнения о явлениях или предметах, не попадавших в поле ее зрения (она, кстати сказать, была еще и страшно близорука). А когда необходимость обозначить свой взгляд на что-то, относившееся к иным, более широким сферам, все-таки возникала, она неизменно обходилась мнением, заимствованным у супруга. Возможно, от тещи никому не было бы вреда, если бы не один недостаток: как нередко бывает с женщинами такого типа, она была невыносимо претенциозна. Не имея за душой ничего своего, такие люди могут удерживаться в обществе, лишь взяв напрокат чужие взгляды и принципы. Их постоянно гложет один и тот же вопрос: «Как я выгляжу в глазах других?» Так мать Кумико стала недалекой, психически неуравновешенной особой, озабоченной только служебным положением мужа и успехами сына в учебе. Все, что не укладывалось в эти узкие рамки, потеряло для нее всякий смысл. Она настояла, чтобы сын поступил в самую престижную школу, затем – в самый престижный университет. А счастливое ли у него детство? Какие взгляды на жизнь у него складываются? Эти вопросы были далеко за гранью ее понимания. И если бы кто-то высказал по этому поводу пусть даже самые легкие сомнения, она, вероятно, восприняла бы это как незаслуженное личное оскорбление.

Вот так родители упрямо вбивали в голову маленькому Нобору свою сомнительную философию и искаженное мировоззрение. Сын занимал все их внимание. Они были категорически против того, чтобы Нобору Ватая довольствовался в жизни вторыми ролями. Как говорил отец, если человек не способен стать лучшим в таком маленьком коллективе, как класс и школа, как он может рассчитывать на большее в суровом взрослом мире? Родители приглашали к нему лучших учителей и заставляли его учиться изо всех сил. В награду за успехи ему покупали все, чего бы он ни захотел, поэтому в материальном отношении детство Нобору Ватая было абсолютно безоблачным. Но когда наступило время чувств и душевных потрясений, у него не оказалось времени ни на девушек, ни на загулы с друзьями. Все силы приходилось тратить на то, чтобы удерживать за собой первое место. Не знаю, нравилась ли Нобору Ватая такая жизнь. Не знала этого и Кумико. Он был не из тех, кто поверяет свои чувства другим – будь то сестра, родители или кто-то еще. Впрочем, выбора у него все равно не было. По моему, некоторым системам взглядов – из-за их поверхностности и простоты – невозможно ничего противопоставить. В общем, из элитной частной школы Нобору Ватая поступил на экономический факультет Токийского университета и окончил его с высшими баллами почти по всем предметам.

Отец надеялся, что, прослушав курс в университете, сын поступит на государственную службу или в какую-нибудь крупную компанию, но тот решил остаться в университете, чтобы

¹⁷ Исторически сложившаяся часть японской столицы, где расположены жилые кварталы, заселенные в основном хорошо обеспеченными людьми, а также крупные универмаги и торговые центры.

пойти по научной части. Нобору Ватая был не дурак. Он понимал, что сфера, в которой требуются систематические знания и определенный интеллектуальный уровень, подходит ему больше, чем мир, где придется заниматься практическими делами вместе с другими людьми. Проучившись два года в Йеле, Нобору вернулся в Токио и поступил в аспирантуру. Женился по совету родителей, но через два года этот брак закончился разводом, и он вернулся под родительский кров. Когда я впервые с ним встретился, это была весьма странная и малоприятная личность.

Три года назад, когда ему было 34 года, Нобору Ватая написал толстую книгу – специализированное исследование по экономике. Я попробовал было ее читать, но, честно говоря, ничего не понял. Ни одной страницы. Несмотря на все усилия, текст оказался мне не по зубам. Даже не понятно, почему – то ли из-за содержания, то ли потому, что она просто была плохо написана. Хотя среди специалистов этот труд стал настоящим хитом. Один рецензент пришел от книги в восторг и объявил, что в ней «с абсолютно новых позиций изложена абсолютно новая экономическая теория». Но и в этой рецензии я ничего не смог понять. Скоро средства массовой информации стали превозносить автора как «героя нового века». Появились даже книжки с комментариями и толкованием книги Нобору Ватая. Дошло до того, что пошла мода на изобретенные им словечки – «сексуальная экономика» и «эксреторная экономика». Газеты и журналы посвящали Нобору Ватая целые разделы, называя его одним из высоких интеллектуалов нового века. Трудно поверить, что кто-нибудь из авторов этих статей понимал, о чем была его книга. У меня даже есть большие сомнения в том, открывали они ее или нет. Но это их совершенно не волновало. В глазах этих людей Нобору Ватая был молодым холостым парнем, светлой головой, человеком, которому было под силу написать такое, в чем разобраться невозможно.

В общем, книга его прославила. Он начал писать статьи для журналов, комментировать экономические и политические проблемы по телевидению и скоро стал постоянным участником телевизионного дискуссионного клуба. Знавшие Нобору Ватая (включая меня и Кумико) и представить не могли, что он подходит для такого рода эффектных зрелищ. Он не умел свободно держаться и воспринимался как человек научного склада, ничем, кроме своей специальности, не интересующийся. Но, получив выход на широкую аудиторию, он так здорово освоился в новой роли, что, казалось, просто наслаждался ею. Он совсем не тушевался перед телекамерами. Под их объективами, казалось, он вел себя даже раскованнее, чем в настоящей жизни. Все мы с изумлением наблюдали за этой неожиданной метаморфозой. На телеэкране Нобору Ватая появлялся в дорогих, хорошо сшитых костюмах, со вкусом подобранных галстуках и модных очках в черепаховой оправе. Прическа у него тоже была по последней моде. Видно было, что над ней поработал профессионал. Прежде мне ни разу не доводилось видеть его шикарно одетым. Даже если что-то из этой униформы ему выдавали на студии, все равно она сидела на нем как влитая – будто он давным-давно привык к таким костюмам. «Что же это за человек? – подумал я тогда. – В чем его сущность?»

Перед камерами он разыгрывал роль немногословного ученого. Когда кто-нибудь из участников передачи интересовался его мнением, он простыми, понятными всем словами, четко и логично высказывал свою точку зрения. Когда страсти накалялись и собравшиеся в студии переходили на крик, Нобору Ватая неизменно сохранял спокойствие. На провокационные вопросы не поддавался, не мешал высказаться оппоненту и под конец одной фразой разбивал все его аргументы. Овладел искусством наносить в спину противнику роковой удар тихим, спокойным голосом, с улыбкой на лице. Не знаю почему, но на экране он выглядел куда более умным и заслуживающим доверия, чем в жизни. Он был не особенно красив, зато высок, строен и имел хорошие манеры. Короче говоря, на телевидении и в других массмедиа Нобору Ватая нашел свое место. В этом мире его приняли с распростертыми объятиями, а он отвечал ему взаимностью.

Мне же его писанина и физиономия на телеэкране были невыносимы. Он, конечно, был одаренным, способным человеком, отрицать я этого не мог. Он знал, как можно быстро, всего несколькими словами, повергнуть оппонента, и обладал звериным чутьем, позволявшим улавливать, куда дует ветер. Но, повнимательнее вслушавшись в его рассуждения и подумав, что он писал, я чувствовал отсутствие последовательности. Его взгляды не основывались на глубоких убеждениях и представляли собой простую компиляцию нескольких одномерных идейных концепций. При этом Нобору Ватая при необходимости моментально перетасовывал свои искусно выстроенные идеологические конструкции. Он проделывал это даже с каким-то артистизмом. Но для меня все эти маневры были не более чем игрой. Если в его взглядах и было что-то последовательное – так это отсутствие всякой последовательности, если и было какое-то мировоззрение, то его можно было выразить словами: «Мировоззрение у меня отсутствует». Как ни парадоксально, именно отсутствие убеждений и составляло его интеллектуальный багаж. Последовательность и твердое мировоззрение не требовались в коротких и быстрых интеллектуальных схватках, проходящих в массмедиа. Поэтому отсутствие у Нобору Ватая этих качеств было его большим преимуществом.

Ему ничего не требовалось защищать, поэтому он мог все внимание сосредоточить на «боевых действиях». От него ждали только нападения. Только нокаутирующего удара по сопернику. Это был интеллектуальный хамелеон. Он менял свой цвет в зависимости от оппонента, выстраивал наиболее эффективные для того или иного момента логические аргументы и подкреплял их необходимой риторикой. В основном она была заимствованной, а в некоторых случаях – и совершенно бессодержательной, но, несмотря на это, Нобору Ватая, словно искусный фокусник, моментально извлекал из воздуха нужные доказательства, опровергнуть которые было почти невозможно. Даже если люди обращали вдруг внимание на его дутые логические построения, они все равно выглядели гораздо свежее и привлекательнее, чем приводимые большинством здравые доводы (возможно, и верные, но требовавшие времени для раскрытия сути и зачастую казавшиеся зрителям и слушателям банальными). Не знаю, как он овладел умением напрямую воздействовать на массовую аудиторию, но у него действительно имелось великолепное понимание того, какой подход лучше действует на большинство. Истинные логические построения не обязательны, достаточно, если они только кажутся таковыми. Главное – привлекать к себе массы.

Другим коньком Нобору Ватая было щеголять техническими терминами. Большинство, конечно, не знало, что они означают, а он умел преподносить их с таким видом, что окружающим оставалось пенять лишь на свою непонятливость. И еще он постоянно пользовался разной статистикой. Все эти цифры Нобору держал в голове, и они придавали его речам еще большую убедительность. Однако спустя какое-то время ты понимал, что никто ни разу не поставил под сомнение источники и обоснованность этих цифр. Все знают, что цифрами можно манипулировать как угодно. Однако тактика Нобору Ватая была столь изощренной, что люди в большинстве своем просто не могли разглядеть этой опасности.

Его ловкие приемы выводили меня из себя, но я был не в состоянии четко объяснить другим, что меня не устраивало, привести свои аргументы. Это напоминало боксерский поединок с бестелесным призраком: все удары, не находя вещественной цели, лишь рассекают воздух. Меня изумляло и необыкновенно раздражало то, что на агитацию Нобору Ватая поддавались даже искушенные интеллектуалы.

Так Нобору Ватая завоевал репутацию одного из наиболее ярких представителей мыслящей элиты. Последовательность, похоже, никого больше не волновала. Всех интересовали только разворачивающиеся на телеэкране бои интеллектуальных гладиаторов, и чем краснее была проливаемая ими кровь, тем лучше. А если один и тот же человек в понедельник говорит одно, а в четверг – прямо противоположное, это не имеет никакого значения.

Нобору Ватая я впервые увидел, когда мы с Кумико решили пожениться. Я думал поговорить с ним до встречи с будущим тестем. Все-таки мы с ним почти одного возраста, и у меня была надежда, что такой разговор поможет делу.

– Думаю, тебе не следует на него рассчитывать, – почему-то сконфузившись, проговорила Кумико. – Как бы тебе сказать... Просто он не тот человек.

– Но ведь рано или поздно все равно придется с ним встречаться.

– Да, конечно.

– Тогда надо попробовать. Это как в любом деле – толком не поймешь, пока не попробуешь.

– Ну хорошо.

Я позвонил Нобору Ватая, и он принял мое предложение о встрече без особого энтузиазма. «Но если вы настаиваете, – сказал он, – могу уделить вам полчаса». Мы договорились встретиться в кафе у станции Отяномидзу. Тогда он был всего лишь ассистентом в университете, его книга еще не написана, и выглядел он весьма скромно. Карманы его куртки оттопыривались, наверное, из-за привычки подолгу держать в них руки; волосы не мешало бы постричь еще пару недель назад. Горчичного цвета тенниска совсем не шла к сине-серому твидовому пиджаку. Он имел вид типичного молодого безденежного ассистента, каких можно встретить в каждом университете. У него были сонные глаза человека, который только что выбрался из библиотеки после целого дня занятий; однако, присмотревшись, в глубине этих глаз можно было увидеть пронизывающий холодный свет.

Представившись, я сказал, что в ближайшее время собираюсь жениться на Кумико, и попытался объяснить все честно. Что работаю сейчас в юридической фирме, но это дело не по мне. Что пока еще ищу себя. Может быть, для такого человека, как я, женитьба и выглядит безрассудством, но я люблю его сестру и думаю, что смогу сделать ее счастливой. Что мы с Кумико будем поддерживать и придавать силы друг другу.

Однако мои слова, похоже, не встретили у него понимания. Он сидел, сложив руки, и безмолвно выслушивал мои откровения. Даже когда я кончил говорить, он еще какое-то время оставался неподвижен и, казалось, размышлял о чем-то другом.

С самого начала мне было страшно неловко в его присутствии. Сперва я пытался объяснить этот дискомфорт деликатностью момента. Правда, когда видишь человека впервые и вдруг говоришь ему, что хочешь жениться на его сестре, поневоле почувствуешь себя не в своей тарелке. Но в случае с Нобору Ватая, пока мы сидели друг против друга, неловкость исподволь переросла в неприязнь. Чувство было такое, будто на самом дне желудка постепенно вызревает и воняет кислятиной какое-то чужеродное тело. Меня раздражали в нем не слова, не поведение, а лицо. Я сразу почувствовал, что лицо этого человека скрыто за какой-то маской. Что-то здесь не так. Я не мог избавиться от ощущения, что это не настоящее его лицо.

Мне хотелось встать и поскорее уйти куда подальше. Но разговор был начат, и не годилось обрывать его таким образом. Я остался сидеть и, прихлебывая остывший кофе, ждал, когда он что-нибудь скажет.

– По правде говоря, – начал он слабым и тихим голосом, будто хотел сэкономить энергию, – то, что ты сейчас говорил, мне непонятно и совершенно неинтересно. Меня занимают совсем другие вещи, которые, по всей вероятности, непонятны и неинтересны тебе. Короче, если ты хочешь жениться на Кумико, а она собирается за тебя замуж, у меня нет ни права, ни причин становиться у вас на пути. Поэтому я не буду этого делать. Даже в мыслях. Но большего от меня не жди. И самое главное: не отнимай у меня время.

Закончив свою тираду, Нобору Ватая взглянул на часы и поднялся с места. Дословно я его речь не запомнил и, может быть, не совсем точно изложил, но смысл, без сомнения, передал верно. В общем, она была очень лаконичной и, что называется, по существу. Не было ничего

лишнего, недоговоренностей тоже не оставалось. Я прекрасно понял, что он хотел сказать, и догадывался, какое впечатление от меня у него осталось.

На том мы тогда и расстались.

Мы с Кумико поженились, и Нобору Ватая стал моим шурином. В силу этого нам иногда приходилось встречаться. Однако сопровождавший встречи обмен фразами нельзя было назвать разговором. У нас, как он правильно выразился, не было общих интересов. Поэтому сколько бы слов мы ни произносили, беседы из этого все равно не получалось. Это все равно что говорить на двух разных языках. Если бы далай-лама лежал на смертном одре, а Эрик Долфи объяснял ему, какое значение имеет смена оттенков звучания баскларнета при выборе масла для автомобиля, эффекта и пользы от этого было бы, наверное, больше, чем от моих диалогов с Нобору Ватая.

Общение с другими людьми почти не вызывает у меня длительных эмоциональных стрессов. Конечно, я могу к кому-то испытывать неприязнь или раздражение, на кого-то могу рассердиться. Но обычно это продолжается недолго. Я умею видеть различия между собой и другими людьми как субъектами, принадлежащими к совершенно разным сферам. (Думаю, такую способность можно в каком-то смысле считать талантом. Я не хвастаюсь, но это в самом деле очень непростое дело.) Иначе говоря, когда кто-то начинает действовать мне на нервы, я перемещаю объект своей неприязни в зону, существующую обособленно от меня и не имеющую ко мне никакого отношения. Я говорю самому себе: «Хорошо! Пусть мне неприятно, пусть я раздражен, но источника этих чувств здесь уже нет, он перенесен в другие сферы, и я смогу разобраться с ним там позже». То есть на какое-то время на чувства ставится некий блокиратор. Бывало, душевный покой не восстанавливался и после того, как я снимал блокировку и тщательно анализировал свое эмоциональное состояние. Но такое случалось крайне редко. Обычно время нейтрализует и обезвреживает злобу, в результате рано или поздно забываешь о том, что стало ее причиной.

Благодаря этой системе контроля над эмоциями мне удавалось избегать множества ненужных проблем и сохранять в своем внутреннем мире относительную стабильность и спокойствие. А то, что все это время она надежно действовала, составляло предмет моей гордости.

Однако в случае с Нобору Ватая моя система отказывала. У меня никак не получалось отодвинуть его куда-нибудь подальше, за пределы сознания. Скорее наоборот – он смог проделывать такой маневр со мной. Меня это просто бесило. Отец Кумико, конечно, был высокомерным и неприятным типом. Но, в конце концов, он представлял собой образчик мелкого человека с узким кругозором, упрямо цепляющегося за свои примитивные убеждения. Поэтому его я смог совершенно забыть. Другое дело – Нобору Ватая. Он прекрасно осознавал все свои человеческие возможности и совершенно правильно разобрался в том, что за человек – я. При желании он мог бы стереть меня в порошок. И если не делал этого, то лишь потому, что я был ему абсолютно неинтересен и не стоил времени и энергии, которую ему пришлось бы потратить, чтобы разделаться со мной. Именно из-за этого я так на него злился. Низкая личность, бессердечный эгоист! И вместе с тем куда способнее меня.

От нашей первой встречи у меня надолго остался неприятный осадок. Такое чувство, будто в рот мне запихали целый выводок вонючих жуков. Выплюнуть-то я их выплюнул, но ощущение сохранилось. День проходил за днем, а Нобору Ватая никак не выходил у меня из головы. Я пробовал думать о чем-нибудь другом, но ничего не получалось. Ходил на концерты, в кино. Даже отправился с коллегами по работе на бейсбол. Выпивал, читал книги, которые давно хотел прочесть, как только появится свободное время. Но Нобору Ватая все время стоял передо мной, скрестив руки, и смотрел злобно, будто засасывая, подобно бездонному болоту. Это меня бесило, выбивало почву из-под ног.

Когда мы встретились с Кумико, она спросила, какое впечатление произвел на меня ее брат. Я не смог ответить честно. Мне хотелось расспросить ее о маске, которую носит Нобору

Ватая, и о том противоестественно скрученном нечто, которое скрывается за ней. Хотелось откровенно поделиться неприязнью и смятением, охватившими меня. Но я так ничего ей и не сказал. Сколько ни объясняй, все равно передать свои впечатления как следует я вряд ли сумею. А в таком случае лучше вообще ничего не говорить.

– Он и вправду оригинал, – сказал я. Хотел что-нибудь добавить, но подходящих слов не нашел. Кумико тоже больше ничего не спрашивала. Просто молча кивнула.

С тех пор мое отношение к Нобору Ватая почти не изменилось. Брат Кумико по-прежнему вызывал у меня раздражение, и оно привязалось, словно легкая простуда, и никак не хотело отпускать меня. Дома у нас нет телевизора, но всякий раз, когда мне попадаетея на глаза включенный телеэкран, по странному стечению обстоятельств на нем оказывается Нобору Ватая – что-то втолковывает зрителям. Стоит где-нибудь взять в руки журнал и начать его листать, как тут же обнаруживается его фото и какая-нибудь его статья. Казалось, Нобору Ватая подстерегает меня за каждым углом по всему миру.

Ну что же. Надо честно признать: я ненавижу этого типа.

7. Счастливая химчистка

На сцену выходит Крита Кано

Я взял блузку и юбку Кумико и отправился на станцию, в химчистку. Обычно я сдавал вещи в чистку прямо за углом от нашего дома. Нельзя сказать, чтобы это место мне особенно нравилось; просто оно ближе. В химчистку у станции иногда заходила жена. Она заносила туда что-нибудь по дороге на работу, а на обратном пути забирала. Там чуть дороже, но Кумико говорила, что чистят лучше, чем по соседству. Поэтому свои самые красивые вещи она сдавала на станции, хотя это и было немного неудобно. Вот и я в тот день сел на велосипед и поехал туда, подумав, что Кумико, наверное, предпочла бы почистить юбку и блузку в той химчистке.

Я вышел из дома в зеленых хлопчатобумажных брюках, неизменных теннисных тапочках и желтой майке, выпущенной какой-то фирмой звукозаписи для поклонников Ван Халена. Ее в свое время где-то раздобыла Кумико. Этим утром, как и в прошлый раз, из «Джей-ви-си» хозяина химчистки громко звучала музыка – запись Энди Уильямса. Когда я вошел, «Гавайскую свадебную песню» как раз сменял «Канадский закат». Весело насвистывая в такт мелодии, хозяин что-то старательно записывал в тетрадь шариковой ручкой. Среди множества аудиокассет на полке я заметил Серхио Мендеса, Берта Кэмпферта и «101 Стрингс». Похоже, хозяин был любителем легкого жанра. Я вдруг подумал: а мог бы стать владельцем пристанционной химчистки приверженец «тяжелого» джаза – Альберта Эйлера, Дона Черри, Сесила Тэйлора? Пожалуй, мог бы. Но это вряд ли была бы счастливая химчистка.

Когда я выложил на прилавок зеленую в цветочек блузку и юбку цвета шалфея, хозяин развернул вещи, быстро осмотрел их и написал на квитанции: «блузка и юбка». У него был разборчивый и красивый почерк. Мне нравилось, когда в химчистке писали четко. А если в придачу здесь еще любят Энди Уильямса – тем лучше.

– Господин Окада? Правильно? – спросил он. Я подтвердил. Хозяин записал мою фамилию, отделил копию квитанции и протянул мне. – Будет готово в следующий вторник. Не забудьте получить. Это вещи вашей супруги?

– У-гу.

– Очень милый цвет.

Небо затянули хмурые облака. По прогнозу обещали дождь. Уже перевалило за половину десятого, но люди с портфелями и зонтиками в руках все еще спешили к лестнице на платформу. Служащие опаздывали на работу. Утро выдалось душным и влажным, но это никак не отразилось на их внешнем виде: все, как положено, в аккуратных костюмах, аккуратных галстуках, аккуратных черных туфлях. Среди них было много мужчин моего возраста, но ни на ком больше не красовалась майка с Ван Халеном. У каждого на лацкане значок его фирмы, под мышкой – газета «Нихон кэйдзай симбун»¹⁸. На платформе прозвенел звонок, и несколько человек бросились вверх по ступенькам. Людей этой категории я не видел уже довольно давно. Всю эту неделю я курсировал исключительно между нашим домом, супермаркетом, библиотекой и близлежащим муниципальным бассейном, встречался только с домохозяйками, стариками, детьми и лавочниками. Какое-то время я стоял и рассеянно взирал на обладателей костюмов и галстуков.

Затем мне в голову пришла мысль: а не выпить ли кофе в баре на станции, коли я здесь оказался. Тем более что в утренние часы его подавали дешевле. Но, подумав, я решил не разводить канитель. Не так уж мне и хотелось кофе. Я оглядел себя в витрине цветочного магазинчика. На майке красовалось неизвестно откуда взявшееся пятно от томатного соуса.

¹⁸ Ведущая экономическая газета в Японии.

По дороге домой, крутя педали, я поймал себя на том, что насвистываю «Канадский закат».

В одиннадцать часов позвонила Мальта Кано.

– Аллю! – сказал я в трубку.

– Вы слушаете? Это дом господина Тору Окада?

– Совершенно верно. Тору Окада у телефона. – Я с первых слов узнал ее голос.

– Говорит Мальта Кано. На днях вы оказали мне любезность, согласившись встретиться.

Извините, пожалуйста, но нет ли у вас каких-нибудь срочных дел сегодня после обеда?

– Нет, – ответил я. – Свободен, как перелетная птица.

– В таком случае сегодня вас посетит моя младшая сестра Крита Кано.

– Крита Кано? – переспросил я сухо.

– Да. Мне кажется, я показывала вам ее фотографию.

– Конечно, я помню. Только вот...

– Крита Кано – так зовут мою сестру. Она мой заместитель. В час дня вас устроит?

– Вполне.

– Тогда разрешите откланяться, – сказала Мальта Кано и положила трубку.

Крита Кано?

Я пропылесосил пол и прибрал в доме. Разобрал газеты, связал их веревкой и забросил на шкаф, разложил по футлярам разбросанные аудиокассеты, перемыл на кухне посуду. Потом принял душ, вымыл голову, переоделся в чистое. Приготовил свежий кофе, съел сандвич с ветчиной и вареное яйцо. Затем уселся на диван с журналом по домашнему хозяйству, раздумывая, что бы приготовить на ужин. Отметив страницу с рецептом салата из морской капусты и тофу, выписал нужные для приготовления продукты. Включил радио и услышал «Билли Джин» Майкла Джексона. Я стал думать о Мальте и Крите Кано. Ну и имена у этих сестричек! Дуэт комиков – да и только. Мальта Кано. Крита Кано.

В моей жизни и впрямь происходило нечто странное. Бегство кота. Загадочный звонок этой сумасбродки. Познакомился со странной девчонкой, начал ходить к заброшенному дому у дорожки. Нобору Ватая обесчестил Криту Кано. Мальта Кано напроорочила, что отыщется мой галстук. Жена заявила, что я могу не работать.

Я выключил радио, положил журнал на книжную полку и выпил еще кофе.

Крита Кано позвонила в дверь ровно в час. Ее внешность в точности соответствовала фотографии: невысокая, тихая на вид женщина не старше двадцати пяти. Ее облик замечательно передавал стиль начала 60-х годов. Если бы «Американские граффити» снимался в Японии, Криту Кано можно было бы отправить на съемочную площадку вообще без грима. Та же прическа, что на фото: легко взбитые волосы с завитыми кверху концами. Со лба они были туго стянуты назад и сколоты блестящей заколкой. Черные брови красиво подведены карандашом, накладные ресницы таинственно оттеняют глаза, губная помада тоже подобрана по тогдашней моде. Кажется, дай ей в руки микрофон – и она запоеет «Ангелочек Джонни».

По сравнению с макияжем ее одежда была куда проще и непримечательней. Обычно в такой ходят на службу: простая белая блузка, обтягивающая юбка зеленого цвета. Никаких украшений. Она прижимала к себе белую лакированную сумку, на ногах – остроносые белые лодочки. На тонких и острых, как грифель карандаша, каблуках ее крошечные ножки выглядели игрушечными. Я поразился, как ей удалось на них добраться до нашего дома.

Я пригласил ее войти, усадил на диван, подогрел кофе и предложил ей чашку. Вид у нее был какой-то голодный, поэтому я поинтересовался, не хочет ли она что-нибудь съесть. Она сказала, что еще не обедала.

– Но вы не беспокойтесь, – поспешила добавить она. – Я на обед обычно почти ничего не ем.

– Да что вы? Не стесняйтесь. Сэндвич не проблема. У меня большой опыт в таких делах. Крита Кано покачала головой:

– Очень любезно с вашей стороны. Но, в самом деле, не утруждайте себя. Кофе вполне достаточно.

На всякий случай я принес тарелку с шоколадным печеньем. Крита Кано тут же с удовольствием съела четыре штуки. Я ограничился двумя и выпил кофе.

Покончив с печеньем и кофе, она, похоже, немного успокоилась.

– Я пришла сегодня по поручению моей старшей сестры, Мальты. Меня зовут Крита Кано. Конечно, это не настоящее имя. Настоящее – Сэцуко. Я взяла имя Крита, когда стала помогать сестре. Это, так сказать, рабочий псевдоним. К острову Крит я вообще-то отношения не имею и никогда там не была. Это сестра решила назвать меня Критой, чтобы подходило к ее имени. Вам приходилось бывать на Крите, господин Окада?

Я ответил, что, к сожалению, не имел такой возможности и в ближайшее время туда не собираюсь.

– А я бы хотела когда-нибудь съездить на Крит, – продолжала Крита Кано, кивая с самым серьезным видом. – Крит – самый близкий к побережью Африки греческий остров. Он довольно большой, и в древности там была развитая цивилизация. Мальта бывала там и говорит, что это замечательное место. Там сильные ветры и очень вкусный мед. Я обожаю мед.

Я тоже кивнул, хотя мне мед не очень нравился.

– Сегодня у меня к вам одна просьба, – сказала младшая Кано. – Мне надо взять в вашем доме пробы воды.

– Воды? – изумился я. – Какой? Из водопровода?

– Это бы меня вполне устроило. И если тут есть поблизости колодец, хотелось бы взять воду и оттуда.

– Боюсь, с колодцем ничего не выйдет. Тут у нас есть один. Но он на чужом участке и воды в нем давно нет.

Крита Кано как-то странно посмотрела на меня.

– Там в самом деле нет воды? Точно?

Я вспомнил глухой звук, с которым брошенный Мэй Касахарой камень ударился о дно колодца в саду заброшенного дома.

– Колодец действительно высох. Это точно.

– Ну, хорошо. Тогда позвольте, я наберу водопроводной.

Я проводил ее на кухню. Она достала из белой сумочки две маленькие бутылочки, похожие на пузырьки от лекарств, наполнила одну водопроводной водой и аккуратно завернула крышку. Потом сказала, что ей надо в ванную, и я проводил ее. В ванной сушились белье и чулки Кумико. Не обращая на них никакого внимания, Крита Кано открыла кран и набрала воду в другую бутылочку. Закупорив, перевернула ее вверх дном, чтобы убедиться, не протекает ли. Крышка каждой бутылочки имела свой цвет: синяя для воды из ванной, зеленая – из кухни.

Вернувшись в гостиную, она поместила бутылочки в маленький пластмассовый контейнер-холодильник, застегнула на нем молнию и бережно опустила в свою белую лакированную сумку. Застежка закрылась с сухим щелчком. По движениям ее рук можно было понять, что такие манипуляции она проделывала неоднократно.

– Большое вам спасибо, – сказала Крита Кано.

– Больше ничего не надо? – спросил я.

– Нет. Пока этого достаточно. – Одернув подол юбки, она взяла сумку и хотела было подняться.

– Подождите. – Я никак не ожидал, что она так вдруг засобирается, и слегка растерялся. – Не могли бы вы задержаться на минутку? Моя жена хотела бы знать, что все-таки случилось с нашим котом. Уже скоро две недели, как он исчез. Не знаете ли вы о нем хоть что-нибудь?

Бережно держа сумку под мышкой, Крита Кано посмотрела на меня и несколько раз быстро кивнула. При этом ее завитки мягко заколыхались. Когда она моргала, ее накладные ресницы медленно опускались и поднимались, подобно веерам на длинных шестах в руках рабов-негров.

– Сказать по правде, сестра говорит, что эта история может оказаться длиннее, чем казалось на первый взгляд.

– Длиннее, чем на первый взгляд?

При этих словах у меня в воображении возник высокий столб, одиноко стоящий в пустыне, где, насколько хватало глаз, больше ничего не было. Солнце клонилось к закату, и тень от столба становилась все длиннее и длиннее, пока его верхушка не отодвинулась так далеко, что ее уже нельзя было различить простым глазом.

– Да. А может статься, дело не ограничится только исчезновением кота.

Я слегка оторопел.

– Но мы просим вас помочь найти кота. Только и всего. Замечательно, если он отыщется. А если умер, мы хотим точно это знать. Почему же история может оказаться длиннее? Не понимаю.

– Я тоже, – проговорила Крита Кано, подняв руку к волосам, чтобы чуть сдвинуть назад сверкающую заколку. – И все-таки, прошу вас, поверьте моей сестре. Конечно, я не хочу сказать, что ей известно все на свете. Но уж если она говорит: «Это будет долгая история», – значит, так и получится.

Я молча кивнул. Говорить больше было нечего.

– У вас есть сейчас время, господин Окада? Может быть, у вас какие-то дела? – спросила она официальным тоном.

Я ответил, что никаких дел у меня нет.

– Тогда, если позволите, я немного расскажу вам о себе. – Она устроила на диване сумку и сложила руки на обтянутых зеленой юбкой коленях. На ногтях был красивый розовый маникюр. И ни одного кольца на пальцах.

– Конечно. Пожалуйста. – Так моя жизнь стала поворачивать в каком-то загадочном направлении. Что, впрочем, можно было предугадать с того момента, когда в прихожей раздался звонок Криты Кано.

8. Длинная история Криты Кано

Размышления о природе боли

– Я родилась 29 мая, – начала свой рассказ Крита Кано, – и вечером того дня, когда мне исполнилось двадцать лет, решила свести счеты с жизнью.

Я поставил перед ней чашку со свежим кофе. Она добавила в нее сливок, отказалась от сахара и медленно перемешала ложечкой. Я, как обычно, пил черный кофе – не признаю сливки и сахар. Часы на столе сухо отсчитывали секунду за секундой.

Пристально посмотрев мне в глаза, Крита Кано спросила:

– Можно я буду рассказывать по порядку, с самого начала? Где родилась, про нашу семью...

– Пожалуйста, не стесняйтесь. Делайте, как вам удобнее.

– Нас у родителей трое, я – самая младшая. Еще есть брат – старше Мальты. У отца – собственная больница в префектуре Канагава. Никаких проблем в семье не было: самая обыкновенная семья, каких много. Родители, очень серьезные люди, с большим уважением относились к труду. Воспитывали нас в строгости, но и позволяли быть самостоятельными, если это не мешало взрослым. Материально мы ни в чем не нуждались, но роскоши дома не было. Родители считали, что нельзя баловать детей лишними деньгами. В общем, жили мы скорее скромно.

Мальта – старше меня на пять лет. С раннего детства мы видели, что она не совсем такая, как другие дети: у нее был дар угадывать разные вещи. Например, она знала, что в такой-то палате больницы только что умер пациент, или могла сказать, где искать пропавший кошелек. Сначала все интересовались способностями Мальты, думали, что у нее ценный дар, но скоро это стало вызывать тревогу. Родители запретили сестре говорить на людях о «вещах, не имеющих под собой твердого основания». Отец заботился о своей репутации главного врача и не хотел, чтобы посторонние знали о сверхъестественных способностях его дочери. Вот Мальта и закрыла рот на замок. Она не только перестала рассуждать о «вещах, не имеющих под собой твердого основания», но и старалась избегать обычных повседневных разговоров.

Только со мной Мальта откровенничала. Мы с ней очень близки. Предупредив, чтобы я больше никому не говорила, она потихоньку рассказывала, что скоро по соседству произойдет пожар или что самочувствие нашей тети, что живет в Сэтагая¹⁹, ухудшится. Ее слова всегда сбывались. Для меня, еще маленькой, это было ужасно интересно. Ничего страшного и неприятного я в этом не видела. Помню, как я все время ходила за Мальтой по пятам и слушала ее «прорицания».

Чем старше становилась Мальта, тем сильнее проявлялись ее особые способности. Но она не понимала, как можно ими пользоваться или развивать, и очень страдала от этого. Посоветоваться было не с кем, рассчитывать, что кто-то подскажет ей, что делать, не приходилось. Еще подростком Мальта поняла, что такое одиночество. Ей нужно было все решать самой, на все искать собственные ответы. Конечно, в нашем доме она не была счастлива. Сестре приходилось подавлять свои способности, скрывать их от чужих глаз, поэтому она никогда не могла расслабиться, отдохнуть душой. Она чувствовала себя большим сильным растением, которое посадили в маленький горшочек. Это было противоестественно, неправильно. И Мальта знала только одно: ей надо как можно скорее покинуть этот дом. Она верила, что где-то на земле существует мир, в котором она сможет жить своей жизнью. Однако пришлось набраться терпения до окончания школы.

¹⁹ Район в Токио.

Учиться дальше Мальта не стала и в поисках новой жизни решила одна уехать за границу. Но наши родители – люди благоразумные и не могли так просто отпустить ее. Сестра накопила денег и, ничего им не сказав, убежала из дому. Сначала поехала на Гавайи и прожила два года на острове Кауаи. Мальта где-то читала, что на его северном побережье есть источники с чудесной водой. С тех пор у нее возник очень большой интерес к воде. Сестра пришла к выводу, что человеческая жизнь во многом зависит от состава воды, и поэтому решила временно остаться на Кауаи. Тогда на острове еще жили коммуной хиппи, и Мальта поселилась с ними. Местная вода очень повлияла на ее экстрасенсорные способности. Благодаря ей она смогла достичь «полноценной гармонии» между своим телом и своими способностями. Мальта писала мне, как это замечательно, и, читая ее письма, я тоже была счастлива. Но скоро сестру перестала удовлетворять эта земля. Остров действительно был прекрасным и мирным, а жившие там люди, далекие от мирских страстей, искали только душевного спокойствия. Однако они слишком зависели от наркотиков и секса. А моя сестра в этом не нуждалась, поэтому, проведя на Кауаи два года, она уехала оттуда.

Потом Мальта перебралась в Канаду, путешествовала по северу Соединенных Штатов, а затем переехала в Европу. Куда бы Мальта ни приезжала, везде она брала воду на пробу. Ей удалось найти несколько мест с замечательной водой, но нигде она не была идеальной. И Мальта продолжала ездить по свету. Когда кончались деньги, она занималась гаданием – помогала находить пропавшие вещи или людей. За это ей платили, хотя сестра не любит брать с людей деньги. Не годится обменивать дар неба на материальные блага. Но тогда Мальта просто зарабатывала, чтобы выжить. Ее дар ценили повсюду, где бы она ни жила, поэтому, чтобы получить деньги, много времени не требовалось. В Англии она даже помогла полицейскому расследованию. Пропала маленькая девочка, Мальта указала место, где был спрятан ее труп, и неподалеку нашла оброненную убийцей перчатку. Его арестовали, и он сразу же сознался. Об этом деле писали в газетах. Когда-нибудь я покажу вам вырезки. Так сестра кочевала по Европе, пока наконец не оказалась на Мальте. К тому времени прошло почти пять лет, как она уехала из Японии. Этот остров стал конечным пунктом в поисках воды. Впрочем, об этом вы, верно, слышали от самой Мальты?

Я кивнул.

– Странствуя по свету, Мальта постоянно писала мне. Конечно, иногда мешали обстоятельства, но, как правило, каждую неделю я получала от нее большое письмо. Она сообщала, где находится, чем занимается. Нас разделяло много километров, но мы очень дружили и могли в письмах делиться чувствами. Что это были за письма! Если бы вы их прочитали, вам стало бы понятно, какой замечательный человек моя сестра. Благодаря этим весточкам я смогла открыть для себя столько миров, узнать о многих интересных людях. Ее письма меня подбадривали, помогали расти – я всегда буду очень благодарна за них сестре и никогда этого не забуду. Но письма – это только письма. В самые трудные подростковые годы, когда я больше всего нуждалась в старшей сестре, она находилась где-то далеко. Ее не было рядом, и в семье мне было очень одиноко. Одна во всем свете. Тогда я очень мучилась от боли – дальше я расскажу об этом подробно. Не к кому было обратиться за советом. В этом смысле я была такой же одинокой, как Мальта. Если б тогда она была рядом со мной, моя жизнь, может быть, сложилась бы немного иначе. Она могла мне что-то посоветовать, помочь. Но говорить сейчас об этом нет смысла. Так же как и Мальте, мне пришлось прокладывать в жизни дорогу самой. И когда мне исполнилось двадцать, я твердо решила покончить с собой.

Крита Кано взяла чашку и допила кофе.

– У вас замечательный кофе, – сказала она.

– Спасибо. Может быть, хотите перекусить? Я только что сварил яйца.

Чуть подумав, она сказала, что съела бы одно. Я принес из кухни яйца и соль. Налил ей еще кофе. Мы не спеша очистили и съели яйца, выпили кофе. Зазвонил телефон, но отве-

чать я не стал. После пятнадцати-шестнадцати звонков аппарат смолк. На Криту Кано звонки не произвели никакого впечатления. Она их будто не слышала.

Съев яйцо, она достала из сумки маленький носовой платок и вытерла губы. Одернула юбку.

– Решившись на самоубийство, я собралась написать предсмертную записку. Просидела за столом целый час, пытаясь объяснить, почему ухожу из жизни. Хотела написать, что в моей смерти никто не виноват, что ее причины кроются во мне самой. Я не хотела, чтобы потом кто-нибудь по ошибке винил себя в случившемся.

Но написать записку я так и не смогла. Переписывала ее раз за разом, но каждый новый вариант казался глупее и нелепее предыдущего. Чем серьезнее мне хотелось написать, тем несуразнее получалось. Наконец я решила отказаться от этой затеи.

Все очень просто. У меня наступило разочарование жизнью. Я больше не могла выносить всю ту боль, которая сидела во мне. Я ее терпела двадцать лет. Все это время в жизни не было ничего, кроме непрекращающейся боли. Я изо всех сил старалась ее выдержать и абсолютно уверена, что сделала все, что могла. Могу с гордостью заявить: я не собиралась уступать, сдаваться без боя. Но к своему двадцатому дню рождения пришла к выводу, что жизнь не стоит того, чтобы тратить на нее столько сил.

Крита Кано замолчала и только разглаживала пальцами уголки лежавшего на коленях носового платка. Когда она опускала глаза, ее длинные накладные ресницы отбрасывали на лицо мягкие тени.

Я откашлялся. Наверное, надо было что-то сказать, но в голову не приходило ничего путного, и я промолчал. Издалека донесся крик Заводной Птицы.

– Боль привела меня к решению умереть. Боль, – продолжала она. – Это не метафора. Я имею в виду не душевные страдания, а чисто физическую боль. Простую, обыкновенную, явную, физическую – и от этого еще более острую – боль. Головная, зубная боль, мучения от месячных, боли в пояснице и плечах, жар, ноющие мышцы, ожоги, обморожения, вывихи, переломы, ушибы и так далее. Я страдала от боли гораздо чаще других, да и болело у меня во много раз сильнее. Возьмем, к примеру, зубы. Похоже, в них от рождения был какой-то дефект. Они болели круглый год. Как бы тщательно я их ни чистила по нескольку раз в день, сколько бы ни воздерживалась от сладкого, все напрасно. Зубы болели несмотря ни на что. Вдобавок на меня почти не действовала анестезия. Поэтому визиты к зубному врачу превращались для меня в кошмар. Боль была неопишуемая. Ужасная. Потом эти муки с менструальными циклами. Месячные проходили у меня очень тяжело, и целую неделю нижняя часть живота болела невыносимо. При этом меня еще жутко мучили мигрени. Наверное, вам трудно это представить, но от боли нельзя было сдержать слез. Эта пытка повторялась каждый месяц и длилась целую неделю.

Когда приходилось летать на самолете, голова от перемены давления, казалось, готова была лопнуть. Врачи говорили, что это как-то связано с устройством моего вестибулярного аппарата. Говорят, так бывает, когда у человека повышенная чувствительность на перепады давления. То же самое я часто ощущала в лифте. Поэтому мне нельзя пользоваться лифтом в высотных зданиях. Кажется, голова треснет от боли и оттуда хлынет кровь. А что было с желудком! Минимум раз в неделю меня скручивали такие острые приступы, что невозможно было подняться утром с постели. Несколько раз я проходила обследование, но причину врачи так и не нашли.

Может быть, это имело отношение к психике. Какие уж тому причины – не знаю, но боли не прекращались, а ведь еще надо было ходить в школу. Если бы я пропускала занятия всякий раз, когда у меня что-то болело, в школе бы меня почти не видели.

Стоило мне обо что-то удариться, как на теле обязательно появлялся кровоподтек. Глядя на себя в зеркало ванной, я готова была разрыдаться. Все тело покрывали черные синяки –

оно напоминало гнилое яблоко. Появляться на людях в купальнике было для меня пыткой, поэтому, сколько себя помню, я почти никогда не плавала. Была и еще одна проблема: из-за того, что правая и левая нога у меня чуть различаются по размеру, мне страшно натирала новая обувь.

Из-за всего этого я почти не занималась спортом. Как-то в школе приятели насильно вытащили меня на каток. Там я упала и так сильно ушибла поясницу, что с тех пор, как только наступала зима, у меня это место начинало страшно болеть. Казалось, будто в меня изо всей силы загоняют толстую иглу. Бывало, я не могла удержаться на ногах, пытаясь подняться со стула.

Меня также по три-четыре дня мучили запоры, и чтобы сходить в туалет, опять надо было терпеть боль. Страшно ломило плечи. Мышцы сводило так, что они становились как камень. Боль не позволяла долго стоять, но даже когда я ложилась, облегчения не наступало. Когда-то в Китае людей наказывали, сажая на несколько лет в тесные деревянные ящики. Я давно читала об этом в какой-то книжке. Наверное, этим несчастным было так же больно, как и мне. Временами от боли я едва дышала.

Можно еще долго рассказывать о боли, которую мне пришлось испытать, но боюсь вас утомить. И так достаточно. Я хотела только, чтобы вы поняли, что мое тело было средоточием огромного количества болячек. Я стала думать, что меня кто-то проклял, жизнь оказалась несправедлива ко мне. Боль еще можно было бы терпеть, если бы и другие люди в мире несли такой же крест. Но это было не так. Боль ужасно несправедлива. Я многих о ней спрашивала, но никто, оказывается, не представляет, что такое настоящая боль. Подавляющее большинство людей живет на свете, почти не зная боли, – во всяком случае, не чувствует ее каждый день. Когда я это поняла (все стало ясно после перехода в среднюю школу), мне стало обидно до слез. Почему только я? Почему мне надо жить, неся такой тяжкий груз? И тут же захотелось умереть.

Но в то же время мне пришла в голову и другая мысль: «Не может же это продолжаться вечно? Однажды утром я проснусь – и боли не будет, она исчезнет неожиданно, без всяких объяснений – и передо мной откроется новая, спокойная жизнь, в которой ей не будет места». Но уверенности, что это произойдет, у меня не было.

Я откровенно рассказала все Мальте: «Жить с такими муками я больше не хочу. Что мне делать?» Через некоторое время она ответила. «С тобой действительно что-то не так, – писала сестра. – Но я не понимаю, в чем дело и что нужно предпринять. Моих возможностей пока недостаточно, чтобы судить о таких делах. Подожди, пока тебе исполнится 20 лет, – вот единственное, что я могу тебе сказать. Потерпи до этого времени и потом уже что-то решай. Так, думаю, будет лучше».

Так я решила пожить до двадцати. Однако время шло, а изменений к лучшему не наблюдалось. Больше того – боль становилась все сильнее и сильнее. Из всего этого я поняла лишь одно: боль обостряется пропорционально росту тела. Но я терпела ее восемь лет и все это время старалась обращать внимание только на хорошие стороны жизни. Никому не жаловалась. Всегда старалась улыбаться, как бы тяжело ни приходилось. Научилась сохранять невозмутимый вид, даже когда от боли еле держалась на ногах. Слезы и жалобы боль не снимают, от них становишься еще несчастней. Я очень старалась, и многие люди стали относиться ко мне с любовью и симпатией. Они считали меня тихой и приятной девушкой. Я вызывала доверие у старших, подружилась со многими сверстниками. Если б не боль, мне, наверное, нечего было бы жаловаться на жизнь, на свою юность. Но боль преследовала меня все время, она как будто стала моей тенью. Стоило позабыть о ней хотя бы на минуту, как она наносила новый удар по моему телу.

В университете я познакомилась с одним парнем и на первом курсе, летом, лишилась девственности. Но и это – что, впрочем, можно было предположить – принесло мне только

боль. «Потерпи немного, привыкнешь, и боль пройдет», – говорили опытные в таких делах подружки, однако она не проходила. Каждый раз, когда я спала с этим парнем, от боли у меня текли слезы из глаз. Наконец я объявила, что с меня хватит: «Ты мне нравишься, но не могу больше выносить этой боли». Удивившись, он назвал мои слова полным бредом. «Тут наверняка дело в психологии, – заявил он. – Расслабься. Тогда боль пройдет и тебе будет приятно. Этим же все занимаются, и у тебя тоже получится. Постарайся, и будет результат. И нечего из себя девочку строить, на боль все сваливать. Хватит ныть в конце концов».

Когда я это услышала, моему многолетнему терпению пришел конец и меня в буквальном смысле слова прорвало: «Что ты можешь знать о боли?! То, что испытываю я, – не просто боль. У меня болит все, что только можно. И если я на что-то жалуюсь, значит, мне правда больно». Я попробовала объяснить ему свое состояние, перечисляя все болячки, доставшиеся на мою долю, но он так ничего и не понял. Человек, который не испытывал настоящей боли, не в состоянии понять, что это такое. На этом наш роман кончился. Вскоре подошел мой двадцатый день рождения. Я переносила боль долгих двадцать лет, надеясь, что придет светлый момент и наступит перелом. Но этого не случилось. Борьба лишила меня последних сил. Надо было умереть раньше. А я пошла в обход и лишь затянула свои муки.

Крита Кано прервала рассказ и глубоко вздохнула. На столе перед ней стояли блюдечко с яичной скорлупой и пустая чашка. На коленях лежал аккуратно сложенный носовой платок. Она вдруг будто вспомнила о времени и поглядела на стоявшие на полке часы.

– Извините меня, – тихо произнесла Крита лишенным эмоций голосом. – Я что-то заговорила. Отняла у вас столько времени. Не буду больше задерживать. Мне, право, очень неудобно. – С этими словами она сжала в руке ремешок белой лакированной сумки и поднялась с дивана.

– Погодите минуту, – растерялся я. Мне совсем не хотелось, чтобы она останавливалась посередине. – О моем времени не беспокойтесь, прошу вас. Я все равно весь день свободен. Может быть, расскажете до конца? Ведь ваша история, наверное, на этом не кончилась?

– Вы правы, – проговорила Крита Кано. Она продолжала стоять и смотрела на меня сверху вниз, крепко сжимая обеими руками ремешок сумки. – То, что я вам рассказала, – это скорее предисловие.

Попросив ее подождать, я вышел на кухню. Стоя у раковины, сделал два глубоких вдоха, потом достал с полки два стакана, положил в них лед и наполнил апельсиновым соком из холодильника. Поставил стаканы на маленький поднос и вернулся с ним в гостиную. Я намеренно проделывал эти операции не спеша, но, войдя в комнату, увидел, что Крита Кано стоит все в той же позе. Когда я поставил перед ней стакан с соком, она, словно передумав, снова присела на диван, прижимая к себе сумочку.

– Вы в самом деле хотите, чтобы я рассказала до конца? – недоверчиво спросила она.

– Конечно.

Выпив полстакана сока, Крита продолжила:

– Думаю, вы уже догадались, что покончить с собой я так и не сумела. Иначе не сидела бы здесь с вами и не пила бы сок. – Она пристально посмотрела мне в глаза. Согласившись с этим, я слегка улыбнулся. – Если бы я умерла, как планировала, это решило бы все проблемы. Смерть повлекла бы потерю сознания, и, соответственно, боль ушла бы навсегда. Вот что мне было нужно. Но, к несчастью, я выбрала не тот способ умереть.

В девять часов вечера 29 мая я вошла к брату в комнату и попросила у него машину. Машина была совсем новая, только недавно купленная – «тойота MR2», – и он, конечно, соорудил недовольную гримасу, но я не обратила на это внимания. Отказать мне брат не мог: ведь когда он ее покупал, я дала ему взаймы недостающую сумму. Я получила ключи и минут тридцать просто каталась на этой блестящей красавице. На спидометре у нее было всего 1800 километров. Она была легкой и мгновенно набирала скорость, стоило чуть надавить на газ.

Машина идеально подходила для того, что я задумала. На Тамагаве²⁰, недалеко от дамбы, я подыскала массивную на вид каменную стену, которой был отгорожен большой жилой дом. В нее очень удачно упиралась неширокая улочка. Я отъехала подальше, чтобы было место для разгона, и решительно вдавила педаль газа. Машина врезалась в стену на скорости километров сто пятьдесят, и я потеряла сознание.

Однако стена, к несчастью, оказалась совсем не такой прочной, как выглядела. Строители схалтурили и не закрепили ее как следует. Она просто рассыпалась, а передняя часть машины смялась в лепешку. И все. Стена смягчила удар. Вдобавок ко всему в голове все смешалось, и я позабыла отстегнуть ремень безопасности.

Так я избежала смерти и даже почти не пострадала. И что странно – я практически не ощущала боли. Меня отвезли в больницу, починили единственное сломанное ребро. Приезжала полиция, задавали разные вопросы, но я отвечала, что ничего не помню. Наверное, перепутала педали и вместо тормоза нажала на газ. Полиция поверила. Ведь мне только что исполнилось двадцать, права я получила всего полгода назад, да и на самоубийцу, кажется, не похожа. И потом: кто станет кончать с собой, пристегнувшись ремнем безопасности?

Но, выписавшись из больницы, я столкнулась с кое-какими проблемами практического свойства. Прежде всего надо было расплачиваться за кредит на «MR2», которая превратилась в груды металлолома. К несчастью, в свое время при оформлении страховки вышла какая-то ошибка, и страховая компания платить за разбитую машину отказалась.

Надо было взять машину напрокат, с нормальной страховкой, но кто знал, что так получится. Тогда я меньше всего думала об этом. Как-то не приходило в голову, что брат не застраховал эту дурацкую машину как следует или что самоубийство не получится. Ведь произошло невероятное: я врезалась в стену на скорости 150 километров и осталась жива.

Через некоторое время пришел счет от домоуправителя за восстановление стены. С меня причиталось 1 364 294 иен²¹. Платить надо было наличными и немедленно. Пришлось занимать деньги у отца. Он знал им счет и согласился дать требуемую сумму в долг, но сказал, что я, как виновница случившегося, должна буду вернуть все до последней иены. Как раз в то время отец расширял больницу, и у него было довольно туго с деньгами.

Я опять стала думать о самоубийстве и придумала надежный способ: прыгнуть с пятнадцатого этажа главного университетского корпуса. Уж тут-то смерть точно гарантирована. Я сделала несколько прикидок, выбрала окно, из которого собиралась выброситься. Еще немного – и я осуществила бы свой план. Но что-то вдруг меня остановило. Появилось какое-то странное, непривычное чувство. В самый последний момент это «что-то» буквально подхватило меня сзади и уберегло от прыжка. Но пока я поняла, что такое это «что-то», прошло порядком времени.

Боль исчезла.

С того момента как я пришла в себя в больнице после случившегося, боль почти перестала напоминать о себе. За всеми событиями я не сразу заметила, что она оставила мое тело в покое. Не стало проблем с кишечником, ничего не мучило в критические дни, не болели ни голова, ни желудок. Даже сломанное ребро почти не причиняло беспокойства. Почему это произошло? Об этом я не имею ни малейшего представления. Но факт остается фактом: боль ушла.

Тогда я решила пожить еще немного. У меня появился какой-то интерес, захотелось хоть немного попробовать, что такое жизнь без боли. «Умереть всегда успею», – подумала я.

²⁰ Река в центральной части о-ва Хонсю, впадает в Токийский залив.

²¹ Около 11 тысяч долларов.

Но продление жизни означало, что придется платить по долгам. А их было больше трех миллионов иен. И чтобы расплатиться, я стала проституткой.

– Проституткой? – переспросил я изумленно.

– Да, – совершенно спокойно ответила Крита Кано, как будто в том, что она сказала, не было ничего особенного. – Мне как можно скорее нужны были деньги, а других способов заработать я не знала. Я пошла на это без всяких колебаний. Дело в том, что я твердо решила умереть, а раньше или позже – какая разница! Тогда мною двигало только любопытство: интересно было какое-то время пожить, не испытывая боли. А торговля телом по сравнению со смертью – в общем-то, пустяк.

– Да, конечно, – откликнулся я.

Лед в ее стакане растаял, и перед тем как отпить немного, она перемешала сок соломинкой.

– Можно задать вам один вопрос? – поинтересовался я.

– Конечно, спрашивайте.

– Вы советовались с сестрой о своем решении?

– Она в то время постигала мудрость на Мальте и не хотела, чтобы ее отвлекали, поэтому не дала мне своего адреса. Мои письма мешали бы ей сосредоточиться. Три года, что она там жила, я почти ей не писала.

– Понятно, – сказал я. – Хотите еще кофе?

– С удовольствием.

Я вышел на кухню подогреть кофе. Посмотрел, как крутится вентилятор, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Когда кофе был готов, я разлил его по чистым чашкам и вместе с тарелкой шоколадного печенья отнес в гостиную.

– Когда вы пытались покончить с собой? – спросил я.

– Мне тогда было двадцать. Шесть лет назад, в мае семьдесят восьмого.

В мае 1978 года мы поженились с Кумико. Как раз в это время Крита Кано задумала самоубийство, а ее сестра занималась на Мальте духовным самосовершенствованием.

– Я отправилась в увеселительный квартал, окликнула первого мужчину, показавшегося мне подходящим. Мы договорились о цене и пошли в ближайший отель, – продолжала Крита. – Секс больше не причинял мне физической боли. Впрочем, и удовольствия от него я тоже не получала. Для меня это были просто телодвижения, не более. Поэтому я не чувствовала никакой вины от того, что занималась сексом за деньги. Меня окружала завеса бесчувственности, настолько плотная, что ничто не могло пробиться сквозь нее.

Это занятие приносило очень хорошие деньги. В первый месяц я получила почти миллион иен. Такими темпами можно было рассчитаться с долгами за три-четыре месяца. После занятий в университете я отправлялась по своим делам и не позже десяти вечера уже была дома. Родителям говорила, что подрабатываю официанткой в ресторане, поэтому мои отлучки подозрений не вызывали. Я решила возвращать отцу по сто тысяч иен в месяц, а остальные деньги клала в банк. Отдай я сразу много, это наверняка показалось бы подозрительным.

И вот однажды вечером, когда я по обыкновению заговаривала у вокзала с мужчинами, меня вдруг схватили сзади за руки. «Полиция!» – подумала было я, но быстро поняла, что столкнулась с местными якудза. Двое затащили меня в закоулок, пригрозили штуковиной, похожей на нож, и отвели в какое-то помещение неподалеку. Втолкнули в заднюю комнату, раздели, связали и долго насильовали, снимая эту сцену на видео. Все это время я не открывала глаз и старалась ни о чем не думать. Это оказалось нетрудно, потому что я ничего не ощущала – ни боли, ни удовольствия. Потом они показали мне пленку и сказали, что я должна буду работать на них, если не хочу, чтобы ее увидели другие люди. Достав из моего кошелька студенческий билет, якудза пригрозили отослать копию кассеты моим родителям и вытянуть из них все деньги, если я вздумаю отказаться. Выбора не было, и я сказала, что согласна на все

и буду делать, что мне скажут. Тогда мне в самом деле было абсолютно все равно, что бы ни случилось. Они сказали, что при работе на их «фирме» мой заработок скорее всего уменьшится, поскольку они будут забирать семьдесят процентов того, что мне достанется от клиентов. Но зато мне не придется больше тратить время на их поиски, да и с полицией проблем не будет. Клиенты будут высший сорт. Ну а если я вздумаю заниматься самодеятельностью, в один прекрасный день меня найдут задушенной в каком-нибудь отеле.

После этой встречи отпала нужда поджидать клиентов на улице. По вечерам я приходила в «контору» к своим новым знакомым и получала указания, в какой отель надо ехать. Свое обещание они выполняли и поставляли мне хороших клиентов. Не знаю почему, но ко мне было особое отношение. Внешне я производила впечатление неопытного, невинного существа с хорошим воспитанием, чего не хватало другим девушкам. Такой тип, мне кажется, нравится многим мужчинам. Обычно девушка обслуживает в день минимум трех клиентов, мне же позволяли ограничиться одним или двумя. Другие девушки всегда носили в сумочках пейджеры, и если из «конторы» поступал сигнал, им приходилось спешить в какую-нибудь захудалую гостиницу, чтобы переспать с совершенно незнакомым типом. На меня, как правило, заявки поступали заранее, и встречи с клиентами почти всегда проходили в первоклассных отелях, а то и на квартирах. Партнерами обычно были мужчины средних лет, молодые попадались реже.

Раз в неделю в «конторе» я получала деньги. Не такие, как раньше, но с учетом чаевых от клиентов все равно вполне приличные. Встречались, конечно, и люди, прямо скажем, со странными фантазиями, но меня это не смущало. Чем оригинальнее фантазия, тем большим выходило мое вознаграждение. У меня появились постоянные клиенты, которые чаевых не жалели. Для своих заработков я открыла несколько счетов в разных банках. Но деньги меня тогда уже не интересовали. Так, колонки цифр... Весь смысл моего существования сводился к одному: проверить, неужели мои чувства атрофировались совсем.

Просыпаясь утром, я какое-то время лежала в постели, прислушиваясь к своему телу. Ничего похожего на боль! Открывала глаза, медленно собирала свои мысли и проверяла ощущения на каждом участке тела – с головы до кончиков пальцев на ногах. Нигде ничего не болело. Я не могла понять: то ли боли действительно не было, то ли я ее просто не чувствовала. Так или иначе, ушла не только боль, но и вообще всякие чувства. Потом я вставала и шла в ванную чистить зубы. Снимала пижаму и принимала горячий душ. Тело наполняла необыкновенная легкость. Оно было таким легким и воздушным, что казалось чужим. Казалось, мой дух вселился в не принадлежащее мне тело. Глядя на себя в зеркало, я чувствовала огромное расстояние, отделяющее меня от моего тела.

Жизнь без боли... Я мечтала о ней столько лет, но когда мечта сбылась, я никак не могла отыскать в ней свое место. Между этой жизнью и мною пролегла четкая грань, и это приводило меня в смятение. Я ничем не была связана с этим миром. Миром, который прежде ненавидела и продолжала ненавидеть за нечестность и несправедливость. Но там, по крайней мере, было понятно, кто я есть. Теперь же мир перестал быть миром, а я перестала быть сама собой.

Я стала часто плакать. Приходила днем в парк Синдзюку или Йоюги, садилась на траву и заливалась слезами. Плакала час или два. Рыдала в голос. Проходившие мимо пристально смотрели на меня, но я их не замечала. Как было бы хорошо, если бы я умерла тогда, вечером 29 мая! Но после того что случилось, я уже не могла умереть. Вместе с чувствами ушли и силы, которые все-таки нужны, чтобы лишиться себя жизни. Не было ни боли, ни радости. Не осталось ничего, кроме опустошенности. Я перестала быть собой.

Крита Кано глубоко вздохнула и на какое-то время задержала дыхание. Затем взяла чашку из-под кофе, заглянула в нее, чуть покачала головой и поставила обратно на блюдце.

– Тогда-то я и встретила Нобору Ватая.

– Кого? Нобору Ватая? Он что же – был вашим клиентом? – Я был поражен.

Она молча кивнула.

– Но ведь... – начал было я, но остановился, чтобы подобрать нужные слова. – Вы понимаете... Ваша сестра сказала мне, что Нобору Ватая вас изнасиловал. Это имеет отношение к тому, что вы рассказали?

Крита Кано взяла лежавший на коленях платок, приложила его к губам. Затем посмотрела мне прямо в глаза. Что-то в ее взгляде меня тревожило.

– Извините меня, пожалуйста. Нельзя ли попросить еще чашечку кофе?

– Разумеется. – Я взял ее чашку со стола, поставил на поднос и вышел с ним на кухню. Дождаясь, пока согреется кофе, я засунул обе руки в карманы брюк и прислонился к сушилке. Когда я вошел в гостиную с чашкой в руках, Криты Кано на диване не было. Вместе с ней исчезли и сумка, и платок. Я заглянул в прихожую. Ее туфель там тоже не оказалось.

9. Острая потребность в электричестве и подземные водостоки

Соображения Мэй Касахары по поводу париков

Утром, проводив Кумико на работу, я пошел поплавать в бассейн. По утрам там меньше народа. Вернувшись домой, приготовил кофе и сел пить его на кухне, обдумывая оборвавшийся на середине странный рассказ Криты Кано и стараясь вспомнить все по порядку. Чем больше я думал, тем более удивительной казалась вся эта история, но голова работала все медленнее, и страшно хотелось спать. Я прилег на диван, закрыл глаза и тут же отключился. И мне приснился сон.

Приснилась Крита Кано. Точнее, сначала появилась Мальта в тирольской шляпе с большим ярким пером. Вокруг было много людей (место напоминало просторный зал), но я сразу узнал ее по этой шикарной шляпе. Она одиноко сидела за стойкой бара. Перед ней стоял большой стакан с каким-то тропическим коктейлем. Но пила из него Мальта или нет, я не запомнил.

На мне был костюм и тот самый галстук в горошек. Увидев Мальту Кано, я сразу же двинулся к ней, но не сразу смог пробиться сквозь толпу. Когда же наконец добрался до стойки, ее там уже не было. Остался только стакан с коктейлем. Я уселся на соседний табурет и попросил виски со льдом. На вопрос бармена, какой сорт я предпочитаю, заказал «Катти Сарк». Вообще-то мне было все равно, просто «Катти Сарк» – первое, что пришло в голову.

Не успел я получить свое виски, как сзади кто-то тронул меня за руку. Прикосновение было таким мягким, будто человек имел дело с какой-то чрезвычайно хрупкой вещицей, способной распасться на куски в любой момент. Я обернулся и увидел перед собой мужчину без лица. Был он в самом деле безликим или нет – я не разобрал. Но то место, где полагается находиться лицу, покрывала густая тень, и разглядеть, что за ней скрывалось, было невозможно.

«Пожалуйста сюда, господин Окада», – произнес мужчина. Я хотел что-то спросить, но он не дал мне сказать ни слова. «Пойдемте со мной. У нас не так много времени. Скорее». Держа меня за руку, он быстро проложил дорогу через переполненный зал, и мы выбрались в коридор. Я не сопротивлялся и следовал за незнакомцем. Ему, по крайней мере, было известно мое имя. Значит, все это происходит отнюдь не случайно, имеет свою причину и цель.

Пройдя по коридору еще немного, человек без лица остановился перед дверью, на которой висела табличка с номером 208. «Дверь не заперта. Открывайте». Я подчинился. За дверью находилась большая комната, напоминавшая апартаменты старомодного отеля. Под высоким потолком висела старинная люстра, которая, однако, не горела. Помещение слабо освещала лишь маленькая лампа на стене. Гардины на окнах были плотно задернуты.

«Хотите виски? Предпочитаете „Катти Сарк“? Не стесняйтесь!» – Безликий указал на шкаф и, оставив меня одного, бесшумно затворил за собой дверь. Я долго стоял посреди комнаты, не зная, что делать.

На стене висела большая картина маслом. Чтобы прийти в себя, я стал разглядывать реку на ней: противоположный берег освещала луна, но свет был таким тусклым, что разобрать можно было лишь размытые туманные очертания. Мне вдруг очень захотелось виски. Я решил последовать совету человека без лица и попробовал открыть шкаф, но из этого ничего не вышло. Дверцы оказались не настоящими, а искусно выполненной имитацией. Я и так и эдак нажимал на выступавшие детали шкафа, пробовал тянуть их на себя, однако открыть все же не сумел.

«Это не так просто, господин Окада», – раздался голос Криты Кано. Тут только я понял, что она стоит возле меня в своем наряде из начала 60-х. «Должно пройти какое-то время, прежде чем он откроется. Сегодня уже ничего не выйдет. Советую больше не возиться».

Без всяких предисловий и объяснений она сбросила с себя одежду – с легкостью, словно лущат горох, – и предстала передо мной обнаженной. «Окада-сан, у нас совсем мало времени. Давайте поскорее с этим покончим. Извините за спешку, но на это есть свои причины. Даже прийти сюда мне было непросто». С этими словами она подошла ко мне, расстегнула молнию на брюках и с самым невозмутимым видом извлекла наружу мой пенис. Опустив глаза с наклеенными черными ресницами, Крита целиком взяла его в рот, который оказался гораздо больше, чем я думал. Мой член тут же напрягся. Когда она задвигала языком, завитки ее волос стали вздрагивать, как при легком ветерке, щекоча мои бедра. Мне были видны только ее волосы и наклеенные ресницы. Я сел на кровать, а она, опустившись на колени, ткнулась лицом мне между ног. «Перестаньте! – сказал я. – Сюда сейчас может прийти Нобору Ватая. Еще не хватало мне с ним встретиться. Это совсем ни к чему».

«Не волнуйтесь, – ответила Крита Кано, оторвавшись от своего занятия. – Уж на это нам времени хватит. Будьте спокойны».

Она снова скользнула кончиком языка по моему члену. Я крепился из последних сил. Было чувство, будто меня кто-то засасывает в себя. Губы и язык Криты, словно скользкие живые существа, крепко обвили мою плоть. Больше сдерживаться я не мог. И проснулся.

«Вот это да!» – подумал я и отправился в ванную. Там я застирал трусы и долго простоял под горячим душем, чтобы смыть какое-то липкое ощущение, оставшееся от сна. Сколько же лет у меня не было поллюций во сне? Я попробовал вспомнить, но безуспешно. Очень давно.

Я вышел из ванной, обтираясь полотенцем, и тут зазвонил телефон. Кумико. После такой сцены с другой женщиной, которую я пережил во сне, сразу переключиться на разговор с женой было трудно.

– У тебя голос какой-то странный. Что-нибудь случилось? – спросила Кумико. Ее поразительное чутье на такие вещи меня просто пугало.

– Все в порядке. Я задремал, а ты меня разбудила.

– Вот как? – В ее голосе звучало недоверие. Даже через трубку я чувствовал, что она сомневается в моих словах, и от этого мне стало еще более неловко.

– Ладно! Я только хотела сказать, что, наверное, задержусь сегодня. Часов до девяти. Поем где-нибудь в городе.

– Хорошо. Поужинаю один.

– Извини, – сказала она, будто о чем-то вспомнив, и после короткой паузы положила трубку.

Я несколько секунд смотрел на трубку, потом пошел на кухню, очистил яблоко и съел его.

За шесть лет с нашей свадьбы я ни разу ни с кем не переспал. Это не значит, что у меня никогда не возникало желания при виде других женщин или что для этого не было случая. Просто я не задавался такой целью. Не могу объяснить почему, но, наверное, секс не относится к моим жизненным приоритетам.

Впрочем, однажды мне случилось провести ночь в доме у женщины. Я питал к ней определенную симпатию и знал, что она не отказалась бы переспать со мной. Однако до этого дело не дошло.

Несколько лет мы с ней вместе работали в юридической конторе. Она была моложе меня на два-три года. Отвечала на телефонные звонки, составляла рабочие графики сотрудников. У нее это здорово получалось. Она отличалась сообразительностью и прекрасной памятью и могла дать ответ на любой вопрос: кто, где и чем занимается, какая папка в каком ящике

лежит. Она назначала все деловые встречи. Сотрудники к ней хорошо относились. У нас были достаточно близкие отношения, мы даже несколько раз ходили вместе в бар. Ее вряд ли можно было назвать красавицей, но лицо ее мне нравилось.

Когда она собралась замуж и решила уволиться из конторы (ее будущего мужа переводили работать на Кюсю), мы с несколькими коллегами пригласили ее вечером выпить на прощание. Обратного пути не было. Мы сели вместе в электричку, было уже поздно, и я проводил ее до дома. На пороге она предложила зайти выпить кофе. Я боялся опоздать на последний поезд, но все-таки решил не отказываться. Может, мы больше никогда не увидимся, да и кофе не помешал бы – немного протрезветь. Квартира оказалась типичным жилищем одинокой девушки. Маленькая магнитола в коробке. Холодильник, правда, был великоват и слишком шикарен для одного человека – он достался ей бесплатно от подруги. В соседней комнате она переделала в домашнее, затем приготовила кофе. Мы уселись на полу и разговорились.

Когда в беседе наступила пауза, она вдруг спросила:

– Послушай, а ты чего-нибудь особенно боишься?

– Вроде бы нет, – ответил я, чуть подумав. Вообще-то в жизни меня многое пугает, но выделить что-то особенное я бы не смог. – А ты?

– Я боюсь подземных водостоков. – Она крепко обхватила колени обеими руками. – Знаешь, наверное? Их закрывают крышками, и по ним под землей течет вода. Она стекает туда и шумит в темноте.

– Понятно. По-моему, это называется дренажная система.

– Я родилась в Фукусиме²². Рядом с нашим домом была речушка. Текла откуда-то с полей, а на полпути уходила в трубы, под землю. Кажется, это случилось, когда я играла там со старшими ребятами. Мне тогда было года два-три. Меня посадили в лодочку и пустили по течению. Обычная детская забава, но тогда как раз прошли дожди, уровень воды поднялся. Лодку понесло прямо к трубе. Если бы там случайно не проходил какой-то старик, лодку обязательно затянуло бы внутрь, и тогда меня точно никогда бы не нашли.

Она провела пальцами по губам, будто еще раз хотела убедиться, что осталась жива.

– До сих пор все это стоит у меня перед глазами. Я лежу на спине, и поток несет меня. Река громоздится с двух сторон, окружая меня словно каменными стенами, а надо мной простирается ясное голубое небо. А течение все быстрее. Оно уносит меня все дальше и дальше. Что же будет? И вдруг я понимаю, что впереди открывается мрак. Настоящий мрак. Он приближается с каждым мгновением и хочет поглотить меня. Я чувствую, что меня вот-вот накроет холодная тень. Эти ощущения – первое, что я запомнила в жизни.

Она сделала глоток кофе.

– Мне страшно, Окада-сан. Невыносимо страшно. Как тогда, в детстве. Меня снова уносит туда, откуда никогда не выбраться.

Она достала из сумочки сигарету, прикурила от спички и медленно выпустила дым. Я первый раз видел, как она курит.

– Ты говоришь о замужестве?

Она согласно кивнула:

– Да. О замужестве.

– А что, есть какие-то проблемы? Что-нибудь не так?

– Вроде бы ничего особенного. Так, мелочи всякие... – покачала она головой.

Я не знал, как реагировать на ее слова, но надо было что-то сказать.

– Мне кажется, перед свадьбой все так или иначе переживают такие чувства. Думают: «А вдруг я совершаю большую ошибку?» Это же естественно. Ведь выбираешь человека, с которым вместе жить. Не надо так бояться.

²² Префектура на северо-востоке Японии.

– Легко тебе говорить: «Все люди одинаковые... У всех такие же проблемы...»

Минуло одиннадцать. Надо было как-то сворачивать разговор и выбираться домой. Но не успел я и рта открыть, как она попросила, чтобы я ее обнял.

Это застало меня врасплох.

– Что с тобой? – спросил я.

– Мне надо подзарядиться, – сказала она.

– Подзарядиться?

– Электричества не хватает. Знаешь, в последнее время я почти не сплю. Стоит на минуту задремать, сразу же просыпаюсь и больше не могу уснуть. И думать ни о чем не могу. Со мной такое бывает. Поэтому нужно подзарядиться от кого-нибудь, а то у меня завод кончится. Честное слово!

«Она что, еще не протрезвела?» – подумал я и заглянул ей в глаза. Они были совершенно трезвыми: разумными и спокойными, как обычно.

– Послушай, на следующей неделе ты уже будешь замужем, и муж будет тебя обнимать, сколько захочешь. Хоть каждый вечер. Для этого люди и женятся. И с электричеством проблем больше не будет.

Она ничего не ответила. Сжав губы, разглядывала свои стройные ноги. Маленькие, белые, с красивыми ноготками.

– Но мне это требуется сейчас, – проговорила она. – Не завтра, не на следующей неделе, не через месяц, а сейчас.

«Ну, если ты действительно так хочешь...» – подумал я и обнял ее. Все это выглядело ужасно глупо. Для меня она была коллегой по работе, очень толковой и симпатичной девушкой. В конторе мы сидели в одной комнате, перешучивались, иногда вместе выпивали. Но здесь, не на работе, сидя в обнимку в ее квартире, мы представляли собой всего-навсего два комка теплой плоти. В офисе каждый из нас играл свою роль, но стоило покинуть эту сцену, снять с себя маски условностей, как мы превращались в нелепую, неуклюжую плоть, в куски живого мяса, укомплектованные костями, органами пищеварения, сердцами, мозгами и детородными органами. Я сидел на полу, прислонившись спиной к стене, и обнимал ее за плечи, а она крепко прижималась ко мне грудью. Грудь у нее оказалась больше и мягче, чем я думал. В такой позе, не говоря ни слова, мы просидели друг у друга в объятиях довольно долго.

– Ну как? – поинтересовался я и не узнал своего голоса. Казалось, за меня говорил кто-то другой. Я почувствовал, как она кивнула.

Хотя на ней был трикотажный спортивный свитер и тонкая юбка до колен, я скоро понял, что под одеждой на ней ничего нет. И тут же, как по команде, почувствовал эрекцию. Похоже, она это заметила. Я ощущал у себя на шее ее теплое дыхание...

Короче, я так с ней и не переспал, хоть и «заряжал» до двух часов ночи. Она просила не оставлять ее одну, обнимать, пока она не заснет. Я довел ее до кровати и уложил. Она переоделась в пижаму, но никак не могла заснуть, и я еще долго держал ее на «подзарядке». Щеки ее потеплели, сердце билось учащенно. Я не знал, правильно поступаю или нет, но не представлял, как еще можно действовать в такой ситуации. Проще всего – улечься вместе с ней в постель, но я с самого начала гнал от себя эту мысль. Что-то мне подсказывало, что не стоит.

– Не сердись на меня. Просто у меня совсем кончилось электричество.

– Конечно, – сказал я. – Я все понимаю.

Нужно было позвонить домой, но что бы я сказал Кумико? Врать не хотелось, а моих объяснений она бы не поняла. И потом, это уже не имело никакого значения. Будь что будет. Я ушел от нее в два часа, дома был только в три. Никак не мог поймать такси.

Кумико, конечно, страшно разозлилась. Она не спала, сидела за столом на кухне и ждала меня. Я сказал, что выпил с товарищами, а потом мы пошли играть в маджонг²³. «Почему же ты не позвонил?» – спросила она. «Как-то в голову не пришло», – ответил я. Мои объяснения ее не убедили, и вранье сразу было разоблачено. В маджонг я не играл уже несколько лет, а врать как следует не научился. Поэтому я во всем признался и рассказал от начала до конца, за исключением, естественно, эпизода с эрекцией, напоминая на то, что с этой девушкой у меня ничего не было.

После этого Кумико три дня со мной не разговаривала. Совсем. Спала в другой комнате, садилась за стол одна, без меня. Мы переживали, можно сказать, самый серьезный кризис в нашей совместной жизни. Она по-настоящему обиделась на меня, и я ее хорошо понимал.

– Что бы ты подумал на моем месте? – обратилась ко мне жена, прервав молчание: ее первые слова за три дня. – Если бы я явилась домой в воскресенье, в три часа утра, даже не предупредив тебя по телефону, и стала говорить, что все это время провела в постели с мужчиной, но между нами ничего не было? «Поверь мне. Я его „подзаряжала“, только и всего. Так что давай позавтракаем и ляжем спать». Если бы я тебе такого наговорила, разве ты не вышел бы из себя? Поверил бы мне?

Я молчал.

– А ты сделал еще хуже, – продолжала Кумико. – Солгал сначала, что с кем-то там пил, играл в маджонг... Какое вранье! Почему же я должна верить, что ты с ней не спал?

– Соврал я зря, конечно. Извини, пожалуйста. Мне показалось, что объяснить правду будет очень трудно. Прошу, поверь: я действительно не сделал ничего плохого.

Кумико положила голову на стол. У меня было такое чувство, что воздух в доме становится разреженным.

– Я не знаю, что еще сказать. Ну можешь ты мне поверить?!

– Хорошо, поверю, раз тебе так хочется. Но запомни: очень может быть, и я когда-нибудь поступлю так же. И тогда уж ты тоже мне поверь. У меня есть на это право.

Пока Кумико свое право не использовала. Временами я пробовал представить, что будет, если она им все-таки воспользуется. Скорее всего я бы ей поверил, но пережить такое было бы очень трудно. «Зачем же так поступать?» Именно так думала в тот день обо мне Кумико.

– Заводная Птица! – послышался со двора чей-то голос. Это была Мэй Касахара.

Вытирая на ходу волосы полотенцем, я вышел на веранду. Она сидела на перилах и грызла ноготь на большом пальце. На ней были те же темные очки, что и во время нашей первой встречи, кремовые хлопчатые брюки и черная майка навывпуск. В руках она держала папку для бумаг.

– Вот я и перелезла, – сказала она, показывая на стену из блоков, и стряхнула приставшие к брюкам соринки. – Я примерно прикинула и решила перелезть тут. Хорошо, что угадала. Вот крику было бы, если б куда-нибудь не туда попала!

Мэй достала из кармана пачку «Хоупа» и закурила.

– Как дела, Заводная Птица?

– Помаленьку.

– Между прочим, я – на работу. Пойдем вместе, а? Мы работаем по двое, и мне, конечно, на-а-амного лучше со знакомым человеком. Новички все время нос суют не в свои дела, вопросы разные задают: «Сколько тебе лет?» да «Почему в школу не ходишь?» В общем, достают. А то еще какой-нибудь извращенец попадется, всякое бывает. Ну, пожалуйста, Заводная Птица! Будь человеком! Пойдем со мной.

²³ Популярная в Японии игра в кости, пришедшая из Китая.

– Это то, о чем ты говорила? Исследование для изготовителей париков?

– Угу, – сказала она. – С часу до четырех считаем лысых на Гиндзе. Только и всего. Тебе тоже это будет полезно. Ты ведь когда-нибудь облысеешь, и тебе уже сейчас не повредит кое-что об этом узнать.

– А вдруг кто-нибудь увидит тебя на Гиндзе за этим занятием в учебное время? Не попадет?

– Не-а. Скажу: у нас, мол, внеклассные занятия по социологии. Я сколько раз так выкручивалась.

Делать мне было нечего, поэтому я решил поехать с ней. Мэй позвонила в фирму предупредить, что мы скоро появимся. По телефону она разговаривала вполне нормально: «Да... я хотела бы поработать с ним... хорошо... вы правы... большое спасибо... да... все будет сделано, как вы говорите... мы будем после двенадцати...» На случай, если Кумико вернется рано, я оставил ей записку, что буду домой к шести, и вышел на улицу вместе с Мэй.

Фирма по изготовлению париков находилась на Симбаси²⁴. В метро девчонка вкратце объяснила, в чем будет заключаться наша работа. Мы должны встать на углу и считать проходящих по улице обладателей лысины (и людей с редеющими волосами). Их также нужно делить по трем категориям в зависимости от степени облысения: в) легкое поредение, б) значительная потеря волос и а) настоящая лысина. Мэй открыла папку, достала оттуда специальный буклет и показала мне все стадии на наглядных примерах.

– Главное, какая голова к какой категории относится, – ты, наверное, понял. В детали вдаваться не будем – на это уйдет куча времени. Представление, надеюсь, теперь имеешь? Этого достаточно.

– Ну так, в общем... – протянул я без особой уверенности.

Рядом с Мэй восседал весьма упитанный мужчина, судя по виду, служащий какой-то компании, ярко выраженный тип Б. Он явно чувствовал себя неуютно и беспокойно косился на буклет, но Мэй не обращала на него никакого внимания.

– Я делю их по категориям, а ты стоишь рядом и вписываешь в анкету, что я буду говорить. Просто, правда?

– В общем, да, – сказал я. – А какой смысл во всем этом?

– Понятия не имею. Они везде составляют такую статистику – в Синдзюку, в Сибуе, на Аояме²⁵. Может, хотят знать, где больше всего лысых. Или выясняют процент лысых по типам среди населения. Не знают, куда деньги девать, вот и все. На париках такие бабки гребут! Премии в этих фирмах гораздо выше, чем в торговых компаниях. Знаешь почему?

– Ну-ка скажи.

– Могу поспорить, не знаешь. Парики долго не служат. От силы года два-три. В последнее время их очень здорово стали делать, но чем лучше качество, тем скорее их надо менять и покупать новые. Парик так плотно прилегает к голове, что волосы под ним как бы вытираются и становятся тоньше, чем были. Поэтому скоро приходится менять его, подбирать другой. Вот если бы ты носил парик и через два года он пришел в негодность, что бы ты стал делать? «Ну, вот. Парик совсем износился. Но покупать новый – слишком дорого. Поэтому с завтрашнего дня буду ходить на работу без парика». Подумал бы так?

Я покачал головой:

– Вряд ли.

– Конечно, не подумал бы. Уж если человек надел парик, значит, будет носить всю жизнь. Это судьба. Вот почему изготовители париков так наживаются. Хоть и не хочется так говорить,

²⁴ Район в центральной части Токио.

²⁵ Районы в центральной части Токио.

но они – как торговцы наркотиками. Попадешь к ним на крючок – будешь клиентом до самой смерти. Ты когда-нибудь слышал, чтобы у лысого вдруг выросли волосы? Средний паричок стоит полмиллиона, а самые шикарные бывают и по миллиону. А менять нужно раз в два года. С ума сойти! На машине и то четыре-пять лет можно ездить, и еще скидку дадут, когда покупать будешь. А с париками даже не надейся!

– Ничего себе, – прокомментировал я ее монолог.

– Кроме того, у них есть специальные салоны, где клиентам моют парики и стригут настоящие волосы. Только представь: ты уже не можешь прийти к обыкновенному парикмахеру, сесть перед зеркалом, скинуть с себя парик и попросить, чтобы тебя подстригли! С одних этих салонов они столько в карман кладут!

– Ты прямо эксперт в этих делах, – сказал я с восхищением. Сосед Мэй – тип Б – слушал нас с величайшим вниманием.

– Ничего удивительного. Народ в конторе меня любит, обо всем мне рассказывают. Это в самом деле жутко прибыльный бизнес. Парики делают в Юго-Восточной Азии или каких-нибудь других странах, где труд дешевле. И волосы тоже там покупают. В Таиланде или на Филиппинах. Местные женщины продают волосы этим фирмам, чтобы таким способом собрать себе на приданое. Бог знает что в мире творится! Сидит здесь какой-нибудь дядя, а волосы у него от индонезийской девушки.

После этих слов я и фирмач (тип Б), повинувшись рефлекс у, внимательно оглядели вагон.

На Симбаси мы зашли в офис и получили по конверту, где были анкетные листы и карандаши. Фирма вроде бы занимала среди изготовителей париков второе место, но у входа было необычайно тихо. На дверях не было даже вывески, чтобы клиенты не испытывали неудобства при посещении. На конвертах и анкетах название фирмы тоже не значилось. Я заполнил регистрационную карточку, вписав в нее свое имя, адрес, данные об образовании и возраст, и сдал ее в опросный отдел. Вот уж действительно тихое местечко. Никто не кричал в телефон, истово не барабанил по клавиатуре компьютера, засучив рукава. Все сотрудники были аккуратно одеты, и каждый спокойно занимался своим делом. Как и должно быть в фирме такого профиля, среди персонала не было ни одного лысого. Возможно, некоторые носили продукцию своей компании, но отличить их от тех, у кого на голове были собственные волосы, мне не удалось. В общем, из всех компаний, где мне приходилось бывать, это была самая удивительная.

Оттуда мы поехали на Гиндзу. У нас оставалось немного времени, и мы решили съесть по гамбургеру в кафе «Дэйри Куин».

– Послушай, Заводная Птица! А ты будешь носить парик, если облысеешь? – спросила Мэй.

– Интересный вопрос. Вообще-то я не люблю лишней возни. Так что скорее всего оставил бы лысину в покое.

– И правильно! – сказала она, вытирая салфеткой испачканные в кетчупе губы. – Подумаешь, лысина! Ничего страшного. Она того не стоит, чтобы из-за нее переживать.

В ответ я только хмыкнул.

Потом мы три часа просидели у выхода из метро рядом с офисом «Вако»²⁶, считая проходивших мимо плешивцев. Наша позиция, с которой мы могли видеть головы людей, поднимавшихся и спускавшихся по ступеням лестницы в подземку, позволяла точно определять степень облысения. Мэй называла мне категории: А, Б, В, а я записывал все это в анкетные листы. Было видно, что эту операцию она проделывала уже много раз, – ни разу не запнулась и не поправи-

²⁶ Одна из ведущих в Японии компаний, производящих женское белье. Здание ее токийского офиса находится прямо на Гиндзе.

лась. Девушка быстро и уверенно разделяла прохожих на категории и тихонько, чтобы не привлекать внимания прохожих, называла их мне. Когда мимо проходили сразу несколько лысых, она начинала тархтеть как пулемет: – А, А, Б, В, Б, А. Один пожилой мужчина элегантного вида (у него была замечательная седая шевелюра), понаблюдав за нами, спросил:

– Позвольте полюбопытствовать: что это вы делаете?

– Собираем данные, – бросил я.

– А для чего? – не отставал он.

– Для социологии.

– А, В, А, – не останавливалась Мэй.

Мужчину мои слова явно не убедили. Он еще какое-то время продолжал смотреть на нас, но в конце концов махнул рукой и ушел.

Часы на здании универмага «Мицукоси» на другой стороне улицы пробили четыре. Мы закрыли папки и снова направились в «Дэйри Куин» выпить кофе. Хотя работа и не требовала особых затрат энергии, у меня как-то странно затекли плечи и шея. Может, оттого, что мы производили наши подсчеты тайком. От этого я испытывал нечто похожее на угрызения совести. В метро, по пути в офис на Симбаси, я поймал себя на том, что автоматически распределяю всех попадавшихся на глаза лысых по категориям: Б, В... Я чувствовал, что в буквальном смысле дурею от этого, пробовал остановиться, но бороться с инерцией оказалось не под силу. Мы сдали листы в опросный отдел и получили причитавшиеся деньги, кстати, вполне приличные для потраченного времени и сил. Я расписался в ведомости и спрятал деньги в карман. Мы снова вошли в метро, доехали до Синдзюку, пересели там на ветку Одакю и отправились домой. Уже начался час пик, и народу в вагоне было много. Я давно не ездил в переполненной электричке, но особой ностальгии не почувствовал.

– Ничего работенка, правда? – спросила Мэй, стоя рядом со мной в вагоне. – Легкая, и платят нормально.

– Ничего, – согласился я, посасывая лимонный леденец.

– В следующий раз поедем? Туда раз в неделю можно ездить.

– Почему бы и нет?

– Послушай, Заводная Птица, – сказала Мэй после небольшой паузы – с таким видом, будто это только что пришло ей в голову. – Интересно, почему люди так боятся облысеть? Думают, наверное: раз появилась лысина – значит, скоро жизни конец. Вылезают волосы у человека – ему начинает казаться, что вместе с ними и жизнь уходит, что он все быстрее приближается к смерти, к последнему звонку.

Я на минуту задумался над ее словами:

– Да, наверное, кое-кто так считает.

– Ты знаешь, иногда я думаю: что человек чувствует, когда постепенно, понемножку умирает и это тянется долго-долго?

Интересно, что она хотела сказать? Не отпуская поручня, я повернулся и вопросительно посмотрел на нее:

– Постепенно, понемножку умирать... Это как? Что ты имеешь в виду?

– Ну, например... сажают человека в полную темноту одного, есть-пить не дают. Вот он постепенно там и умирает.

– Это жестокая и мучительная смерть! Не хотел бы я так.

– Ну а жизнь сама по себе разве не то же самое, а, Заводная Птица? Ведь мы все заперты где-то во мраке, нас лишают еды и питья, и мы медленно, постепенно умираем. Шаг за шагом... и все ближе к смерти.

– У тебя временами слишком пессимистичные мысли для твоего возраста, – рассмеялся я.

– Песси... какие-какие?

– Пессимистичные. – Я произнес это слово по-английски. – Это когда видишь в жизни только мрачные стороны.

– Пессимистичные, пессимистичные... – Девушка несколько раз повторила это слово, а потом пристально и сердито взглянула на меня: – Мне еще только шестнадцать, и жизни я как следует не знаю. Но могу точно сказать одно: если у меня пессимистичные мысли, тогда непессимистичные взрослые – просто идиоты.

10. Легкая рука Смерть в ванне Посланец с прощальным подарком

В этот дом мы переехали на второй год совместной жизни, осенью. Прежнее наше жилье в Коэндзи должны были перестраивать, и нам пришлось съезжать. Мы принялись искать дешевую и удобную квартиру, но найти что-нибудь подходящее с нашими деньгами было нелегко. Когда мой дядя узнал об этом, он предложил нам пожить в принадлежавшем ему доме в Сэтагая. Он приобрел его еще в молодые годы и прожил там десять лет. Дом был старый, и дядя хотел снести его и построить на этом месте что-то более функциональное, но дядины планы вошли в противоречие с нормами застройки. Ходили разговоры, что законы скоро должны смягчить. Дядя готов был ждать, но оставь он дом пустовать, пришлось бы платить налог на имущество, сдай каким-то незнакомым людям – могли возникнуть проблемы, когда потребовалось бы освободить его. Поэтому он предложил поселиться здесь нам (и за ту же самую плату, только для покрытия налогов). За это мы брали обязательство освободить дом в течение трех месяцев, если он попросит об этом. Мы не возражали. Не совсем, правда, ясна была ситуация с налогами, но мы все равно были очень благодарны за возможность пожить какое-то время в отдельном доме. До ближайшей станции по линии Одакю было далеко, зато дом находился в тихом жилом районе и даже имел маленький сад. И хотя дом нам не принадлежал, стоило туда переехать, как мы ощутили себя почти настоящими домовладельцами.

Дядя, младший брат моей матери, ничем нам не докучал. Человек прямой и открытый, но в чем-то непредсказуемый, он всегда действовал без лишних слов. Из всей нашей родни я любил его больше всего. Он окончил университет в Токио и устроился диктором на радио, но через десять лет сказал: «Хватит!» – и открыл бар на Гиндзе. В этом скромном маленьком заведении готовили замечательные, настоящие коктейли. Оно стало популярным, и через несколько лет дядя уже владел несколькими барами и ресторанами. Все они процветали – у дяди определенно был коммерческий талант. Как-то, еще в студенческие годы, я поинтересовался, как ему удастся так здорово вести дела во всех своих «точках». Почему на той же Гиндзе, в одном и том же месте, одно заведение процветает, а другое прогорает? Мне это было совершенно непонятно. Дядя вытянул передо мной руки ладонями вверх. «У меня легкая рука», – только и сказал он. Судя по его серьезному виду, это была не шутка.

Может, у него и впрямь легкая рука. Но кроме этого, он обладал даром собирать вокруг себя способных людей. Дядя назначал им высокую зарплату и хорошо к ним относился, а они уважали его и отдавали работе все силы. «Если мне попадается подходящий человек, я без колебаний даю ему шанс и плачу хорошие деньги, – говорил он мне как-то. – Деньги надо тратить, не думая при этом, приобретешь ты или потеряешь. А энергию – беречь на то, чего нельзя купить за деньги».

Дядя женился поздно. Остепенился уже за сорок, когда добился успеха в бизнесе. Его жена была разведенная, на три-четыре года моложе, и тоже имела неплохое состояние. Дядя никогда не рассказывал, где и как с ней познакомился. Тихая женщина, похоже, из хорошей семьи. Ее первый брак тоже был бездетным и, может быть, поэтому оказался неудачным. Как бы там ни было, дядя в свои сорок с лишним хоть и не стал богачом, но мог позволить себе не работать больше как вол, чтобы обеспечивать себя. Кроме дохода от баров и ресторанов, он имел годовую ренту с принадлежавших ему домов и квартир, которые сдавал внаем, плюс стабильные дивиденды с вложенного капитала. Наш семейный клан, с уважением относившийся к серьезному бизнесу и отличавшийся скромным образом жизни, смотрел на дядю с его ресторанами как на белую ворону, да и он сам как-то с самого начала не очень любил

общаться с родней. Но обо мне, своем единственном племяннике, он всегда заботился. С особым вниманием он стал относиться ко мне после смерти матери – она умерла в тот год, когда я поступил в университет. Отношения с отцом, после того как он женился вторично, у меня не складывались. Во времена моей бедной и одинокой студенческой жизни в Токио дядя часто бесплатно кормил меня в своих рестораниках на Гиндзе.

Сам дядя считал житье в отдельном доме слишком хлопотным делом и потому жил с женой в квартире в районе Адзабу. Он не был любителем роскоши, но одну прихоть все-таки имел – редкие автомобили. В гараже у него стояли почти антикварные модели «ягуара» и «альфа-ромео»: обе машины были в прекрасном состоянии и сверкали первозданной чистотой.

Говоря как-то с дядей по телефону по делу, я решил спросить о семье Мэй Касахары.

– Касахара, говоришь? – Он задумался на несколько секунд. – Не помню таких. Я ведь был холостяком, когда жил там, и с соседями почти не общался.

– Вообще-то меня интересует дом напротив Касахары, тот, где никто не живет, на другой стороне дорожки, – сказал я. – Раньше там вроде бы жили какие-то Мияваки, а сейчас он стоит пустой, ставни досками заколочены.

– Ах, Мияваки? Ну, его-то я знаю хорошо, – ответил дядя. – Он держал несколько ресторанов, один из них на Гиндзе. Мы несколько раз встречались по делам. Рестораны у него, честно сказать, были так себе, ничего особенного, но располагались в хороших местах, и дела шли, по-моему, нормально. Мияваки был весьма симпатичным человеком, но каким-то инфантильным. То ли ему не приходилось много работать, то ли он к такой работе не привык, то ли еще что, но с годами он почему-то не вырос. Знаешь, есть такой тип людей. Кто-то ему насоветовал, и он решил сыграть на фондовом рынке. Купил какие-то сомнительные акции и лишился всего – и денег, и земли, и дома, и ресторанов. Вообще всего! В довершение оказалось, что он как раз заложил дом и землю, чтобы открыть новый ресторан. Короче, убрал от забора подпорки – а тут как раз боковой ветер налетел. Все и рухнуло. У него, по-моему, две дочери-невесты.

– И с тех пор в их доме никто не живет.

– Что ты говоришь? Неужели? Значит, ему заблокировали права на распоряжение домом и имуществом. Но я бы тебе не советовал покупать его, даже если будут дешево предлагать.

– Кому? Мне? Мне он никак не по карману. Но почему ты это сказал?

– Когда я собирался там обосноваться, разузнал и об этом доме. С ним что-то не так.

– Там что, привидения водятся?

– Ну, о привидениях не знаю, но ничего хорошего об этом месте я не слышал, – сказал дядя. – До конца войны там жил один довольно известный военный, полковник из армейской элиты. Командовал нашими частями в Северном Китае и здорово отличился, но в то же время они там таких дел натворили – ликвидировали пятьсот пленных, посылали на принудительные работы десятки тысяч крестьян. Больше половины из них умерли. Вот такие разговоры ходили. Не знаю, правда это или нет. Перед самым концом войны его отозвали из Китая, и капитуляцию он встретил в Токио. А дело шло к тому, что его должны были отдать под суд за военные преступления. Американская военная полиция одного за другим забирала генералов и офицеров, которые бесчинствовали в Китае. Он суда дожидаться не собирался, не хотел, чтобы его выставили на позор и затем повесили. Решил покончить с собой, если только за ним придут. И вот однажды у его дома остановился военный джип, из которого вышел американский солдат. Полковник это увидел и без колебаний прострелил себе голову. Он предпочел бы распороть живот на манер самураев, но времени не хватило. Из пистолета, ясное дело, быстрее. Жена полковника последовала за мужем, повесившись на кухне.

– Вот это да!

– Потом оказалось, что это был обыкновенный солдат, который поехал к своей подруге и заблудился. Остановился дорогу спросить. Сам знаешь, как там у вас легко запутаться. Да, угадать непросто, когда пришло время умирать.

– Это точно.

– Дом какое-то время стоял пустой, но вскоре его купила одна киноактриса. Ты ее, наверное, не знаешь – она играла довольно давно и не была особо знаменитой. Сколько же она там прожила? Лет десять. Она была не замужем и жила лишь с прислугой. Спустя некоторое время у нее развилась какая-то болезнь глаз. Даже вблизи она видела все как в тумане. Но нельзя же актрисе все время играть в очках. Контактные линзы тогда только-только появились, были не очень хорошими, и ими мало кто пользовался. Поэтому ей приходилось всегда тщательно изучать съемочную площадку, чтобы запомнить, сколько шагов надо сделать здесь и там, сколько пройти от стены до двери. В общем, она справлялась, ведь это были старые фильмы «Сётику»²⁷ – простенькие семейные драмы. И вот как-то раз она, как обычно, осмотрела место съемок, убедилась, что все в порядке, и вернулась к себе в гримерную. А в это время молодой оператор, который был не в курсе дела, слегка передвинул декорации.

– Ой-ё-ёй!

– Короче, она оступилась, упала и после этого не смогла больше ходить. Потом, наверное, из-за этого случая, стала еще быстрее терять зрение и почти ослепла. Так жалко ее – ведь была еще и молода, и красива. Ни о каких съемках, конечно, больше не могло быть и речи. Ей оставалось только сидеть дома. А тут еще служанка, которой она полностью доверяла, убежала с каким-то парнем, прихватив ее деньги. Выгребла все подчистую: банковские сбережения, акции. Всё! Ужасная история. И что, ты думаешь, она сделала?

– Судя по всему, все кончилось плохо.

– Еще бы, – сказал дядя. – Она налила в ванну воды, сунула в нее голову и захлебнулась. Сам понимаешь, какую волю надо иметь, чтобы так умереть.

– Мрачная история.

– Уж куда мрачнее. Вскоре после этого дом купил Мияваки. Место ведь очень хорошее: окрестности замечательные, много солнца, участок большой. Он всем нравился, кто бы его ни смотрел. Но Мияваки тоже слышал мрачные истории о прежних обитателях. Он снес его вместе с фундаментом и поставил на том месте новый. Приходили даже синтоистские священники изгонять злых духов. Но, похоже, все без толку. Кто бы там ни жил, ничего путного не получается. Бывают на земле такие места. Так что мне и задаром этого дома не надо.

Вернувшись с покупками из супермаркета, я подготовил все к ужину. Сложил белье для стирки, убрал его в корзину. Приготовил кофе. День выдался тихий – телефон молчал. Я растянулся на диване и читал какую-то книжку. Никто мне не мешал. Время от времени в саду раздавался крик Заводной Птицы. Больше ничто не нарушало тишину.

В четыре часа позвонили в дверь. Почтальон со словами: «Вам заказное письмо», вручил мне толстый конверт. Я расписался в получении.

На конверте из великолепной рисовой бумаги черными иероглифами, причем кистью, были выведены мои фамилия и адрес. На оборотной стороне значился отправитель – Токутаро Мамия, префектура Хиросима, ну и так далее. Ни имя, ни адрес мне абсолютно ничего не говорили. Судя по тому, как он владел кистью, господин Мамия был человеком в возрасте.

Присев на диван, я вскрыл конверт ножницами. Само письмо тоже было написано кистью, на старой рисовой бумаге, великолепным легким почерком образованного и воспитанного человека. Мне явно недоставало этих достоинств, поэтому я с трудом разобрал содержание послания. Его стиль соответствовал почерку – был старомодным и почтительным. Через

²⁷ Одна из крупнейших японских кинокомпаний.

некоторое время мне все-таки удалось расшифровать написанное. Автор письма извещал меня о том, что две недели назад в своем доме в Мэгуро от сердечного приступа скончался прорицатель Хонда-сан, с которым мы с Кумико когда-то были знакомы. Он жил один и, по словам врачей, умер быстро и не особенно мучился. Хоть в этом несчастном повезло. Утром его обнаружила прислуга, которая пришла прибраться в доме. Хонда-сан сидел, уткнувшись лицом в низенький столик, под которым был устроен катапу. Токутаро Мамия служил лейтенантом в Маньчжурии, и случайно ему довелось делить тяготы войны с унтер-офицером Оиси Хондой. От имени родственников покойного, во исполнение его последней воли, он взял на себя раздачу прощальных подарков²⁸. Хонда-сан оставил инструкции, расписанные до мельчайших деталей.

«Судя по его подробному и обстоятельному завещанию, он предчувствовал скорую кончину. В завещании сказано, что он считал бы за счастье, если бы Вы, господин Окада, приняли одну вещь в память о нем, – писал Мамия. – Могу представить, как Вы заняты, господин Окада. Но, согласившись в соответствии с волей покойного принять скромный подарок, что будет напоминать Вам о нем, Вы доставите огромную радость мне, его товарищу по оружию, которому осталось жить совсем немного». В конце письма стоял адрес, по которому его автор остановился в Токио: район Бункё, Хонго, 2-й квартал. Он жил еще у какого-то Мамия – видимо, родственника.

Я сел писать ответ за столом в кухне, решив изложить его на открытке – кратко и по существу. Однако стоило взять ручку, как оказалось, что нужные слова выходят из-под пера с большим трудом. «Я имел счастье быть знакомым с господином Хондой и многим ему обязан. Когда я получил от Вас известие о том, что его больше нет, на меня нахлынули воспоминания. У нас была очень большая разница в возрасте, и знакомство наше продолжалось всего один год, но было в этом человеке что-то, глубоко трогавшее сердца людей. Откровенно говоря, я никак не ожидал, что господин Хонда вспомнит обо мне и оставит для меня прощальный подарок. Не уверен, что я достоин этой чести, но если такова его воля, я, конечно же, с почтением приму этот дар. Буду рад, если Вы свяжетесь со мной в любое удобное для Вас время».

Написав это, я опустил открытку в ближайший почтовый ящик и произнес вслух:

Смерть – единственный путь
Для тебя плыть свободно.
Номонхан.

Кумико вернулась домой почти в десять вечера. Она позвонила около шести предупредить, что снова задержится и перекусит где-нибудь в городе. Предложила, чтобы я ужинал один. «Прекрасно», – сказал я и приготовил себе что-то на скорую руку. После еды опять взялся за книгу. Потом пришла Кумико, ей захотелось пива, и мы вместе выпили бутылочку. Вид у нее был измученный. Жена уселась за кухонный стол, подперев щеку рукой, и слушала меня, почти не отвечая. Казалось, она думает о чем-то своем. Я сказал, что умер Хонда-сан.

– Неужели? – откликнулась Кумико со вздохом. – Впрочем, он был уже старый и почти совсем глухой. – Но услышав, что Хонда оставил мне подарок, она так удивилась, будто что-то вдруг свалилось на нас с неба. – Он тебе что-то оставил?

– Именно. Никак не могу понять, почему.

Нахмутив брови, Кумико задумалась.

– Видно, ты ему понравился.

– Да мы с ним по-настоящему даже не разговаривали. По крайней мере, я почти ничего не говорил. А если бы и попробовал, он все равно ничего бы не слышал. Раз в месяц мы с тобой

²⁸ У японцев после смерти человека принято дарить на память его друзьям и знакомым принадлежавшие покойному вещи.

сидели у него и слушали его истории. Почти все они были о войне, о Номонхане. Как они бросали в танки бутылки с зажигательной смесью, и танки загорались или не загорались. Вот и все.

– Не знаю, не знаю. Но что-то в тебе ему понравилось. Это точно. А вообще, я понятия не имею, что у него было на уме.

Кумико опять погрузилась в молчание. Наступила какая-то гнетущая тишина. Я взглянул на календарь: до критических дней было еще далеко. Может, какие-то неприятности на работе?

– С работой напряженка, да? – спросил я.

– Да так, есть немного, – ответила Кумико, сделав глоток и посмотрев на остававшееся в стакане пиво. Я уловил в ее голосе почти вызывающие нотки. – Извини, что задержалась, но ты же знаешь, у нас на работе случается горячка. Я же не каждый день прихожу поздно, правда? Я попросила, чтобы меня особенно не перегружали. Я ведь все-таки замужем.

Я кивнул:

– Работа есть работа. Бывает, что и задержаться надо. Тут уж ничего не поделаешь. Я просто боюсь, что ты очень устаешь.

Кумико долго мылась под душем. А я пил пиво и листал какой-то еженедельник, принесенный ею.

Случайно сунув руку в карман, я обнаружил там деньги от изготовителей париков: они так и лежали в конверте. Об этом заработке я ничего Кумико не сказал – и не потому, что хотел его скрыть. Просто я как-то упустил возможность сразу рассказать об этом, а делать это сейчас уже не хотелось. Чем больше проходило времени, тем почему-то труднее было представить, как я буду об этом говорить. Что я познакомился с шестнадцатилетней девчонкой со странностями, живущей по соседству, и мы отправились вместе с ней собирать статистику для фирмы каких-то париков? Заплатили, мол, не так плохо, как я думал. Вот и все объяснения. Возможно, Кумико сказала бы: «Правда? Замечательно!» – и на этом бы все кончилось. А может быть, и нет. Вдруг она захотела бы побольше узнать о Мэй Касахаре? Вдруг ее взволновало бы мое знакомство с девушкой шестнадцати лет? Тогда пришлось бы рассказывать все с самого начала: когда, где и как мы повстречались. А я не мастер таких историй.

Я достал деньги из конверта и переложил в бумажник, конверт скомкал и выбросил в корзину для бумаг. «Вот так у людей заводятся секреты», – подумал я. Все происходит не сразу, постепенно. Я не собирался что-либо нарочно скрывать от Кумико. В конце концов, дело не настолько серьезное. Сказал бы я о Мэй или нет – не имело большого значения. Но стоило миновать некую деликатную стадию, как независимо от моих первоначальных намерений это стало превращаться в непроницаемую тайну. То же самое – с Критой Кано. Я рассказал Кумико, что к нам приходила младшая сестра Мальты по имени Крита. Что она была одета по моде начала 60-х. Что взяла у нас из-под крана образцы воды. Но промолчал о том, что после этого она вдруг ни с того ни с сего разоткровенничалась и посреди своего рассказа исчезла, не сказав ни слова. Промолчал потому, что никогда не смог бы воспроизвести и точно передать Кумико все детали этой совершенно дикой истории. Кроме того, жена вряд ли обрадовалась бы, узнав, что Крита Кано, закончив свои дела, еще долго сидела у нас и поверяла мне свои личные тайны. Вот так у меня появился еще один маленький секрет.

Может, у Кумико тоже есть от меня секреты. Если и так, я со всеми своими тайнами не мог упрекать ее за это. Боюсь, их у меня больше, чем у жены. Как ни крути, но у Кумико что на уме, то и на языке. Она из того типа людей, которые говорят и думают одновременно. А я совсем другой человек.

От этих размышлений сделалось как-то тревожно. Я направился в ванную и встал в дверях. Кумико переоделась в голубую пижаму и сушила волосы полотенцем перед зеркалом, спиной ко мне.

– Я все о работе думаю. Попросил друзей поискать что-нибудь, да и сам ходил в несколько мест. Работа вообще-то есть, и начинать можно в любое время. Хоть завтра, если нужно. Но я все никак не решусь, вот в чем дело. Просто нет уверенности, надо мне это или нет. Работу разве так выбирают?

– Поэтому-то я тебе и говорю: делай так, как считаешь нужным, – заговорила Кумико, глядя на мое отражение в зеркале. – Никто ведь не гонит тебя на работу. Если тебя материальная сторона волнует, то напрасно. Другое дело, если тут психология: то есть тебе без работы тяжело и ты чувствуешь себя не в своей тарелке оттого, что я одна работаю, а ты сидишь дома на хозяйстве. Тогда, может, тебе действительно куда-нибудь устроиться. Меня и то, и другое устраивает. Так что решай сам.

– Конечно, в конце концов я должен найти работу. Это факт. Нельзя же всю жизнь болтаться без дела. И рано или поздно найду. Но, откровенно говоря, сейчас просто не знаю, куда пойти. Когда я уволился с прошлой работы, какое-то время казалось, что стоит опять заняться чем-нибудь по юридической части. Есть кое-какие связи. Но сейчас такого настроения уже нет. Чем дальше, тем меньше мне это интересно.

Жена опять посмотрела на меня в зеркало.

– Выходит, я знаю, что делать не хочу, но вот что хочу делать – понятия не имею. Скажи бы мне: «Давай, действуй!» – кажется, все бы сделал. А так... прямо не знаю.

– Ну, в таком случае, – сказала она, опустив руку с полотенцем и обернувшись ко мне, – раз надоели законы – бросай это дело совсем. И про экзамены на адвоката забудь. Нечего спешить с работой. Не знаешь, что тебе нужно, – подожди. Так ведь?

Я кивнул:

– Просто захотелось объяснить тебе, что я об этом думаю.

– Понятно, – сказала Кумико.

Я пошел на кухню и принялся мыть стаканы. Кумико вышла из ванной и присела за кухонным столом.

– Ты знаешь, кто мне звонил сегодня днем? Брат.

– Да неужели?

– Похоже, он всерьез собрался участвовать в выборах. Можно сказать, это уже почти решено.

– В выборах?! – От удивления я на несколько секунд даже потерял голос. – Ты имеешь в виду... в парламент?

– Именно. Говорят, его просят выставить свою кандидатуру в округе в Ниигате, где всегда баллотировался дядя.

– Но разве округ не переходит по наследству дядину сыну, твоему двоюродному брату²⁹? Он ведь собирался бросить свое директорство в «Дэнцу»³⁰ и вернуться в Ниигату.

Кумико достала ватные палочки и принялась чистить уши.

– Действительно, был такой план, но двоюродный брат от этого отказался. У него семья в Токио, хорошая работа, и он совсем не хочет перебираться в Ниигату, чтобы стать депутатом. Потом, его жена категорически против. Короче, он не собирается ради этого жертвовать семьей.

Старшего брата отца Кумико четыре или пять раз выбирали в том округе депутатом нижней палаты от Ниигаты. Политическим тяжеловесом назвать его было нельзя, и тем не менее он сделал вполне приличную карьеру – был даже один раз министром, правда, на второсте-

²⁹ Ситуация, когда престарелый политик перед уходом на покой «пристраивает» сына или племянника, готовя почву для его избрания в их «семейном» округе вместо себя, – весьма распространенное явление в японской политике.

³⁰ Крупнейшая в Японии рекламная компания.

пенном посту. Однако из-за преклонного возраста и проблем с сердцем снова идти на выборы ему было трудно. Надо было подыскивать замену. Из двух дядиных сыновей старший с самого начала не проявлял к политике никакого интереса, поэтому, естественно, оставался младший.

– В общем, народ в округе спит и видит, чтобы на выборы пошел брат. Они хотят молодого, дельного и энергичного. Такого, кто мог бы несколько сроков депутатствовать и стать влиятельной фигурой в Токио. У брата есть имя, да и молодежь за него проголосует, тут и говорить нечего. Конечно, наладить контакт с местными ему будет нелегко, но у него сильная группа поддержки. Они этим и займутся, а брат вполне может жить в Токио, если захочет. Единственное, что от него требуется, – появиться там во время выборов.

Я не мог представить Нобору Ватая депутатом парламента.

– И что ты об этом думаешь? – обратился я к Кумико.

– Ты же знаешь: я не имею никакого отношения к его делам. Пусть будет хоть депутатом, хоть космонавтом. Мне все равно.

– А зачем ему тогда с тобой советоваться?

– Ну что ты говоришь? – сухо ответила жена. – И не думал он со мной советоваться. Ему мое мнение ни к чему. Он всего-навсего поставил меня в известность. Я все-таки считаюсь членом семьи.

– Хорошо, – сказал я. – А как ты думаешь, не будет у него проблем из-за того, что он в разводе и сейчас не женат?

– Не знаю. Я в политике и выборах мало разбираюсь. Мне это совсем не интересно. Но в любом случае второй раз он не женится. Ни за что. Ему и в первый раз не надо было жениться. Ему нужно другое. Совершенно другое, не то, что тебе или мне. Это точно.

– Интересно!

Кумико завернула в бумажную салфетку две использованные палочки и выбросила в мусорное ведро. Подняла голову и посмотрела мне прямо в глаза:

– Как-то давным-давно я случайно увидела, как он мастурбировал. Я подумала, что в комнате никого нет, открыла дверь и застала его.

– Ну и что же? С кем не бывает.

– Да погоди, – вздохнула она. – Это было года через три после смерти сестры. Наверное, он уже был студентом, а я училась в четвертом классе. Мать долго колебалась, что делать с одеждой, оставшейся после сестры, – избавиться от нее или сохранить. В конце концов решила оставить: что-то могло подойти мне, когда подрасту. Все это положили в картонную коробку и убрали в шкаф. Так вот, брат достал ее одежду и мастурбировал, вдыхая ее запах.

Я молчал.

– Я тогда была еще маленькая и ничего не знала о сексе, поэтому толком не поняла, что он делает. И все-таки сообразила: это что-то непристойное, извращенное, нечто гораздо более серьезное, чем казалось, – покачала головой Кумико.

– А он знает, что ты его тогда застала?

– Конечно. Он меня видел.

– А что стало с одеждой сестры? Ты ее потом носила?

– Ну уж нет!

– Что же получается? Он что, был влюблен в сестру?

– Не знаю, было у него к ней влечение или нет. Но что-то, конечно, было, и мне, кажется, он до сих пор не может этого забыть. Поэтому я и говорю: не надо было ему жениться.

Кумико замолчала. Мы долго сидели, не говоря ни слова.

– У брата на этой почве какие-то психологические проблемы. Они, разумеется, в той или иной степени есть у каждого. Но его проблемы – совсем не то что мои или твои. Намного глубже, гораздо серьезнее. И он ни за что не будет выставлять перед другими людьми эти свои отклонения и слабости. Понимаешь, о чем я говорю? Еще эти выборы... Я что-то беспокоюсь.

– Беспокоишься? О чем?

– Сама не знаю. Просто есть что-то такое... – сказал она. – Ну ладно. Что-то я устала. Хватит на сегодня. Давай спать.

Чистя зубы в ванной, я рассматривал в зеркале свое лицо. За три месяца после ухода с работы я редко выбирался на люди. Перемещался между соседними магазинами, нашим бассейном и домом. Если не считать походов на Гиндзу и гостиницу на Синагаве, дальше химчистки на станции я от дома не удалялся. За эти месяцы не виделся почти ни с кем – кроме Кумико, только с сестрами Кано и Мэй Касахарой. Очень тесный, почти неподвижный мирок. Но чем теснее и покойнее становился этот мой мир, тем больше, казалось, он наполняется странными вещами и людьми. Они точно прятались в ожидании, когда я остановлюсь. И с каждым разом, когда Заводная Птица прилетала к нам в сад и заводила свою пружину, мир все глубже и глубже погружался в хаос.

Я прополоскал рот и еще какое-то время любовался на себя в зеркало.

«Понятия не имею», – сказал я, обращаясь к самому себе. Мне уже тридцать лет, а я остановился на дороге и ни о чем не имею понятия.

Войдя в спальню, я обнаружил, что Кумико уже спит.

11. Лейтенант Мамия

Что получается из теплой грязи

Туалетная вода

Через три дня позвонил Токутаро Мамия. Звонок раздался в полвосьмого утра, когда мы с женой завтракали.

– Простите великодушно за ранний звонок. Надеюсь, я не разбудил вас. – Судя по голосу, Мамия-сан искренне боялся причинить нам неудобство.

Я успокоил его, сказав, что всегда поднимаюсь рано – сразу после шести.

Он поблагодарил меня за открытку и сказал, что хотел обязательно связаться со мной до того, как я уйду на работу. И добавил, что будет очень признателен, если мы сможем встретиться сегодня на несколько минут во время моего обеденного перерыва. Дело в том, что вечером он хотел вернуться на «синкансэн»³¹ в Хиросиму. Поначалу Мамия-сан планировал пробыть в Токио подольше, но появились неотложные дела, и вот теперь надо срочно уезжать.

Я сообщил, что временно сижу без работы и целый день свободен, поэтому мы можем увидеться, когда ему удобно – утром, днем или вечером.

– Но, может быть, у вас какие-то дела сегодня? – поинтересовался он, демонстрируя хорошие манеры.

Я ответил, что никаких дел у меня нет.

– В таком случае, если позволите, я загляну к вам в десять утра.

– Прекрасно! Жду вас.

– Ну тогда до скорой встречи, – сказал он и положил трубку.

Положив трубку, я сообразил, что забыл объяснить Мамия-сан дорогу до нашего дома от станции. А впрочем, раз он знает адрес, как-нибудь доберется – было бы желание.

– Кто это? – поинтересовалась Кумико.

– Тот самый человек, что раздает подарки на память о Хонде-сан. Обещал зайти сегодня до обеда.

– Правда? – Жена сделала глоток кофе и стала намазывать масло на тост. – Очень любезно с его стороны.

– Вот уж действительно.

– Кстати, может, надо помянуть Хонду-сан, хотя бы тебе? Сходить к нему домой, поставить поминальные свечи?

– Пожалуй. Я спрошу у Мамия-сан.

Собираясь на работу, Кумико попросила застегнуть у нее на спине молнию. Она надела облегающее платье, и с молнией пришлось повозиться. Я уловил очень приятный запах, замечательно подходивший летнему утру.

– У тебя новая туалетная вода? – спросил я.

Кумико ничего не ответила, лишь взглянула на часы и поправила рукой волосы.

– Я побежала. – И с этими словами она взяла со стола сумочку.

Я заканчивал уборку в маленькой – площадью четыре с половиной татами³² – комнатке, служившей Кумико рабочим кабинетом, и, вытряхивая мусор из корзины, заметил желтую ленточку. Она торчала из-под исписанного листка и рекламных конвертов. Яркая, блестящая,

³¹ Скоростные железнодорожные экспрессы, связывающие многие районы и крупные города Японии.

³² Единица измерения площади в японском доме; равна 1,5 м².

она сразу бросилась мне в глаза. Такими лентами украшают подарочные упаковки. Я потянул ленту из корзины. Вместе с ней лежала оберточная бумага из универмага «Мацуя», а под ней обнаружилась коробочка с эмблемой «Кристиан Диор». Внутри коробочки имелось углубление в форме флакона. По одному виду можно было догадаться, что там лежала довольно дорогая вещь. Я взял коробочку, зашел с ней в ванную и открыл шкафчик, где Кумико хранила свою косметику. Там стоял едва начатый флакончик туалетной воды «Кристиан Диор», точно такой же формы, как углубление в коробочке. Я открутил золоченую пробку и понюхал. Запах был тот же, что я уловил утром, застегивая Кумико платье.

Усевшись на диван, я попробовал собраться с мыслями. Ясно, что туалетную воду Кумико подарили. Ничего себе подарочек – недешевый. Кто-то купил в «Мацуя» и ленточку нацепил. Если мужчина, значит, он с Кумико в довольно близких отношениях, потому что просто так женщинам (тем более замужним) туалетную воду не дарят. Если же это какая-нибудь ее подруга... а разве женщины дарят друг другу туалетную воду? Этого я не знал. Мне было известно одно: у Кумико в это время нет никакого повода получать такие подарки. День рождения у нее в мае. Годовщина нашей свадьбы – тоже в мае. Может быть, она сама купила туалетную воду, попросив в магазине прикрепить на упаковку красивую ленточку? Но зачем?

Я вздохнул и посмотрел в потолок.

Что, если спросить у Кумико напрямую: «Кто купил тебе эту воду?» А она возьмет и ответит: «Ах, эту! У одной девочки с работы личные проблемы, и я кое-что для нее сделала. В общем, долго объяснять. Она попала в серьезную передрыгу, а я ей помогла по доброте душевной. Замечательный запах, оцени! И стоит ого-го!»

Что ж, звучит вполне убедительно. И разговору конец. Тогда нечего и задавать такие вопросы. Нечего волноваться.

Но что-то не давало мне покоя. Кумико должна была рассказать мне об этой воде. Если у нее было время прийти домой, войти к себе, развязать ленточку, снять упаковку, открыть коробочку, выбросить все в мусорную корзину и еще поставить флакон в шкаф в ванной, то уж сказать: «Посмотри, что мне подарила одна девушка с работы!» – она могла бы вполне. Но промолчала. Возможно, посчитала это темой, не заслуживающей внимания. Но даже если так, теперь эта история приобрела ореол тайны. Вот что меня тревожило.

Я долго в задумчивости смотрел в потолок. Пробовал думать о чем-нибудь другом, но голова работать отказывалась. Я вспоминал, как застегивал на Кумико платье: ее гладкую белую спину, аромат туалетной воды. Впервые за несколько месяцев меня потянуло курить. Взять сигарету, поднести огонь, вдохнуть полные легкие дыма. Это бы как-то успокоило. Но сигарет не было. За неимением лучшего я принялся сосать лимонный леденец.

Без десяти десять зазвонил телефон. «Лейтенант Мамия», – подумал было я. Отыскать дорогу к нашему дому действительно нелегко, и даже не раз бывавшим у нас людям иногда приходилось плутать. Но это был не он. Из трубки донесся голос той самой таинственной дамочки, что донимала меня на днях своими бессмысленными звонками.

– Привет! Давненько тебя не слышала! Ну как? Понравилось в прошлый раз? Немножко расшевелился, правда? Что же ты трубку-то бросил? На самом интересном месте!

В какой-то момент мне показалось, что она говорит о том моем сне, в котором Крита Кано довела меня до оргазма. Но речь шла о ее звонке в день, когда я варил спагетти.

– У меня сейчас совершенно нет времени, – сказал я. – Через десять минут ко мне придет один человек, а мне надо еще кое-что сделать.

– Что-то ты слишком деловой для безработного, – насмешливо сказала она. Как и в прошлый раз, ее интонации менялись, как картинки в калейдоскопе. – То варишь спагетти, то гостей поджидаешь. Впрочем, десяти минут нам хватит. Давай поболтаем десять минут. А придет твой гость – можешь трубку положить.

Мне тут же захотелось, ни слова не говоря, послушаться ее совета, но я не смог. Я еще не разобрался с туалетной водой, и мне хотелось поговорить, все равно с кем.

– Послушай, ты кто все-таки такая? – Задав этот вопрос, я взял лежавший рядом с телефоном карандаш и начал крутить его. – Ты уверена, что я в самом деле тебя знаю?

– Само собой. И я тебя знаю, и ты меня знаешь. С такими вещами не шутят. У меня не так много времени, чтобы названивать совершенно незнакомым людям. Я ведь уже тебе это говорила. У тебя что – провалы в памяти?

– Я никак не пойму. Знаешь...

– Хватит! – резко оборвала она меня. – Не ломай себе голову. Еще раз говорю: я знаю тебя, а ты – меня. Послушай! Я буду с тобой очень ласкова. А тебе делать ничего не надо. Классно, правда? Ничего не делаешь, ни за что не отвечаешь. Всё делаю я. Всё. Это же полный кайф! Брось себе загадки загадывать. Не усложняй жизнь и выбрось все из головы. Представь, что теплым весенним днем ты лежишь после полудня в мягкой грязи.

Я ничего не отвечал.

– Представь: ты спишь, тебе снится сон, ты ничком лежишь в теплой грязи. Забудь о жене. Забудь, что у тебя нет работы. Не думай о будущем. Обо всем забудь. Все мы вышли из теплой грязи и когда-нибудь вернемся в нее. В конце концов... Эй, Окада-сан! Когда ты последний раз трахался с женой? Помнишь? Давно, наверное? Недели две назад?

– Ну довольно! Ко мне уже пришли, – прервал я ее.

– Ах, еще больше? Я по твоему голосу понимаю. Три недели?

Я молчал.

– Ладно, не обращай внимания. – Ее голос напомнил мне шуршание щеточки, которой сметают скопившуюся в складках оконных штор пыль. – Вообще это ваша проблема – твоя и твоей жены. А я тебе сделаю все, что захочешь. И никакой ответственности. Стоит только повернуть за угол – и ты окажешься там. В мире, который ты никогда не видел. У тебя есть «белые пятна», ты еще не понял?

Я по-прежнему молчал, крепко сжав в руке телефонную трубку.

– Оглянись вокруг, – продолжала женщина. – Оглянись и скажи: что ты видишь?

Тут в прихожей раздался звонок. Я с облегчением вздохнул и без слов положил трубку на рычаг.

Лейтенант Мамия оказался высоким стариком с красиво посаженной лысеющей головой и в очках в золотой оправе. У него была смуглая кожа и здоровый вид человека, привыкшего к физическому труду. Ни грамма лишнего веса. Уголки глаз прорезали глубокие морщинки – симметрично, по три с каждой стороны. Из-за этого казалось, что он вот-вот зажмурится от яркого света. Сказать, сколько ему лет, было трудно, хотя, конечно, уже за семьдесят. Похоже, в молодости мой гость отличался отменным здоровьем. Об этом говорили прямая осанка и четкие экономные движения. Он держался почтительно и в разговоре производил впечатление настоящей, непоказной основательности. В нем чувствовался человек, который привык принимать решения самостоятельно и отвечать за них. На Мамия-сан был неприметный строгий светло-серый костюм, белая рубашка и галстук в серую и черную полоску. Для душного и влажного июльского утра костюм был слишком плотным, но испарины на его лице я не заметил. Левую руку ему заменял протез с тонкой перчаткой одинакового с костюмом светло-серого цвета. По сравнению с загорелой, поросшей волосами правой рукой затянутый в серую перчатку протез казался холодным и неестественным.

Я усадил гостя на диван в гостиной и предложил зеленого чая.

Мамия-сан извинился, что пришел без визитной карточки:

– В Хиросиме я преподавал в сельской школе, потом вышел на пенсию. Теперь вот бездельничаю. Есть участок земли, я кое-что на нем выращиваю – так, больше для интереса. Потому и карточек нет. Не обессудьте.

У меня карточек тоже не было.

– Извините, Окада-сан, можно поинтересоваться, сколько вам лет?

– Тридцать, – ответил я.

Он кивнул, сделал глоток чая. Интересно, что он подумал, узнав, сколько мне лет?

– Какое у вас тихое место, – проговорил Мамия-сан, чтобы сменить тему.

Я рассказал, как почти задаром снял дом у дяди, добавив, что если бы не это, мы с нашими доходами не могли бы себе позволить и вполонину меньшее жилье. Кивая, гость осторожно, боясь показаться нескромным, оглядел нашу обитель. Я тоже осмотрелся. «Оглянись вокруг», – послышался мне голос той женщины. Снова бросив взгляд вокруг себя, я почувствовал, будто воздух наполняется каким-то холодом и безучастием.

– В этот раз я пробыл в Токио пару недель, – сказал лейтенант Мамия, – и вы последний, кому мне нужно оставить память о Хонде-сан. Теперь я могу спокойно возвращаться в Хиросиму.

– Мне хотелось бы побывать дома у Хонды-сан и хотя бы поставить свечи.

– Это очень благородно с вашей стороны, но Хонда-сан родом с Хоккайдо, из Асахикавы³³, и его могила там. Родственники приезжали, чтобы разобрать вещи у него в доме в Мэгуро, и уже вернулись к себе.

– Вот как? Выходит, у Хонды-сан была семья, а он жил в Токио один?

– Совершенно верно. Его сын, он живет в Асахикаве, очень беспокоился из-за этого, да и люди могли бог знает что подумать. Вроде бы он звал старика переехать к нему, но тот все отказывался.

– У него есть сын? – Слова Мамия меня удивили. Я почему-то думал, что Хонда-сан остался совсем один. – А его жена? Она еще раньше умерла?

– Тут довольно запутанная история. Его жена вскоре после войны связалась с другим мужчиной, и они вместе покончили жизнь самоубийством. Когда же это было? Году в пятидесятом или пятьдесят первом. Деталей я не знаю. Хонда-сан об этом не распространялся, а мне было неловко спрашивать.

Я кивнул.

– После этого он один растил детей – сына и дочку, а когда у них началась своя жизнь, перебрался в Токио и, как вам известно, занялся прорицательством.

– А в Асахикаве чем он занимался?

– У них на пару с братом была типография.

Я попробовал представить Хонду-сан в комбинезоне у типографского станка за проверкой каких-нибудь пробных оттисков, однако мне он запомнился немного неряшливым стариком в грязноватом кимоно с поясом, который больше подходит для ночного халата. Старик и летом, и зимой сидел за катацу и перебирал палочки для гадания.

Тем временем лейтенант Мамия ловко развязал фурсики³⁴ и достал какой-то предмет, по форме напоминавший небольшую коробку со сладостями. Он был завернут в грубую оберточную бумагу и несколько раз туго перевязан шнурком. Мамия положил сверток на стол и подвинул ко мне.

– Это та самая вещь, которую Хонда-сан просил передать вам на память.

Я взял сверток в руки. Он почти ничего не весил, а о содержимом можно было только догадываться.

³³ Город в центральной части Хоккайдо.

³⁴ Большой цветной платок, в котором японцы часто носят книги и другие небольшие предметы.

– Можно посмотреть, что там?

Лейтенант Мамия покачал головой:

– Извините, но Хонда-сан просил, чтобы вы развернули сверток, когда будете один.

Я кивнул и положил подарок Хонды-сан на стол.

– По правде говоря, – продолжал Мамия, – я получил от него письмо всего за день до его смерти. Он писал, что, наверное, скоро умрет. «Смерти я совсем не боюсь. Такова воля неба, и остается только ей подчиниться. Не выполнено, правда, одно дело. В шкафу у меня дома лежат кое-какие вещи, которые я думал оставить разным людям. Но, похоже, самому мне с этим уже не справиться. Поэтому хочу попросить тебя раздать их; список я составил на отдельном листе. Прекрасно понимаю, какое это нахальство с моей стороны, но это моя последняя просьба перед смертью, и, надеюсь, ты мне в ней не откажешь». Надо сказать, письмо Хонды-сан было для меня большой неожиданностью – наша переписка оборвалась несколько лет назад – наверное, уже шесть-семь... Я тут же написал ему ответ, но почта прислала мое письмо обратно с извещением от его сына, что Хонда-сан скончался.

Он отхлебнул чай из чашки.

– Хонда-сан знал, когда умрет. Должно быть, он достиг такого состояния духа, какого мне, например, никогда не добиться. Вы правильно написали в своей открытке: в нем было нечто, глубоко трогавшее других людей. Я почувствовал это еще весной 38-го, когда встретился с ним в первый раз.

– Вы были с ним в одной части у Номонхана?

– Нет-нет, – отвечал Мамия, покусывая губы. – Мы служили в разных частях, даже в разных дивизиях. Судьба свела нас как раз перед Номонханом, мы вместе участвовали в одной небольшой операции. Потом капрала Хонду ранили у Номонхана и отправили обратно в Японию. А я у Номонхана не был. Вот... – Лейтенант Мамия приподнял левую руку в перчатке. – Потерял руку в августе 45-го во время наступления Советской армии. Мы отбивали танковую атаку, и мне в плечо попала пуля из станкового пулемета. Я потерял сознание, и советский танк раздавил мне руку гусеницей. Попал в плен, меня лечили в госпитале в Чите, а потом отправили в Сибирь, в лагерь, где я просидел до 1949 года. Как отправили меня в 37-м в Маньчжурию, так я и провел на материке двенадцать лет, ни разу не ступив на японскую землю. Родственники решили, что я погиб в боях с русскими, устроили мне могилу на нашем кладбище. До отъезда из Японии мы вроде бы объяснились с одной девушкой, а когда я вернулся, она уже была замужем за другим. Что ж поделаешь? Двенадцать лет прошло. Это большой срок.

Я кивнул.

– Извините меня, Окада-сан, – сказал он. – Молодому человеку, как вы, наверное, скучно слушать разговоры о прошлом. Но мне хочется сказать еще одну вещь: мы в те годы были самыми обычными парнями – такими же, как вы. Я собирался стать учителем и никогда не думал служить в армии. Но после университета меня сразу призвали, не спрашивая моего мнения, направили на офицерские курсы, и дело кончилось тем, что я на все эти годы засел на чужбине. И моя жизнь стала похожа на сон.

Проговорив это, лейтенант Мамия умолк.

– Не могли бы вы рассказать, как познакомились с Хондой-сан? – поинтересовался я после некоторой паузы. Мне в самом деле хотелось знать, что он был за человек раньше, до нашей с ним встречи.

Мой гость размышлял о чем-то, спокойно положив руки на колени. Он не выглядел растерянным, просто задумался.

– Боюсь, это будет длинная история.

– Ничего-ничего, – сказал я.

– Об этом я никогда никому не рассказывал. И Хондасан, уверен, тоже. Дело в том, что мы с ним... решили молчать. Но Хонда-сан умер. Остался я один. Так что если и расскажу вам, это уже никому не повредит.

И лейтенант Мамия начал свой рассказ.

12. Долгий рассказ лейтенанта Мамия (часть 1)

Меня перевели в Маньчжурию в начале 1937 года. Я был тогда младшим лейтенантом и прибыл в распоряжение Генерального штаба Квантунской армии в Синьцзине³⁵. В университете моей специальностью была география, поэтому меня определили в команду топографов, которая занималась составлением карт. С этим мне сильно повезло. Для армии, надо прямо сказать, мои обязанности были не из тяжелых.

В Маньчжурии тогда было относительно спокойно – во всяком случае, стабильно. После «китайского инцидента»³⁶ военные действия переместились из Маньчжурии на китайскую территорию, и воевать приходилось не Квантунской армии, а нашему экспедиционному корпусу в Китае. Конечно, операции по ликвидации партизан, нападавших на наши части, еще продолжались, но они проходили больше в отдаленных районах, в глубине китайской территории, и, в общем, их вылазки пошли на спад. А мощная Квантунская армия оставалась в Маньчжурии для поддержания порядка и безопасности в новоиспеченном «независимом» государстве Маньчжоу-го и поглядывала на север.

Несмотря на царившее вокруг спокойствие, все-таки шла война, поэтому маневры и учения продолжались непрерывно. К счастью, я мог в них не участвовать. Учения проходили в жуткий холод, в сорок – пятьдесят градусов мороза, когда один неверный шаг мог стоить человеку жизни. Каждый раз после маневров сотни солдат получали обморожения и отправлялись на лечение в госпитали или на горячие источники. Синьцзинь, конечно, нельзя было назвать большим городом, и все же это было экзотическое и интересное место, где при желании мы могли недурно развлекаться. Мы, вновь приписанные офицеры-холостяки, жили все вместе, но не в казарме, а в некоем подобии пансиона. Это больше походило на продолжение вольной студенческой жизни, и я беззаботно подумывал о том, что не имел бы ничего против, если бы время и дальше мирно тянулось день за днем и моя служба закончилась без всяких происшествий.

Но это было зыбкое благополучие. За пределами нашего солнечного мирка не прекращались ожесточенные бои. Большинство японцев, во всяком случае те, кто имел голову на плечах, понимали, что война в Китае – непролазная трясина, из которой невозможно выбраться. Сколько бы сражений местного значения мы ни выиграли, надолго оккупировать и взять под контроль такую огромную страну невозможно. Это становилось ясно при трезвом размышлении. Как и следовало думать, чем дольше шла война, тем больше становилось убитых и раненых. К тому же стремительно ухудшались отношения с Америкой. Военные тучи сгущались с каждым днем, это ощущалось даже в Японии. Шли мрачные годы: 37-й, 38-й... Но беззаботное офицерское житье в Синьцзине, по правде говоря, поневоле наводило на мысль: «Война? Какая еще война?» Ведь мы развлекались каждый вечер: подогревали себя выпивкой и болтовней, ходили в кафе, где проводили время с девушками из семей русских белоэмигрантов.

И вот как-то в конце апреля 1938 года меня вызвал офицер Генштаба и представил одетому в штатское человеку по фамилии Ямамото. Он был невысокого роста, коротко стриженный, с усами. На вид лет тридцать пять. Сзади на шее у него был шрам, оставленный, наверное, каким-то холодным оружием. Вызвавший меня офицер сказал:

– Ямамото-сан – гражданское лицо. По поручению командования он изучает жизнь и обычаи монголов, живущих в Маньчжоу-го. На этот раз ему предстоит отправиться на гра-

³⁵ Ныне Чанчунь, город в Северо-Восточном Китае, административный центр провинции Гирин.

³⁶ Или «инцидент у Лугоуцзя» («инцидент на мосту Марко Поло»). Вооруженное столкновение, происшедшее 7 июля 1937 г. между японскими и китайскими войсками недалеко от Пекина и переросшее в войну между двумя странами.

ницу с Монголией, в степь Хулунбуир, и мы выделяем ему несколько человек для охраны. Вы включены в состав этой группы.

Его словам я не поверил. Хотя этот Ямамото и был одет в гражданскую одежду, сразу было видно, что он профессиональный военный. Об этом говорили взгляд, манера говорить, осанка. «Старший офицер и, возможно, с разведывательным заданием, – подумал я, – поэтому и скрывает свою принадлежность к армии». Все это вызывало какие-то дурные предчувствия.

Ямамото в сопровождающие выделили, кроме меня, еще двух человек. Для охраны количество явно недостаточное, но более многочисленная группа привлекла бы внимание монгольских войск, развернутых вдоль границы. Наверное, вы подумаете, что мы представляли горстку отборных людей, но на самом деле было не так. Хотя бы потому, что единственным офицером в этой группе числился я, человек, не имевший абсолютно никакого боевого опыта. Боеспособной единицей можно было считать только унтера Хамано. Я его хорошо знал – он был приписан к штабу. Жесткий парень, выбившийся в унтеры из самых низов и отличившийся в боях в Китае. Высокий, крепкий и бесстрашный – одним словом, из тех, на кого можно положиться в трудную минуту. Но я никак не мог понять, зачем в нашу группу включили капрала по имени Хонда. Его, как и меня, совсем недавно перевели из Японии, и ему, конечно, еще не довелось понюхать пороху. Казалось, этот тихий, неразговорчивый человек в бою ничем не мог быть полезен. Но он был приписан к 7-й дивизии, а это значило, что Генштаб специально перевел его к нам для участия в готовившейся экспедиции. Лишь много позже мне стало понятно, в чем состояла ценность этого человека.

Меня назначили старшим группы охраны, потому что я отвечал за топографическое описание местности на западной границе Маньчжоу-го, в течении реки Халхин-Гол. Моя главная задача состояла в проверке точности и полноты карт этого района. Несколько раз я даже облетал его на самолете. Предполагалось, что мое присутствие как-то поможет делу. Вместе с тем передо мной поставили еще одну задачу – собрать подробные данные о местности для составления более точных карт. Короче, одним ударом хотели убить двух зайцев. Надо признать, что карты Хулунбуирской степи на границе с Монголией, которые мы тогда имели, оставляли желать много лучшего и мало отличались от тех, что рисовали в Китае во времена Цинской династии³⁷. После создания Маньчжоу-го Квантунская армия несколько раз проводила топографические съемки, чтобы уточнить карты, но территория была слишком велика. Кроме того, западная часть Маньчжурии представляла собой дикую пустынную местность без конца и края, и границы на этих необъятных просторах не имели большого значения. Тысячи лет на этой земле жили кочевники-монголы, которые в границах не нуждались, да и не знали, что это такое.

Составлению точных карт мешала и политическая обстановка. То есть если бы мы провели на официальной карте пограничную линию по собственному усмотрению, это сразу вызвало бы крупномасштабный конфликт. Советский Союз и Монголия, граничившие с Маньчжоу-го, крайне нервно реагировали на нарушения границы, и из-за этого уже произошло несколько ожесточенных вооруженных столкновений. В то время наши военные не хотели войны с СССР. Не хотели потому, что главные силы были направлены против Китая, и на крупные операции против Советов уже ничего не оставалось. Не хватало ни дивизий, ни танков, ни артиллерии, ни самолетов. Главной задачей было обеспечить стабильность в новом государстве Маньчжоу-го. А определение границ на севере и северо-западе, по мнению командования, могло и подождать. Они надеялись выиграть время, сохраняя неясную ситуацию. Мощная Квантунская армия, в общем, соблюдала эту стратегию и наблюдала за происходившим как бы со стороны. Из-за всего этого вокруг царила полная неопределенность.

Но если бы вдруг вопреки этим замыслам командования война все-таки началась (что на самом деле произошло на следующий год у Номонхана), без карт вести боевые действия

³⁷ Императорская маньчжурская династия, правившая Китаем в 1644–1911 гг.

было нельзя. Нужны не обычные карты, а специальные, военные. На войне требуются очень подробные карты, глядя на которые становится ясно, как лучше расположить лагерь, где установить орудия, чтобы от них было больше толку, сколько дней понадобится пехоте для марш-броска, где находятся источники воды, сколько фуража надо запасти лошадям. Без этого современная война невозможна. Выходило так, что наши функции во многом пересекались с задачами разведки, поэтому мы все время обменивались сведениями с разведотделом Квантунской армии и особым отделом в Хайларе³⁸. Так что мы друг друга, в общем, знали, но этого Ямамото мне раньше видеть не доводилось.

Через пять дней, которые ушли на подготовку, мы поездом выехали из Синьцзиня в Хайлар. Там пересели на грузовик, проехали ламаистский монастырь Хандур и прибыли на наблюдательный пункт армии Маньчжоу-го на границе в районе Халхин-Гола. Не помню точно, сколько мы проехали, – наверное, километров триста – триста пятьдесят. Вокруг, насколько хватало глаз, лежала однообразная безлюдная степь. На маршруте я должен был все время сверять карту с рельефом местности, по которой мы ехали, но сверяться было не с чем – по пути не встречалось ничего, что можно было бы назвать ориентиром. Лишь тянулись чередой невысокие, заросшие сухой травой холмы, простирался бескрайний горизонт и плыли по небу облака. Точно показать наше местонахождение на карте я не мог. Его можно было определить только приблизительно, из расчета времени, которое мы провели в дороге.

Человека, безмолвно перемещающегося по этой необъятной пустыне, подчас охватывает чувство, будто он сам, его человеческая сущность теряет очертания и постепенно растворяется в окружающем пространстве, столь огромном, что становится трудно определить, где начинается и где кончается твое собственное «я». Вы понимаете, что я имею в виду? Сознание разрастается, распространяется вширь, сливаясь с простирающимися вокруг просторами, пока не теряет связи со своей физической оболочкой. Вот что я чувствовал посреди монгольской степи. Какая же она огромная! Пейзаж больше напоминал море, чем пустынную сушу. Солнце вставало на востоке, не спеша проходило свой путь по небосклону и скрывалось за горизонтом на западе. Эти перемещения светила были единственным заметным глазу изменением вокруг нас и рождали, я бы сказал, чувство громадной, космической любви.

На наблюдательном пункте мы сменили грузовик на лошадей. Все было подготовлено заранее: четыре верховые лошади и еще две – с продовольствием, водой, снаряжением и оружием. Вооружение у нас оказалось довольно легкое. У меня и этого человека, которого звали Ямамото, были только пистолеты, а у Хамано и Хонды – кроме пистолетов, еще винтовки-«тридцативосьмерки» и по паре ручных гранат. Фактически командиром нашего маленького отряда был Ямамото. Он принимал все решения, отдавал распоряжения. По военным законам командовать полагалось мне – ведь формально Ямамото был штатским, но его права распоряжаться нами под сомнение не ставил никто. Каждый понимал, что он был просто создан для того, чтобы повелевать другими. А я, несмотря на чин младшего лейтенанта, оставался всего-навсего бумажным червем и понятия не имел о том, что такое настоящая война. Военные люди безошибочно угадывают такие способности в других и непроизвольно им подчиняются. Вдобавок перед отправкой я получил команду беспрекословно выполнять указания Ямамото. Короче, исполнение его приказов выходило за рамки уставов.

Мы вышли к Халхин-Голу и двинулись вдоль берега на юг. Река взбухла от растаявшего снега. В воде плескалась крупная рыба. Временами в степи вдалеке показывались волки. Может, это были не чистокровные волки, а какая-нибудь помесь с бродячими собаками. Но все-таки они представляли опасность, и, чтобы охранять от них лошадей, приходилось по ночам выставить часовых. Мы видели множество птиц – большинство из них, наверное, возвращались к себе домой, в Сибирь. Мы с Ямамото обсуждали особенности местности и,

³⁸ Город на северо-востоке Китая недалеко от границ с Россией и Монголией.

сверяя с картой наш маршрут, заносили в тетради все замеченные особенности. Но кроме этой специальной темы, ни о чем другом Ямамото со мной почти не разговаривал. Он молча погонял вперед лошадь, усаживался есть отдельно от остальных и, опять-таки не говоря ни слова, устраивался на ночлег. Мне казалось, что Ямамото уже бывал в этих краях. Он удивительно ориентировался на местности, точно зная, куда двигаться дальше.

После двух дней пути на юг, которые прошли без происшествий, Ямамото отозвал меня в сторону и сказал, что завтра на рассвете мы будем переправляться на ту сторону Халхин-Гола. Я был ошеломлен: ведь на противоположном берегу уже начиналась территория Монголии. Даже берег, на котором мы находились, считался опасной зоной, предметом пограничных споров. Монголы настаивали, что это их земля, Маньчжоу-го предъявляло на этот район свои претензии, и из-за этого часто возникали вооруженные столкновения. Если какой-нибудь монгольский отряд захватит нас на этом берегу, такие разногласия могли бы нас как-то оправдать. Хотя сейчас, когда таял снег, монголы почти не переходили через реку, опасность столкнуться с ними была невелика. Но случись такое на левом берегу Халхин-Гола, это была бы совсем другая история. Уж там точно бродили монгольские патрули. Окажись мы у них в руках – не помогли бы никакие объяснения. Тут уж нарушение границы налицо, и попадись мы – это вызвало бы политические осложнения. Нас могли пристрелить на месте, и никакие протесты бы не помогли. К тому же я не получал от своего командира распоряжений о переходе границы. Предписание выполнять приказы Ямамото я в самом деле имел, но никак не мог решить, распространяется оно на такой серьезный шаг, как нарушение границы, или нет. Во-вторых, как я уже говорил, по Халхин-Голу шел паводок, для переправы течение было слишком сильным, да и вода ледяная. Реку в такое время года не переходили даже кочевники. Они обычно делали это по льду или летом, когда течение становилось спокойнее, а вода – теплее.

Я выложил все это Ямамото, и он пристально посмотрел на меня. Потом покачал головой и заговорил каким-то поучающим тоном:

– Я понимаю: вы волнуетесь, как мы перейдем границу. Это естественно для офицера, под началом которого люди, – помнить о своей ответственности. Вы не хотите подвергать бессмысленной опасности жизни подчиненных. Но позвольте разбираться с этим делом мне. Я за все отвечаю. Всего объяснить вам я не могу – такова ситуация, но уверяю, что это дело одобрено командованием на самом высоком уровне. О переправе не беспокойтесь: есть место – о нем мало кто знает, – где можно перебраться на ту сторону. Монгольские войска соорудили для себя несколько таких переправ. Вы, наверное, тоже об этом слышали. Я уже несколько раз переходил реку в этом месте, например, в прошлом году, в это же самое время. Вам нечего беспокоиться.

Монгольская армия те места действительно знала хорошо и даже в половодье посылала на правый берег Халхин-Гола вооруженные группы, хотя и не так много. Так что места для переправы были, и отряд мог перейти реку – при желании. А уж коли переправлялись монголы, мог переправиться и этот Ямамото, да и нам, наверное, это было по силам.

Мы оказались у одной такой переправы, построенной, как мы предполагали, монгольской армией. Ее тщательно замаскировали, так что заметить с первого взгляда было трудно. Между двумя перекатами прямо в воде перекинули мост из досок, закрепленный натянутыми канатами, чтобы его не смыло стремительным течением. Если бы воды в реке было поменьше, по нему спокойно могли бы проехать грузовики с солдатами, бронемшины и танки. Поскольку мост покрывала вода, с самолета он не просматривался. Хватаясь за канаты, мы пересекли поток. Первым перешел Ямамото. Он убедился в отсутствии монгольских патрулей, и за ним последовали все остальные. В ледяной воде ноги немели, но все-таки мы перебрались на левый берег вместе с лошадьми. Он был гораздо выше, и с него открывался вид на уходившую вдаль бескрайнюю степь. И поэтому в том числе Советская армия во время боев у Номонхана все время была в более выгодном положении. Разница в высоте сильно влияет на точность артил-

лерийской стрельбы. Помню, меня поразило, как сильно отличаются два берега друг от друга. Я так ооченел, что долго не чувствовал собственного тела и на какое-то время у меня даже голос пропал. Но стоило подумать, что мы находимся на вражеской территории, как, скажу откровенно, я сразу забыл о холоде.

Мы двинулись вдоль Халхин-Гола на юг. Река, извиваясь как змея, текла вниз, слева от нас. Спустя некоторое время Ямамото сказал, что нам лучше снять знаки отличия, и мы последовали его совету. Попади мы в плен, подумал я, нам пришлось бы плохо из-за этих значков. Поэтому я снял еще и свои офицерские сапоги и натянул вместо них краги.

В тот же день вечером, когда мы занимались устройством лагеря, к нам подъехал какой-то монгол. Монголы ездят в необычно высоких седлах, поэтому всадника можно заметить изда-лека. Увидев приближающегося человека, Хамано схватился за винтовку, но его остановил возглас Ямамото:

– Не стрелять!

Унтер, не говоря ни слова, медленно опустил винтовку. Мы все вчетвером стояли на месте и ждали, когда подъедет всадник. За спиной у него была винтовка советского произ-водства, на поясе висел маузер. Заросшее лицо, на голове шапка с висячими ушами. Монгол носил такую же замусоленную одежду, что и скотоводы, но по его осанке сразу можно было понять, что он профессиональный военный.

Неизвестный спешил и заговорил с Ямамото, как мне показалось, на монгольском языке. Я немного понимал по-русски и по-китайски, но то была совсем другая речь. Ямамото отвечал на том же языке, и это еще больше убедило меня в том, что он офицер разведки.

– Лейтенант Мамия! – обратился ко мне Ямамото. – Сейчас мы с этим человеком уедем. Надолго ли – не знаю, но хочу, чтобы вы ждали меня здесь. И обязательно все время выстав-ляйте часовых. Если я не вернусь через тридцать шесть часов, доложите об этом в штаб. Пошлете кого-нибудь на ту сторону, на наблюдательный пункт армии Маньчжоу-го.

Я сказал, что все понял, и Ямамото, сев на лошадь, направился вместе с монголом на запад.

Оставшись втроем, мы разбили лагерь и кое-как поужинали. Приготовить что-нибудь основательное или разжечь костер было нельзя. Вокруг, насколько хватало глаз, лежала дикая степь, где, кроме низких песчаных холмов, не видно ничего, за чем можно укрыться. Мы могли оказаться в руках противника из-за любого дымка. Поэтому палатку поставили пониже, укрыв ее за холмом, и подкрепились сухарями и холодными мясными консервами. Солнце утонуло за горизонтом, и все вокруг сразу погрузилось во мрак, на небе зажглось бесчисленное мно-жество звезд. Где-то завывали волки, и голоса их слились с шумом реки. Мы лежали на песке, отходя от накопившейся за день усталости.

– В опасное дело мы ввязались, господин лейтенант! – произнес Хамано.

– Похоже на то, – сказал я в ответ.

К тому времени мы – я, унтер Хамано и капрал Хонда – уже хорошо узнали друг друга. Я – неопытный новоиспеченный офицер. Обычно долго прослужившие сержанты и унтера, вроде Хамано, держались от таких подальше и насмехались над ними, но у нас с Хамано такого не было. Он испытывал ко мне что-то вроде уважения за то, что я окончил университет, а я не придавал значения чинам и старался относиться с вниманием к его военному опыту и практической сметке. Вдобавок он родился в Ямагути, да и я недалеко оттуда – в Хиросиме. Поэтому мы как-то само собой нашли общий язык и сблизились. Он рассказывал мне о войне в Китае. У Хамано, прирожденного солдата с несколькими классами начальной школы за пле-чами, имелись свои сомнения по поводу этой нескончаемой, тягостной войны, и он откровенно делился ими со мной.

– Я человек военный, и война для меня – в самый раз, – говорил унтер. – За родину я готов умереть – такая у меня работа. Но эта война, господин лейтенант, из-за которой мы

с вами тут сидим, – она нечестная, что ни говори. Неправильная какая-то... Линии фронта нет, с противником лицом к лицу не сойдешься. Наши идут вперед, а они почти не сопротивляются и отходят. Отступают, а потом снимают форму и смешиваются с гражданскими. Выходит, никак не поймешь, кто враг. Из-за этого многих невинных убивают, а называют это «охотой за бандитами» или «остатками войск противника». Реквизируют провиант у китайцев. Ну продовольствие, положим, приходится отбирать, потому что фронт движется вперед так быстро, что тылам за войсками никак не угнаться. Пленных держать негде, кормить нечем – остается только убивать. Это разве правильно? Что мы в Нанкине³⁹ натворили! Наша часть там тоже «отличилась». Людей бросали в колодцы десятками и забрасывали гранатами. Язык не поворачивается рассказывать, что там наделали. Я вот что думаю: нет у этой войны никакой «великой идеи», господин лейтенант! Самая настоящая резня, вот и все. А страдают, выходит, бедные крестьяне, которым до всех этих идей никакого дела нет. Наплевать им и на Гоминьдан, и на маршала Чжана⁴⁰, и на 8-ю армию⁴¹, и на нас. Для них – была бы еда, и слава богу. Я сам из семьи бедного рыбака и хорошо знаю, чем бедняки живут. Работают как каторжные с утра до ночи, и все равно еле-еле на хлеб хватает. Неужто Японии польза от того, что мы их тут колотим без смысла, без разбора. Сомневаюсь я, господин лейтенант.

Капрал Хонда, в отличие от Хамано, много о себе не рассказывал. Он вообще был человек молчаливый и всегда просто внимательно слушал наши разговоры. Но немногословность в его случае не означала замкнутости или угрюмости характера. Просто Хонда по своей инициативе редко открывал рот. Из-за этого, правда, мне иногда приходило в голову, что я толком не знаю, о чем думает этот парень, но неприязни он у меня не вызывал. Скорее даже его спокойствие как-то смягчало людские сердца. Что бы ни случилось, он сохранял на лице одно и то же невозмутимое выражение. Хонда родился в Асахикаве, где его отец заведовал маленькой типографией, и был моложе меня на два года. После школы стал вместе со старшими братьями помогать отцу в работе. Всего их было три брата, самого старшего за два года перед тем убили в Китае. Хонда любил читать и, как только у него выдавалась свободная минута, тут же укладывался с какой-нибудь книжкой о буддизме в руках.

Я уже говорил, что Хонда не имел никакого боевого опыта – только год военной подготовки в Японии. И тем не менее это был замечательный солдат. В каждом взводе обязательно есть один-два таких человека, выносливых и выполняющих свой долг беспрекословно, без лишних жалоб. Физически крепкие, с отличной реакцией, эти люди моментально схватывают то, чему их учат, и очень хорошо пользуются этим на практике. Хонда был из их числа. Он проходил подготовку в кавалерии, поэтому лучше всех разбирался в лошадях и взял на себя заботу о наших животных, которых в отряде было шесть. Впрочем, он не просто заботился о них. Нам даже казалось, что Хонда до самой последней мелочи понимает лошадиное настроение. Хамано сразу признал способности капрала и со спокойным сердцем стал ему многое поручать.

Так что, несмотря на разношерстный состав нашего отряда, мы здорово понимали друг друга. Всех этих формальностей, обязательных в регулярных частях, мы не соблюдали. Как бы это сказать... Наверное, нас всех свела судьба. Поэтому Хамано и мог вести со мной откровенные разговоры, немыслимые между нижними чинами и офицерами.

– Что вы думаете об этом Ямамото, господин лейтенант? – спросил унтер.

– Похоже, он из спецслужб, – ответил я. – Настоящий спец, раз так чешет по-монгольски. Знает эти места как свои пять пальцев.

³⁹ В этом городе и его окрестностях в декабре 1937 – январе 1938 г. японская армия учинила массовую расправу над мирным населением, жертвами которой стали более 140 тысяч человек.

⁴⁰ Имеется в виду Чжан Сюелян, китайский маршал, военный правитель Маньчжурии до вторжения в нее японцев.

⁴¹ Одно из наиболее боеспособных соединений Коммунистической партии Китая в период войны с Японией.

– Точно. Я подумал сначала, что он из тех бандитов-выскочек, которые втерлись в доверие к нашим тузам в армии. Но это не тот случай. Те типы мне хорошо знакомы. Только и делают, что болтают без остановки – чего было и чего не было. И чуть что – сразу за пистолет. А наш Ямамото – серьезный субъект. Большой мастер. Не последний чин там у них – сразу видно. У меня на таких чутье. Наши, похоже, хотят создать диверсионные группы из монголов, служивших на Хингане⁴². Говорят, для этого вызвали несколько спецов по диверсионным операциям. Может, Ямамото связан с этим делом.

Хонда стоял с винтовкой на карауле в некотором отдалении от нас. Я положил браунинг рядом на землю, чтобы иметь оружие наготове. Хамано, сняв гетры, массировал ноги.

– А может, и не так, – продолжал он. – Может, тот монгол – на самом деле офицер Монгольской армии, из тех, кто против Советов и хочет установить секретные контакты с нашими.

– Такое тоже возможно, – сказал я. – Но послушай! Не говорил бы ты лишнего при посторонних. А то они тебе голову снимут.

– Ну, не такой уж я дурак. Это ж я только здесь так говорю, – ухмыльнулся Хамано и сразу сделал серьезное лицо. – Но если это так, тогда Ямамото – опасный тип. Так и до войны недалеко.

Я кивнул. Монголия формально считалась независимой, но на самом деле была сателлитом Советов. Они полностью держали ее в руках. В этом смысле Монголия мало чем отличалась от Маньчжоу-го, где всем заправляла японская армия. Но все знали, что в Монголии действовали подпольные антисоветские группы, имевшие тесные связи с нашими военными в Маньчжоу-го и организовавшие к тому времени несколько мятежей. Ядро этих групп составляли военные, у которых произвол Советской армии вызывал внутренний протест, землевладельцы, сопротивлявшиеся насильственной коллективизации, и ламаистские монахи – их набиралось больше ста тысяч. За пределами страны эти группы могли рассчитывать только на расквартированные в Маньчжурии японские войска. И вообще мы – такие же азиаты, как они сами, – были им ближе русских. В 1937 году раскрыли заговор, участники которого готовили большие беспорядки в Улан-Баторе, и пошли массовые чистки. Несколько тысяч человек – военных и монахов – казнили как контрреволюционеров за связь с японской армией. Но с антисоветскими настроениями покончить не удалось – то тут, то там они давали о себе знать. И в том, что офицеры японской разведки переходят Халхин-Гол и тайно встречаются с монгольскими офицерами из числа заговорщиков, ничего необычного не было. Чтобы помешать этому, монгольские сторожевые отряды все время патрулировали границу с Маньчжоу-го и объявили запретной зоной прилегающую к ней территорию шириной десять – двадцать километров. Но уследить за таким огромным районом было невозможно.

Окажись мятеж успешным, Советская армия сразу бы вошла в это дело, чтобы подавить контрреволюцию. Случись такое, мятежники обратились бы за помощью к Японии, и у Квантунской армии появились бы основания для военного вмешательства. Отхватить Монголию – все равно что всадить нож в бок Советам в Сибири. Верховная ставка в Токио пыталась сдерживать эти настроения, но штаб Квантунской армии был переполнен амбициозными личностями и такой шанс не упустил бы. А это уже грозило не просто пограничным конфликтом, а настоящей войной с Советами. И если бы она началась на маньчжуро-советской границе, Гитлер, очень может быть, вторгся бы в Польшу и Чехословакию. Вот что имел в виду Хамано, говоря о войне.

Уже рассвело, а Ямамото не возвращался. Последние ночные часы я провел в карауле – сидел с винтовкой, взятой у Хамано, на невысоком песчаном холме и глядел на небо на востоке. Восход солнца в Монголии – картина замечательная. На горизонте вдруг возникла плывущая во мраке размытая полоса. Она начала расширяться, вырастая все выше и выше. Казалось,

⁴² Горная гряда на северо-востоке Китая и востоке Монголии.

что с неба протянулась гигантская рука и не спеша стала поднимать закрывавший лик Земли ночной покров. Потрясающее зрелище! Я уже говорил: величие окружавшего нас мира многократно превосходило мои способности к постижению его. Я смотрел, и меня охватывало чувство, будто сама моя жизнь как-то истончается и медленно уходит в небытие, туда, где совсем нет места таким мелочам, как дела и заботы человеческие. Открывавшаяся передо мною картина повторялась уже сотни миллионов... миллиарды раз, с незапамятных времен, когда на Земле не существовало даже признаков жизни. Я забыл про караул и как замороженный смотрел на рождение нового дня.

Дождавшись, когда солнечный диск целиком показался из-за горизонта, я закурил, отпил воды из фляжки и помочился. Как там сейчас, в Японии? Я представил наш город в начале мая – аромат цветов, лепет реки, облака в небе. Вспомнил старых друзей. Семью. Сладкий вкус нежных рисовых лепешек, завернутых в дубовый лист. Я вообще-то не большой любитель сладостей, но тогда мне до смерти захотелось лепешек. За это я отдал бы половину своего годового денежного довольствия. Подумав о Японии, я почувствовал себя на краю света. Ну почему мы должны, рискуя жизнью, биться за эту необъятную бесплодную землю, не имеющую почти никакой ценности ни для военных, ни для промышленников, где нет ничего, кроме грязной травы и клопов? Я готов был сражаться и умереть за родные места, но отдать единственную жизнь, подаренную человеку, за голую пустыню, не способную родить ни зернышка, – полная нелепость.

Ямамото вернулся на следующий день на рассвете. В то утро я опять стоял в карауле и рассеянно смотрел на реку, когда позади послышались звуки, напоминающие лошадиное ржание. Я быстро обернулся, но ничего не увидел. Выставил винтовку и стал пристально вглядываться в ту сторону, откуда донесся шум. Сглотнул слюну – так громко, что сам вздрогнул. Палец дрожал на спусковом крючке – до сих пор мне ни разу не приходилось ни в кого стрелять.

Спустя несколько секунд через гребень песчаного холма перевалила лошадь, на которой сидел Ямамото. Не снимая пальца со спуска, я огляделся, но больше никого не увидел – ни приехавшего к Ямамото монгола, ни вражеских солдат. В небе на востоке зловещей каменной глыбой висела большая белая луна. Ямамото, похоже, был ранен в левую руку – на ней была повязка из пропитавшегося кровью носового платка. Я растолкал Хонду, чтобы он приглядел за лошадью. Видно, она пробежала долгий путь – тяжело дышала и была вся в поту. Хамано встал вместо меня на часы, а я взял аптечку и занялся рукой Ямамото.

– Пуля прошла навывлет, кровотечение прекратилось, – сказал Ямамото.

Он оказался прав: пуля, к счастью, и правда пробила только мягкие ткани, не задев кость. Я снял его повязку из носового платка, продезинфицировал рану спиртом и перевязал. Пока я проделывал это, Ямамото даже не поморщился. Только над верхней губой выступили еле заметные капельки пота. Промочив горло водой из фляги, он закурил и глубоко, с удовольствием затянулся. Потом достал браунинг, зажал его под мышкой и, вынув обойму, ловко, одной рукой, снарядил ее тремя патронами.

– Лейтенант, немедленно уходим отсюда. Перейдем на ту сторону и двинемся на наблюдательный пункт Маньчжурской армии.

Быстро, без лишних слов, мы свернули лагерь, сели на лошадей и двинулись к переправе. Я не спрашивал у Ямамото, что с ним произошло и кто в него стрелял. По своему положению я не мог задавать таких вопросов, но если бы даже мог, он вряд ли бы мне ответил. Тогда у меня в голове сидела только одна мысль: как можно скорее выбраться с территории противника, перейти на правый берег Халхин-Гола, где можно чувствовать себя в относительной безопасности.

Мы погоняли лошадей по травянистой равнине. Все молчали, но думали об одном: удастся ли нам благополучно перебраться на ту сторону. Если монгольский патрульный отряд

доберется до моста раньше нас – тогда конец. Шансов выбраться из этой заварухи не оставалось никаких. Помню, подмышки стали мокрыми от пота.

– Лейтенант, в вас когда-нибудь стреляли? – обратился ко мне Ямамото после долгого молчания.

– Нет, – ответил я.

– А самому приходилось стрелять в кого-нибудь?

– Нет, – повторил я снова.

Какое впечатление произвел на него мой ответ? Зачем он задавал эти вопросы? Я так и не узнал этого.

– Вот здесь документы, которые нужно доставить в штаб, – проговорил Ямамото, положив руку на седельную сумку. – Если это будет невозможно сделать, их надо уничтожить – сжечь, закопать в землю... Но что бы ни случилось – они не должны попасть в руки врага. Что бы ни случилось. Это наша самая главная задача. Хочу, чтобы вы это поняли. Это очень, очень важно.

– Я все понял.

Ямамото пристально посмотрел мне в глаза.

– Если мы окажемся в безвыходном положении, первым делом пристрелите меня. И без всяких колебаний. Я застрелюсь сам, если смогу. Но если из-за руки не сумею покончить с собой, тогда стреляйте вы. И наверняка, чтобы насмерть.

Я молча кивнул.

До переправы мы добрались еще засветло, и стало ясно, что мучившие меня дорогой опасения имели под собой основания. Там уже расположился небольшой отряд монгольской армии. Мы с Ямамото взобрались на невысокий холм и стали по очереди наблюдать в бинокль. Восемь человек – не так уж много, но вооружение они имели чересчур внушительное для пограничного дозора. У одного был автомат. На небольшом возвышении стоял станковый пулемет, обложенный мешками с песком и повернутый дулом к реке. Понятно, они обосновались на этом месте, чтобы не дать нам перейти на тот берег. У реки разбили палатки, в землю вбили столбы, к которым были привязаны десять лошадей. Судя по всему, монголы не собирались уходить, пока не поймут нас.

– А нет ли какой-нибудь другой переправы? – поинтересовался я.

Оторвавшись от бинокля, Ямамото посмотрел на меня и покачал головой.

– Есть, но слишком далеко. Верхом понадобится два дня, но у нас нет столько времени. Так что остается переправляться только здесь.

– Вы имеете в виду ночью?

– Именно. Ничего другого не остается. Лошадей оставим здесь. Уберем часового, а остальные, наверное, будут крепко спать. Не волнуйтесь – из-за шума реки почти ничего не будет слышно. Часового я беру на себя. Ну, пока нам делать нечего, так что лучше поспать сейчас, чтобы отдохнуть как следует.

Переправляться решили в три часа утра. Капрал Хонда снял с лошадей все снаряжение, отвел подальше и отпустил. Вырыли глубокую яму, закопали лишние боеприпасы и провиант. Оставили только фляжки с водой, еды на один день, оружие и немного патронов. Если бы монгольские солдаты захватили нас, мы все равно бы не отбились, сколько бы ни имели патронов: по огневой мощи они были сильнее во много раз. Покончив с делами, решили отсыпаться до назначенного часа. Следовало воспользоваться вынужденным отдыхом: прорвись мы через переправу, времени на сон, наверное, не нашлось бы. На часы первым стал Хонда, его должен был сменить Хамано.

Ямамото лег в палатке и тут же заснул. Похоже, все это время он вообще не спал. У изголовья лежала кожаная сумка, куда Ямамото положил свои важные бумаги. Скоро отключился

и Хамано. Усталость одолевала, но нервное напряжение никак не давало уснуть. Спать хотелось смертельно, но я ничего не мог поделать. Представлялось, как мы убиваем монгольского часового, как пулемет поливает нас огнем на переправе... Нервы напряглись до предела. Ладони стали мокрыми от пота, ломило в висках. Сумею ли я в случае чего действовать, как подобает офицеру? Я не был уверен. Выбравшись из палатки, направился к стоявшему на часах Хонде и присел рядом.

– Ну что, Хонда? Может, нам здесь умереть придется?

– Все может быть, – отозвался капрал.

Мы помолчали. Что-то мне не понравилось в этом его «все может быть». Был здесь оттенок какой-то неопределенности. С интуицией у меня не очень хорошо, но я все-таки понял, что за расплывчатым ответом Хонды что-то кроется, и решил выведать, что он имел в виду.

– Если тебе есть что сказать – выкладывай, не стесняйся, – сказал я. – Может, мы вообще в последний раз разговариваем. Отведи душу!

Плотно сжав губы, Хонда некоторое время поглаживал пальцами песок у себя под ногами. Я видел, что в душе у него идет какая-то борьба.

– Господин лейтенант, – наконец заговорил он, глядя мне прямо в глаза. – Из нас четверых дольше всех проживете вы – и умрете в Японии. Жизнь ваша будет гораздо длиннее, чем сами думаете.

Теперь пришла моя очередь пристально посмотреть на капрала.

– Вы, наверное, сомневаетесь: откуда это может быть мне известно. Я и сам не могу объяснить. Просто знаю – и все.

– Это что же, наитие?

– Может, и так. Хотя это слово не совсем передает то, что я чувствую. Это слишком сильно сказано. Ведь я уже говорил: просто знаю. Вот так.

– У тебя давно такие способности?

– Давно, – четко проговорил Хонда. – Но с тех пор как себя помню, я скрывал это от других. А сейчас... это дело жизни и смерти. Потом оно вас касается, вот я и сказал.

– А о других ты тоже знаешь?

Он покачал головой.

– О чем-то догадываюсь, а о чем-то – нет. Однако вам, господин лейтенант, наверное, лучше не знать об этом. Может, я слишком много на себя беру, рассуждая перед вами о таких важных вещах. Вы ведь университет окончили. Но на человеческую судьбу надо оглядываться, когда жизнь прожита. Не надо забегать вперед. Я уже к этому в какой-то степени привык, а вы – нет.

– Ну, во всяком случае, я здесь не погибну?

Хонда зачерпнул горсть песка под ногами и смотрел, как он с шуршанием сыплется между пальцами.

– Это я могу вам сказать. Здесь, в Китае, на материке, вы не умрете, господин лейтенант.

Мне хотелось продолжить разговор, но Хонда внезапно умолк. Казалось, он отключился, погрузившись в свои мысли. Держа винтовку в руках, капрал вглядывался в дикую степь. Моих слов он больше не слышал.

Я вернулся в палатку за гребнем холма и лег рядом с Ха-мано. Закрыв глаза. Теперь сон пришел сразу. Глубокий сон, который, кажется, утянул меня за ноги на дно океана.

13. Долгий рассказ лейтенанта Мамия (часть 2)

Я проснулся от металлического клацанья предохранителя. Ни один солдат на войне не пропустит этот звук мимо ушей, даже если крепко спит. Это особый звук, тяжелый и холодный, как сама смерть. Почти инстинктивно я протянул руку к браунингу, лежавшему у изголовья, и тут же получил удар сапогом в висок, от которого у меня на миг потемнело в глазах. Переведя дух, я чуть приоткрыл глаза и разглядел человека, который, судя по всему, меня ударил. Он нагнулся и взял мой браунинг. Я медленно приподнял голову – прямо в лицо уставились дула двух винтовок. За ними маячили фигуры двух солдат-монголов.

Заснул я в палатке, но теперь она исчезла, будто по мановению волшебной палочки, и над головой было развернуто усыпанное звездами небо. Еще один солдат наставил автомат в голову лежавшего рядом со мной Ямамото. Тот лежал тихо – может быть, думал, что сопротивляться не имеет смысла, или берег силы. На солдатах были длинные полушубки и военные шапки-шлемы. Двое светили на нас большими карманными фонарями. В первые минуты я толком не мог понять, что случилось. Наверное, потому, что спал очень крепко, и шок, от того, что увидел, оказался слишком сильным. Но, посмотрев на монголов и лицо Ямамото, я наконец осознал: нашу палатку обнаружили раньше, чем мы стали переправляться через реку.

Следующей мыслью было: что с Хондой и Хамано? Я осторожно повернул голову, чтобы оглядеться вокруг, но больше никого не увидел. Или монголы их уже убили, или им удалось бежать.

Похоже, это были солдаты из того самого дозора, что мы заметили на переправе. Несколько человек, вооруженных ручным пулеметом и винтовками. Командовал ими дюжий сержант, у него одного на ногах были настоящие сапоги. Как раз этот тип и заехал мне по голове. Наклонившись, он поднял лежавшую около Ямамото кожаную сумку, открыл ее и заглянул внутрь. Потом перевернул и стал трясти. К моему удивлению, на землю выпала лишь пачка сигарет, хотя я своими глазами видел, как Ямамото клал туда бумаги: достал из седельного мешка, переложил в сумку и бросил ее у изголовья. Ямамото, как всегда, старался сохранять хладнокровие, однако я заметил, что выражение его лица вдруг изменилось. Видно, он тоже понятия не имел, куда исчезли документы. Но в любом случае для Ямамото это было то, что нужно. Ведь, как он сам говорил, наша наиглавнейшая задача заключалась в том, чтобы эти документы не попали к врагу.

Солдаты перевернули вверх дном все наши вещи и обшарили их самым тщательным образом. Но ничего стоящего не нашли. Тогда нас заставили снять всю одежду и проверили содержимое карманов, одного за другим. Тыкали штыками в одежду и вещевые мешки, однако документов нигде не было. Выгребли сигареты, авторучки, кошельки, блокноты, часы, распахали добычу по карманам. Забрали нашу обувь, перемерив предварительно по очереди и выбрав, что подходило по размеру. Дележ сопровождался довольно громкой перебранкой. Сержант взирал на все это с отсутствующим видом. Видимо, в Монголии присвоение личных вещей пленных или погибших солдат противника было в порядке вещей. Сам сержант взял только часы Ямамото, предоставив солдатам разбираться с остальным имуществом. Наше снаряжение – пистолеты, боеприпасы, карты, компасы и бинокли – сложили в матерчатый мешок, наверное, чтобы отправить в Улан-Батор, в штаб.

После этого нас, раздетых догола, крепко связали тонкими и прочными веревками. От монгольских солдат несло, как с долго не чищенного скотного двора. Форма на них обносилась и была вся в грязи, пыли и пятнах от еды – нельзя было даже установить ее первоначальный цвет. Ботинки рваные, в дырах, казалось, того и гляди развалятся. Понятно, что они позарились на нашу обувь. Лица почти у всех были грубые, какие-то неотесанные и заросшие, зубы черные. На вид они больше походили на бандитов с большой дороги, чем на солдат, но советское

оружие и знаки отличия в виде звездочек говорили, что это регулярная армия Монгольской Народной Республики. На мой взгляд, организация и боевой дух в их отряде были не на очень высоком уровне. Вообще из монголов выходят выносливые и стойкие солдаты, но для современной войны, в которой действуют боевыми группами, они не сильно подходят.

Ночной холод пронизывал до костей. Я смотрел на монголов, на то, как в полумраке появляются и исчезают облачка пара от их дыхания, и казалось, что меня по ошибке забросило в какой-то кошмарный сон. Я никак не мог поверить, что все происходящее – реальность. Это действительно был страшный сон, но, как я потом понял, кошмар только начинался.

Тем временем из темноты возник солдат, что-то волочивший по земле. Ухмыляясь, он с глухим звуком опустил рядом с нами свою ношу – труп Хамано. Убитый капрал был бос – кто-то уже успел снять с него ботинки. Монголы стянули с него одежду, предварительно обшарив карманы. Взяли наручные часы, бумажник и сигареты, которые тут же поделили и задымили, роясь в бумажнике. Там оказалось несколько банкнот Маньчжоу-го и фотокарточка женщины – наверное, матери Хамано. Сержант что-то сказал и забрал деньги себе. Фотография упала на землю.

По-видимому, кто-то из монгольских солдат подкрался сзади к Хамано, когда тот стоял на часах, и перерезал ему горло. Они опередили нас: сделали то, что мы хотели сделать с ними. Из зияющей раны растекалась ярко-красная кровь. Ее было не так много для раны такого размера – наверное, уже почти вся вытекла. Один из солдат вытащил нож с изогнутым лезвием сантиметров в пятнадцать длиной и помахал им передо мною. Ножей такой необычной формы мне раньше видеть не приходилось. Этот был какой-то особый. Солдат взмахнул им, будто собираясь чиркнуть мне по горлу, и свистнул. Несколько человек захохотали. Нож явно не из армейского снаряжения: видно, эта штука была его собственностью. У всех на поясе закреплены длинные штыки, и только у этого солдата – кривой нож. Им он, похоже, и перерезал горло Хамано. Ловко повертев нож в руке, солдат запихал его обратно в ножны.

Ямамото, не говоря ни слова, чуть повел глазами в мою сторону. Движение было мимолетным, но я сразу же понял, что он пытался сказать мне этим взглядом: «Смог ли бежать Хонда?» Охваченный смятением и страхом, я думал о том же: «Куда подевался капрал Хонда?» Если ему действительно удалось скрыться во время внезапного налета монгольских солдат, тогда у нас еще остается надежда, пусть и призрачная. «Что Хонда может сделать в одиночку?» От этой мысли поневоле становилось тошно. Но лучше хоть какой-то шанс, чем вообще никакого.

Мы пролежали связанными на песке до рассвета. Сторожить нас оставили двух солдат: одного с ручным пулеметом, другого – с винтовкой, а остальные собрались в стороне: курили, разговаривали, смеялись – расслаблялись после того, как поймали нас. Мы с Ямамото молчали. Хотя стоял май, температура в рассветные часы опускалась ниже нуля, и я боялся, что раздетыми мы замерзнем до смерти. Но что такое холод по сравнению с ужасом, сковавшим меня? Что с нами будет? Эти монголы – обычная дозорная группа, и наверняка они не могли сами решать нашу судьбу. Для этого нужен приказ сверху. Так что какое-то время нас, наверное, убивать не будут. Но что потом? Полная неизвестность. Ямамото, ясное дело, – шпион, меня поймали вместе с ним, значит, я его сообщник. В любом случае так просто нам из этой передраги не выбраться.

Рассвело, и откуда-то с неба донесся звук, напоминавший гул моторов. Скоро показался серебристый контур советского самолета-разведчика с опознавательными знаками Монголии, который стал кружить над нами. Солдаты замахали руками, аэроплан в ответ несколько раз покачал крыльями и сел поблизости, подняв тучи песка. Почва вокруг была твердая и ровная, поэтому и без специальной полосы там можно взлетать и приземляться довольно легко. А может, они уже несколько раз использовали это место под аэродром. Один солдат вскочил на коня и поскакал к самолету, держа на поводу еще двух лошадей.

Обратно с ним вместе подъехали двое – по виду офицеры в высоком звании. Один – русский, другой – монгол. Скорее всего сержант сообщил в штаб по радио о нашей поимке, и офицеры специально прилетели из Улан-Батора, чтобы допросить нас. Конечно, они были из разведки. Я слышал, что за прошлогодними массовыми арестами и чистками антиправительственных элементов стояло ГПУ.

Оба офицера были одеты с иголочки и чисто выбриты. На русском была теплая шинель с портупеей, из-под нее виднелись до блеска начищенные, без единого пятнышка сапоги. Для русского он был невысок ростом, худощав, лет тридцати – тридцати пяти. Высокий лоб, тонкий нос, бледно-розовая кожа, очки в металлической оправе. В общем, лицо как лицо, ничего особенного. Монгольский офицер – коренастый чернявый коротышка – рядом с русским казался медвежонком.

Монгол подозвал сержанта, и, стоя поодаль, они вдвоем о чем-то заговорили. «Наверное, подробно докладывает о том, что произошло», – гадал я. Сержант показал мешок с отобраным у нас имуществом. Русский внимательно осмотрел каждую вещь и сложил все обратно. Сказал что-то монголу, а тот обратился к сержанту. Потом русский достал из нагрудного кармана портсигар и протянул офицеру и сержанту. Затягиваясь сигаретами, они продолжали разговаривать.

Русский несколько раз ударил кулаком правой руки по левой ладони – было видно, что он немного раздражен. Монгольский офицер стоял с хмурым видом, скрестив на груди руки, а сержант все кивал.

Наконец, русский офицер не торопясь направился к месту, где лежали мы, и остановился рядом.

– Закурить не желаете? – обратился он к нам по-русски. Я учил русский в университете и уже упоминал, что разговорную речь разбирал вполне прилично, но во избежание лишних проблем сделал вид, что ничего не понимаю.

– Спасибо, не надо, – ответил Ямамото на вполне приличном русском языке.

– Замечательно, – сказал советский офицер. – Будем говорить по-русски. Значит, разговор много времени не займет.

Он снял перчатки, сунул их в карман шинели. На безымянном пальце левой руки сверкнуло небольшое золотое кольцо.

– Думаю, вы в курсе дела. Мы тут кое-что разыскиваем. Прямо с ног сбились. И знаем, что эта вещь у вас. Обойдемся без лишних вопросов: откуда, мол, вам это известно. Просто известно, и все. Однако при вас этой вещицы не оказалось. А раз так, значит, рассуждая логически, до того как вас поймали, вы ее куда-то спрятали. Туда, – он указал в сторону Халхин-Гола, – вы это не переправили. Реку никто перейти не успел. Так что письмо спрятано где-то на этом берегу. Я понятно говорю?

Ямамото кивнул:

– Понятно. Но мы ничего не знаем ни о каком письме.

– Хорошо, – бесстрастно проговорил русский. – В таком случае у меня есть один маленький вопрос. Чем вы здесь занимаетесь? Ведь вам хорошо известно, что это территория Монгольской Народной Республики. Зачем же вы проникли на чужую землю? Не могли бы рассказать?

Ямамото объяснил, что мы занимались составлением карт:

– Я штатский, работаю в картографической фирме. Вот этот человек и тот, кого убили... их мне выделили для охраны. Этот берег ваш, мы знаем и просим извинения за то, что перешли границу. Но вторгаться на чужую территорию мы не собирались. Просто хотели осмотреть рельеф местности отсюда, с возвышенности.

Русский офицер скривил тонкие губы в усмешке, как будто ему рассказывали что-то малоинтересное.

– Просите извинения, – с расстановкой повторил он слова Ямамото. – Так-так. Хотели с возвышенности осмотреть рельеф местности? Понятно. С высоты всегда лучше видно, правильно. Вполне резонно.

Он умолк и некоторое время молча рассматривал облака на небе. Потом снова перевел взгляд на Ямамото и, спокойно покачав головой, вздохнул:

– Как бы я хотел тебе поверить! Это было бы замечательно! Похлопал бы тебя по плечу и сказал: «Хорошо, хорошо! Ну, теперь давайте на тот берег и домой. В следующий раз смотрите, будьте осторожней». И всем будет хорошо. Честное слово, я хотел бы так поступить. Но, к сожалению, не могу. А все потому, что знаю, кто ты такой на самом деле. И знаю, что ты здесь делаешь. У нас есть кое-какие друзья в Хайларе, так же как у вас в Улан-Баторе.

Русский достал из кармана перчатки, сложил их по-другому и засунул обратно.

– Скажу откровенно: у меня лично нет никакого интереса вас мучить или убивать. Отдайте письмо – и никаких других дел у меня к вам нет. Я распоряжусь, и вас тут же отпустят. Вы сможете спокойно перейти на ту сторону. Гарантия – моя честь. Все остальное – наши проблемы. Вас это не касается.

Лучи взошедшего на востоке солнца начали наконец согревать кожу. Ветра не было, по небу плыло несколько плотных белых облаков.

Повисло долгое-долгое молчание. Безмолвствовали все – русский, монгольский офицер, солдаты из дозора, Ямамото.

Оказавшись в плену, Ямамото, похоже, уже приготовился к смерти. Его лицо совершенно ничего не выражало.

– В противном случае вы оба... примете здесь... смерть, – медленно, с расстановкой, как будто разговаривая с детьми, проговорил русский. – Ужасную смерть. Вот они... – Он посмотрел в сторону монгольских солдат. Верзила с ручным пулеметом пялился на меня, выставив в ухмылке почерневшие зубы. – Они обожают убивать – и делают это изощренно и со вкусом. Мастера своего дела, так скажем. Монголы еще со времен Чингисхана страшно охочи до всяких зверств. Тут они настоящие знатоки! Мы, русские, натерпелись от них так, что дальше некуда. У нас этому даже в школе учат. На уроках истории рассказывают, что монголы творили, когда вторглись на Русь. Миллионы людей убивали. Без всякого смысла. Слышали историю, как в Киеве они захватили несколько сотен русских из знатных семей и всех перебили? Соорудили большой помост из толстых досок, поставили его прямо на пленных и устроили на нем пир. Люди умирали, раздавленные этой тяжестью. Разве обыкновенному человеку придет такое в голову? А? Сколько времени потратили! Как готовились! Кто бы еще захотел с этим возиться? А они захотели. Почему? Потому что для них это удовольствие и развлечение. Они и сейчас такое творят! Мне как-то довелось наблюдать своими глазами. Я считал, что видел в своей жизни страшные вещи, но в ту ночь, помню, лишился аппетита начисто. Я понятно говорю? Может, слишком быстро?

Ямамото покачал головой.

– Замечательно! – заговорил снова русский, но, закашлявшись, прервался. – Ну что ж! Для меня это будет уже второй раз, и, может, к вечеру аппетит вернется, если все пройдет гладко. Но лучше б нам обойтись без лишнего смертоубийства.

Заложив руки за спину, русский некоторое время смотрел на небо. Потом достал перчатки и бросил взгляд в сторону самолета.

– Отличная погода! – сказал он. – Весна. Прохладно еще, но как раз то, что надо. Станет жарко – комары появятся. Ужасно неприятные твари. Да... Весна здесь намного лучше лета. – Офицер снова вытащил портсигар, достал сигарету и прикурил от спички. Медленно затянулся и так же медленно выдохнул дым. – Спрашиваю последний раз: ты в самом деле не знаешь о письме?

– Нет, – только и сказал Ямамото.

– Ну что ж, – проговорил русский. – Хорошо.

Обернувшись к офицеру, он сказал ему несколько слов по-монгольски. Тот кивнул и что-то приказал солдатам. Те притащили откуда-то бревна и ловко стали обтесывать их штыками. Получилось четыре кола. Отмерив шагами нужное расстояние, они камнями забили колья глубоко в землю так, что они оказались вершинами четырехугольника. На все эти приготовления, как мне показалось, ушло минут двадцать. Но что будет дальше, я понять никак не мог.

– Для них расправиться с кем-нибудь – все равно что вкусно поесть, – сказал русский. – Чем дольше подготовка, тем больше радости. Если уж надо просто кого-нибудь шлепнуть, достаточно одного выстрела – бах! и готово. Секундное дело. Но это... – он задумчиво провел кончиками пальцев по гладкому подбородку, – неинтересно.

Солдаты сняли с Ямамото веревки и отвели к тому месту, где поставили колья. Привязали к ним за руки и ноги. Он лежал, как распятый, на спине, и на его обнаженном теле виднелось несколько свежих ран.

– Как вы знаете, монголы – народ кочевой, – продолжал офицер. – Они разводят овец: едят их мясо, стригут шерсть, снимают шкуру. В общем, овца для них – идеальное животное. Они с ними живут – вся жизнь проходит с овцами. А как ловко они снимают шкуры! Потом делают из них палатки, шьют одежду. Ты когда-нибудь видел, как монголы снимают шкуру?

– Хотите меня убить? Тогда кончайте скорее, – сказал Ямамото.

Русский кивал, медленно потирая ладони.

– Так-так. Не надо спешить. За нами дело не станет. Не беспокойся. Правда, время придется потратить, но зато все будет с гарантией, не переживай. Торопиться некуда. Тут кругом степь без конца, без края, и времени у нас сколько угодно. К тому же я хотел бы кое-что тебе рассказать. Итак, что касается снятия шкур: у монголов обязательно имеется свой специалист по этому делу. Профессионал, мастер. Можно даже сказать, настоящий виртуоз. То, что он делает, – уже искусство. Глазом не успеешь моргнуть, как все готово. В один миг! Можно даже подумать, что существо, с которого живьем снимают кожу, даже не успевает ничего почувствовать. Впрочем... – он опять извлек из нагрудного кармана портсигар и, держа в руке, забарабанил по нему пальцами, – это, конечно, не так. На самом деле тот, кого обдирают заживо, испытывает жуткую боль. Просто невообразимую боль. Но смерть все не приходит и не приходит... В конце концов она наступает от огромной потери крови, но как долго все это тянется!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.